

ISS NO130 3500

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ 10

1981

10.335
1981

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- НОДАР ЦУЛЕЙСКИРИ.** Рассказы. Перевод
А. Беставашвили и К. Хучуа 3
- ЛАЛИ БРЕГВАДЗЕ.** Последнее лето кентавра.
Рассказ. Перевод Виктории Зининой 59
- ВАЛЕРИАН КАНДЕЛАКИ.** Мама Айше. Рас-
сказ. Перевод Лали Хучуа 116
- ВАХТАНГ АХВЛЕДИАНИ.** Миниатюры 121
- МУХРАН КОБАЛАДЗЕ.** Воры. Рассказ. 125
- АЛЕКСАНДР САМСОНИА.** Хороший человек.
Рассказ. 127
- НОДАР МОДЕБАДЗЕ.** Хрустальная люстра.
Рассказ. Перевод Ирины Волковой 129

ПОЭЗИЯ

- ФРИДОН ХАЛВАШИ.** Стихи. Перевод Ми-
хаила Синельникова, И. Резнико-
ва, Натальи Орловой 100
- ЯКОВ МЕЛИЯ.** Стихи. Перевод Наталли
Карповой, Николая Лятошни-
ского, Марка Рихтермана, Ната-
на Баазова, Глана Онаняна 105
- ШОТА ЗОИДЗЕ.** Стихи. Перевод Людмилы
Кудрявской 113

10

1981

- СОСО СИГУА. Миф и логика. Перевод Нелли
Солод 135
- ШАЛВА ЧИЧУА. Глубина и масштабность об-
раза. (Окончание). 168

РЕЦЕНЗИИ

- ДЖИЛЬБЕРТО ФИНЦИ. Посвящается тебе, до-
рогая 182
- АРЧИЛ БЕТАНЕЛИ. Повесть о первопроходце
космонавтики 188

ШОТА ДЗИДЗИГУРИ — 70 ЛЕТ

- ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Долгие 55... 191

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- АНДЖЕЙ ХОДУБСКИ. О польско-грузинских
исторических взаимоотношениях 194

ПУБЛИЦИСТИКА

- ГЕОРГИЙ СТУРУА. Национально - освободи-
тельные революции в Центральной Америке
и вмешательство империализма США 198

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

- КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН. «С натуральным
вкусом к жизни» 206
- ВЛАДИМИР ПОКРОВСКИЙ. «Председатель
земного шара» 211

ИСКУССТВО

- ЭТЕРИ ШАВГУЛИДЗЕ. Искусство добра и кра-
соты 214
- ХРОНИКА 220
- ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА 223

Р а с с к а з ы

СНЫ БАРКЛАЯ ДЕ-ТОЛЛИ

НАКОНЕЦ-ТО настали погожие деньки. Пенсионеры дождались хорошей погоды — сидят они в парке на длинной скамейке, сладко дремлют и греют на солнце свои старые кости. Сейчас парк целиком в их распоряжении: дети — в школе, молодежь — в училищах и институтах, мамы и папы — на работе. В парке царят тишина, покой, чистота. Заботливые руки все выскребли и вычистили: кусты аккуратно подстрижены, на зеленых газонах высажены яркие цветы. Парк напоминает пестрый ковер. Ухоженные аллеи щедро залиты солнечным светом, и золотые лучи так весело переливаются на ярко-зеленых листьях платанов, что сердце радуется.

Много ли нужно человеку? Хорошая погода — вот и настроение хорошее. Особенно радуются приходу весны старые люди. Солнце — это надежда, враг смерти. Каждую осень стариков одолевают печальные мысли: «А переживем ли мы эту зиму?» И когда, пережив «эту зиму», они снова видят солнце, то — понятное дело. — радуются и чувствуют себя увереннее, пока снова не наступят холода.

На весеннем небосводе красуется солнце в золотом венце. Парк заполнен стариками-пенсионерами. Только одна молодая женщина прогуливается с коляской, в которой сладко спит краснощекий, круглолицый — что твоя луна! — младенец. У входа в парк толпится народ. Здесь стоят автоматы с газированной водой,

прохожие то и дело останавливаются, опускают в ав-
томат монеты, пьют воду и уходят. В глубине парка,
за цветущими клумбами и фонтанами, где начинается
аллея, увитая изумрудной виноградной лозой, на го-
лубой скамейке одиноко сидит старик, он тоже прилеж-
но греется на солнце, глаза его прикованы к сучку од-
ного из деревьев — он внимает пению пристроившей-
ся там птички-невелички. Старика зовут Барклай де-
Толли — Димитрий Баркалая. Барклаем де-Толли его
прозвали на работе, и как только прозвали, он в тот
же день ушел на пенсию. Это случилось совсем не-
давно — год тому назад. В конце своей трудовой
деятельности он занимал пост председателя профкома,
и именно «в конце» что-то подвело его: то ли знания,
то ли способности, то ли энергия, а может, и про-
зорливость. Стали его звать Барклаем де-Толли. По-
чему именно Димитрия прозвали Барклаем де-Толли?
Может быть, причиной была его фамилия — Баркалая?
Но ведь эту фамилию он носил всю жизнь!

Ах, до чего дожил Димитрий Баркалая! Чудно
устроен этот мир, поди попробуй, разберись. То сюда
повернет волшебное колесо судьбы, то туда, порой
сладость принесет, порой — горечь, то возвысит те-
бя, то — низвергнет, то плакать заставит, то — сме-
яться. Перед нами, смертными, это «порой» встает
как неразрешимый логарифм, и мы ничего не можем
с ним поделаться; не можем спросить: почему? для
чего? А если спрашиваем, то ответа все равно не полу-
чаем. Фантастическая преграда возвышается перед
нами. Но мы все равно не успокаиваемся. Упорно
ищем причину — почему волшебник одним глазом сме-
ется, а другим плачет? Кто-то, махнув рукой, скажет:
«Таков сей мир, и нам все равно его загадок не разга-
дать!»

В свое время и Димитрий Баркалая ломал голо-
ву над загадками бытия, делал соответствующие вы-
воды и жил так, как ему подобало. Теперь он этим
заниматься не будет, теперь пусть молодые думают,
пусть побеспокоятся те, кто назвал его Барклаем де-
Толли. Димитрий ни о чем не будет думать, ни о чем
не будет беспокоиться, сядет под деревом и будет на-
слаждаться пением птички-невелички, будет на сол-
нышке греться и мирно доживать остаток дней. Он ни

о чем не будет тревожиться, будет жить в полном покое. На это он имеет и право и условия: вырастил двух сыновей, поставил их на ноги. Сыновья женились вовремя, живут они отдельно, в новых квартирах. Димитрий не хочет с ними жить. Поэтому остался в старом доме в одной комнате. Димитрий не хочет беспокоить сыновей — пока он в состоянии за собой ухаживать, пока у него хватает сил, а вот когда они его покинут, когда он совсем одряхлеет, только тогда пойдет он к сыновьям.

Пока ему хватает одной комнаты и пенсии. Пенсия у Димитрия большая — во всем парке ни у кого нет такой большой пенсии. Итак, Димитрий будет жить спокойно, и плевать ему на всех бездельников, зубоскалов, злопыхателей. Никогда не вспомнит он о прошлом — ни о хорошем, ни о дурном. Навсегда забудет «Барклая де-Толли». Будет ходить в зоопарк со своими внуками, а когда они заняты в школе или на уроке музыки, или у преподавателя иностранного языка, он сядет на эту голубую скамейку и послушает пение птиц. А наступит знойный июль, он отправится к морю, там, на берегу, в кипарисовой аллее тоже есть голубые скамейки.

Тяжело опираясь на палку и время от времени останавливаясь, чтобы передохнуть, в парк входит старик. Это Ироди, друг Димитрия. С Ироди Димитрий заново познакомился в этом парке. Оказалось, что знакомы они давно. Ироди был первым, кто на вопрос Димитрия не отозвался, как все остальные — «аджан». Димитрий не любит этого слова — «аджан». Когда он впервые пришел в парк, решил присоединиться к пенсионерам, чтобы поговорить о том о сем, надоело одному сидеть. Но с кем он ни заговаривал, все отзывались «аджан». Димитрий начал пересаживаться с одной скамейки на другую и, наконец, встретил человека, который сказал ему «батано». Это был Ироди. Ироди — пенсионер со стажем, большой друг «молодых» пенсионеров. «Молодые» не могут привыкнуть к новой «профессии», тоскуют. Ироди их подбадривает, учит, как сделать интересной новую жизнь — он человек опытный. В парке Ироди знают все, с ним считаются, советуются, но только он очень состарился, ослаб, ходит опершись на палку. Наконец-

то он добрался до скамейки Димитрия. Сел рядом с ним, оперся на палку и устался в землю.

— Тебе плохо, Ироди?

— Нет, я просто устал.

Над стариками сияет яркое солнце. Шляпа Димитрия лежит на скамье, а его бритая голова сверкает на солнце. Ироди еще не успел снять шляпу, но, вероятно, тоже скоро ее снимет. Старики сидят рядышком, словно голубки, и молчат. Непонятно, то ли дремлют они, то ли думают, то ли прислушиваются к шелесту листьев — никакими словами их состояния не передать. Так и кажется, что они сами источают удивительную тишину и покой, царящие в этом уголке парка.

Ироди начинает ерзать, поднимает голову, вытягивает и скрещивает ноги, откидывается на спинку скамейки, на скрещенные ноги кладет палку и тихонько поворачивает голову в сторону Димитрия:

— Вино-то киснет...

У Ироди одна забота: родственник из деревни прислал ему «изабеллу», а они никак ее распить не могут. Димитрий заявил, что «изабелла» хороша с таранью и гоми. «Гоми приготовит моя невестка,—сказал он. — Нам бы еще тарань достать». А тарани нет как нет.

— Вечером пробовал, уже пенится... — вздохнул Ироди. Он, не торопясь, снял шляпу и тоже положил ее на скамейку, рядом с собой. Если не считать нескольких белых волосков, голова старика была совсем лысая.

— «Изабелла» без тарани что есть что нет, — сказал Димитрий и молчит себе и молчит. Молчит и Ироди.

Димитрий хочет поделиться с другом, но не решается. Он не может ему открыть то, что его мучает. Кто знает, что подумает Ироди. Ведь однажды не поняли его и насмеялись над ним, обозвали Барклаем де-Толли. Поэтому он предпочитает молчать. Он ведет себя так, словно его очень заботит тарань. Но забота Димитрия намного сложнее и тяжелее: нет ему по ночам покоя. Днем еще куда ни шло, а ночью — лишь сомкнет глаза — ночью, видимо, и разум засыпает — вот и посят черти нашего Димитрия куда им заблагорассудится.

Нет на свете справедливости. Всю жизнь он про- вел так, что не до сна было — даже не помнит, видел ли вообще сны? Когда организовывал в горах колхоз, когда воевал под Курском и Орлом и спал в блиндажах, тогда ему ничего не мерещилось, а сейчас — откуда что берется, к чему бы эти волнения и тревоги! И ему никто не грозит, и он вроде ни с кем не воюет. Ведь он решил, что отвоевал свое, решил начать спокойную жизнь, так откуда теперь эта душевная смута?

Нечто невероятное происходит с Димитрием Баркалаея! Как будто прошлое преследует его — преследует очередями маузеров и автоматов, залпами орудий, сигналами разноцветных ракет и реянием красных знамен. В этом ничего плохого нет. Напротив, воспоминания о прошлом доставляют ему радость. Но видеть прошлое в кривом зеркале невыносимо, он не выдержит этого, сердце разорвется во сне. А все дело в этих проклятых сновидениях. «Не с неба же берется сон, — думает старик, — он ведь отражение моей души. Тогда почему же он все искажает, почему лжет, если я сам — действительность, то почему отражение действительности — ложь? В чем тут дело? Где собака зарыта?!»

После ухода на пенсию он долго нервничал — не нравилось ему новое положение, трудно было без работы, никого не хотел видеть, все его раздражало. Время все же сделало свое. Человек привыкает ко всему, и Димитрий тоже постепенно приспособился к бездеятельной жизни. Но прошлое не оставляло его в покое, прошлое следовало за ним по пятам.

Однажды воскресным вечером Димитрий рано лег спать. Весь день ходил он вместе с внуками по зоопарку, устал и решил отдохнуть. Он долго не мог уснуть, не мог отделаться от одной мысли, но не мутной, а чистой и легкой, словно птица, мысли: младший внук, маленький Миха, очень похож на деда — он напоминает старику его детство. Долго он думал о Миха, почему-то ребенок с самого начала пришелся ему по душе, и имя ему выбрал он сам. Миха был парень что надо — живой, неугомонный, здоровый. Так, размышляя о внуке, Димитрий незаметно уснул, и приснилась ему Курская битва. Тогда Димитрий был командиром батальона. Небо почернело от фашист-

ских «мессершмиттов», градом летели бомбы. Сквозь пули и огонь продвигается вперед батальон Димитрия. Димитрий так зычно и бодро отдает приказы, что отгоняет страх, защищает своих бойцов от страха. Димитрий страха боится больше, чем бомб.

Батальон Димитрия блестяще выполнил боевое задание. Враг отступил...

Батальон отдыхает... Радуются ребята — командование объявило им благодарность. Вдруг Димитрию сообщают, что прибывает сам Преображенский... Во сне все происходит так же, как это было наяву. И Димитрий, довольный, улыбается во сне. Как кино смотрит он свой сон: вот к строю солдат медленным шагом приближается Преображенский в сопровождении трех человек. Димитрий отдает приказ:

— Смирно!

Димитрию понравился собственный голос — гулкий, хорошего тембра, раскатистый. Солдаты четко выполнили приказ. Преображенский стоит неподалеку и наблюдает за батальоном.

Теперь Димитрию нужно произнести два слова: «Равнение направо»... При отдаче этого приказа важно четко, ясно, громко произнести «напра»... Димитрий верит в древнюю грузинскую заповедь: герой должен иметь сильные руки, громовой голос и чистое сердце. Димитрий обладает всеми этими тремя качествами — надо их проявить. «Напра» надо произнести так, чтобы вся Германия задрожала от страха.

— Равнение!..

Словно набат прозвенел голос Димитрия в чистом поле. Он остановился, сделал паузу, пауза придает приказу особую выразительность.

— Напра!.. — загремел голос Димитрия. Что правда, то правда — голос у него был что надо. Оказывается, услышав это «напра», Преображенский готов был дать Димитрию звание генерала.

— Во!.. — грянул командир... И тут случилось нечто невероятное: батальон повернул головы налево. Это не соответствовало действительности. Димитрий поспешно приказал: «Отставить!» Но когда он снова отдал приказ «Равнение направо», батальон опять повернул головы налево. Преображенский помрачнел. Димитрий видел, как командир дивизии нахмурил

брови. Весь дрожа, он снова отдал приказ, но батальон ни за что не хотел равняться направо. А там стоял черный, как туча, Преображенский и вопросительно смотрел на Дмитрия.

«Невероятно, невозможно, — волновался во сне Дмитрий, — такого не бывает, ни одному солдату на земле не придет мысль поворачивать голову налево наперекор команде». Так, терзаясь и споря с самим собой, он проснулся. Сердце его колотилось что есть мочи. Задумался Дмитрий, забеспокоился не на шутку. Поди разберись в таком сне!

Преображенский погиб в боях под Минском. Отличный был человек. Дмитрия очень любил. Странное появление умершего расстроило Дмитрия. Да ну, глупость все это, заключил он. Но почему-то эта глупость не выходила у него из головы. После этого не раз возникал в его снах рвущийся в атаку «тигр», но эти сны он не запоминал. Когда его впервые назвали Барклаем де-Толли, в ту ночь он тоже видел плохой сон, его он запомнил.

Как будто они должны были переправиться через Дунай. Немецкая артиллерия, с утра открыв огонь, не давала нашим сосредоточиться, советские бойцы никак не могли подступить к реке. Фашисты сгруппировали всю артиллерию и возвели непреодолимый барьер. Надо было временно прервать атаку и применить маневр — километров на десять к югу развернуть фронт. Этот стратегический маневр осуществлялся по инициативе Дмитрия. Дмитрий тогда уже был командиром батальона. Сон и явь в данном случае соответствовали друг другу, но это соответствие продолжалось недолго. Вдруг на берегу Дуная показался какой-то всадник на белом коне, конь встал на дыбы, вдоль Дуная в длинные колонны выстроились войска, и всадник произнес речь. Это был Наполеон, а Наполеоном был Дмитрий. Дмитрию стало стыдно, что он Наполеон: то есть он не того стыдился, что был Наполеоном, а того, что на самом деле, не будучи Наполеоном, перед войском выдавал себя за него. Лгал, бесстыдно лгал военачальник! «Ничего, это же всего-навсего сон! — успокаивал себя во сне Дмитрий. — Вот проснусь, и все пройдет». Но Наполеон-Дмитрий как ни в чем не бывало продолжал ораторствовать.

Тогда Димитрий рассердился и крикнул: «Товарищ Наполеон! Я ничего общего с тобой не имею и никогда не имел ни малейшего желания быть Наполеоном! Поверни своего белого коня и возвращайся к себе!»

В дебатах с Наполеоном он проснулся.

По вине этих снов, искажающих прошлое, пошатнулось железное здоровье Димитрия: у него повысилось кровяное давление, обнаружилось сердечно-сосудистое заболевание и воспаление суставов.

Днем Димитрия не особенно беспокоит и волнует дурной сон, увиденный ночью. Для него сон — это пустое дело, он в сны не верит и нервничать из-за них не станет. Если иногда вспомнит увиденное во сне, то скажет — словно печать поставит: «Сон — это чушь», и сбросит его в архив всяческих видений, воспоминаний, грез. Но во сне ему трудно делать выводы. Сновидение ему кажется явью. Переиначенное прошлое кажется таким правдоподобным, что поди не верь в его реальность, не нервничай. Иногда во время глубокого сна он вскрикивает. «Это же сон, это ложь и глупость!», но выкрики остаются выкриками, а сон — сном. Если тебе во сне приходится переживать, спорить, убеждать, что это за сон, скажите на милость, какой это отдых! Душевный покой Димитрий обретает лишь днем, когда гуляет с внуками в зоопарке или вместе с Ироди дремлет на солнышке в укромной аллее. Иногда, откуда ни возьмись, к нему подкрадется какая-нибудь мысль, засядет в голову, взбудоражит его, разворошит прошлое. Ничем она не отличается от ночных видений, такая же назойливая, является непрошеным гостем, вмешивается в его жизнь. С Ироди тоже бывает такое: клюет носом по-стариковски и в полудреме шепчет что-то, общается с прошлым. Но Ироди свои мысли, свои сны и воспоминания не скрывает, он их тут же выкладывает другу. Удивительно, что их мысли и даже сны, если вдуматься хорошенько, по сути одинаковы. Но Димитрий не вдумывается в рассказы Ироди, слушает его вполуха. Ироди ему вообще кажется несерьезным человеком.

Молча сидят старики на голубой скамейке. Откинувшись на спинку скамейки, они вслушиваются в прошлое, словно не в парке сидят, а в прошлом. У

обоих блестят на солнце лысины, у обоих шляпы лежат рядом. Откуда ни возьмись в парк залетает пчела, сначала она кружится над обнаженной головой Димитрия, затем с жужжанием носится вокруг головы Ироди. Старики даже не замечают ее, и вскоре пчела улетает по своим делам — направляется к цветочным клумбам.

— Жарко стало, перейдем в тень, — говорит Димитрий и берет шляпу. Ироди тоже берет шляпу и, опираясь на палку, встает. Старики уходят в беседку и здесь располагаются на голубой скамейке. Беседка радуется взор своей красотой. Смелые побеги виноградной лозы, обвивающие железные перекладки и проволочки, напоминают зеленых ящериц, поднявших головки и собравшихся куда-то бежать. Солнце балует ярко-зеленые свежие побеги, могучая лоза тянет из земных недр соки, выпрыскивает весенний нектар в юные стебли и ростки и на радость солнцу колышет их зеленой волной под золотыми лучами. Осмелевшие же побеги, словно боясь упасть с навеса, сцепились друг с другом кудрявыми усиками, обвили железные перекладки и подставки и, пока крохотные бусинки зеленых кистей еще не налились волшебным соком, образовали чудесную тень для человека. Старикам сейчас в тени приятнее, чем на солнце. Сидят они здесь, и разомлевшие их тела жадно впитывают прохладу.

— Вино-то киснет, — снова проговорил Ироди после долгого молчания. Сказал он это тихо, про себя, не поворачиваясь к Димитрию.

— А Рубена ты видел? — спросил Димитрий у Ироди.

— Видел, говорит, что у него нет.

— У Рубена должна быть, врет он...

— Сходил бы ты в торг, к Сордиа...

— И что мне ему сказать?

— Скажи, что у Рубена есть тарань, и пусть он нам ее даст.

— Что же мне, на старости лет из-за тарани попрошайничать?

— Я пойду от твоего имени.

— От моего имени пока хожу я сам...

Димитрий замолчал. Замолчал и Ироди, но он не сводил глаз с друга.

— Димитрий, — спокойно начал Ироди, теперь маршала тебе уж никто не даст... Но и в чине никто не понизит, сходи к Сордиа. Говорят, что тарань распределяет он.

— К Чанчалейшвили пойду.

— А у кого же ты был вчера?

— Вчера его не было на месте.

— Черт с ним, сходи к Чанчалейшвили, он наверное позвонит Сордиа.

— Разве Гобронидзе не звонил ему? — спросил Димитрий у Ироди.

— Нет. Обещал позвонить и обманул.

— Может, вправду нет у них тарани, Ироди, а тебе кажется.

— Если бы я своими глазами не видел, не поверил бы, целую машину привезли к Рубену, я там стоял, когда ее разгружали.

— Тогда почему они ее не продают, для кого они ее прячут?

— Давай теперь выяснять, почему не продают, для кого прячут, а за это время все разберут и бог весть когда еще привезут! Возьми и сходи к Сордиа, Сордиа тебе не откажет...

— К Чанчалейшвили пойду.

— Делай как знаешь, — рассердился Ироди, — будь я Димитрий Баркалая, я бы знал, что мне делать!..

— Интересно, что бы ты сделал?

— Сходил бы к Сордиа и достал бы тарань.

— Решено! Иду к Чанчалейшвили. — Димитрий надел шляпу и встал. — Ты меня подождешь?

— Здесь буду ждать.

Димитрий не спеша отправился в путь, пересек парк и вышел на улицу. Перейдя на ту сторону, он скрылся в подъезде белого дома. Время от времени отдыхая и держась за перила, он поднялся по лестнице, прошел длинный коридор и открыл обитую черной кожей дверь. В приемной было много народу. Димитрий подошел к секретарше и назвал себя. Секретарша вошла в кожаную дверь и вскоре вернулась обратно, сказав Димитрию: «Входите». Чанчалейшвили тепло принял Димитрия.

— О, тарань, тарань! — Чанчалейшвили сглотнул слюну. — Позвоню Татейшвили, Сордия Татейшвили не откажет. Ткемали, наверное, уже готово, Димитрий? С киндзой, с приправами!.. Ох, ох!.. С перцем!..

Чанчалейшвили взял трубку и набрал номер.

— Здравствуй, Михаил Васильич...

«Приветствую дорогого Серго», — Димитрий ясно услышал голос Татейшвили. Чанчалейшвили отодвинул трубку от уха, в трубке, словно в микрофоне, все было слышно.

— Одна просьба к вам, Михаил Васильич! Сейчас у меня мой друг Димитрий Баркалая, возможно, вы тоже его знаете...

«О-о, Барклай де-Толли! Кто же его не знает!..»

Димитрий оцепенел. Лучше бы ему провалиться сквозь землю, прежде чем явиться сюда. Димитрий pokrылся холодным потом: «Неужели весь город зовет меня Барклаем де-Толли?» Не думал он, что, кроме его сотрудников, кому-нибудь известно его прозвище.

— Так вот, Димитрию нужна тарань. Говорят, что она есть у Сордия...

«Да, тарань, тарань, вобла! Сейчас неплохо бы ее отведать! Вместе со свежим ткемали, верно, Серго!.. Не клади трубку, сейчас же позвоню Сордия. По другому телефону... Димитрий — золотой человек, передай ему от меня привет».

Чанчалейшвили прикрыл трубку ладонью и передал Димитрию привет от Татейшвили.

— Весьма признателен! — пробубнил Димитрий.

«Здравствуй, Евграфий Доментич!.. — послышалось снова в трубке.

— С Сордия разговаривает, — шепнул Чанчалейшвили Димитрию, — слышишь?

Чанчалейшвили повернул трубку в сторону Димитрия, так, чтобы старик своими ушами слышал, как благоволит Татейшвили к нему лично и к Димитрию.

«У нас с Чанчалейшвили одна просьба к тебе»... «Нужна тарань... Немного, килограмма два... не спекулировать же нам ею!..» «К кому?»... «К Рубену? Это еще что за Рубен?.. Да, да, знаю, как же. Значит, пойдем от твоего имени... Большое спасибо... Ты все слышал?»

— Слышал, большое вам спасибо, — рявкнул в трубку Чанчалейшвили, — значит, от имени Сордия надо подойти к Рубену, туда, где большой рыбный магазин... Большое спасибо, Михаил Васильич.

Чанчалейшвили положил трубку, достал платок и вытер пот со лба. Это был тучный мужчина с животом, начинающимся чуть ли не от самой грудной клетки, постепенно расширяющимся и только ниже пупа немного убывающим в ширину. Живот свисал жирными складками, подобно бараньему курдюку. Весь этот груз с большим трудом удерживали необъятные, приспущенные спереди, как у кишто, брюки. Кроме того, от природы он был наделен широкой костью, бог не пожалел для него ни плоти, ни крови, ни румянца. Если к этому еще добавить изрядный рост, то вас не удивит и его вес — Чанчалейшвили весил 120 килограммов. Вполне понятно, что такой махине справиться с небольшим бараном так же легко, как другому с куриным крылышком. Поглядели бы вы на Чанчалейшвили после хорошей трапезы — даже в абсолютном покое он весь полыхал огнем, в течение двух-трех часов обливался потом — шел трудный процесс переваривания пищи. И не дай бог в это время его потревожить по какому-нибудь делу! Как от сыпного тифа, его щеки и лоб покрывались красно-желтыми пятнами, на висках, шее и на носу выступали крупные капли пота. Он знал, что это с ним произойдет, но ради Димитрия себя не пощадил, достал ему тарань! Когда он положил трубку и вытер пот со лба, Димитрий на его лице прочитал: вот видишь, сколько пришлось потрудиться, но ради тебя я на все готов. Выразительно взглянув на Димитрия, Чанчалейшвили гордо произнес:

— Вот и дело с концом!

— Большое тебе спасибо, Серго, дорогой! — Димитрий встал и протянул Чанчалейшвили руку на прощание.

Чанчалейшвили пыхтя проводил Димитрия до двери кабинета, еще раз пожал ему руку и сказал:

— Заходите, Димитрий, дорогой, не стесняйтесь. Я всегда к вашим услугам.

Чанчалейшвили почему-то захохотал. Совсем неуместным и бессмысленным был этот смех. Димитрий,

отведя от него глаза, прикрыл за собой черную дверь, надел на бритую голову шляпу и грустно начал спускаться по лестнице. Выйдя на улицу, он подумал: «Убить мало этого Ироди!..»

Когда Димитрий и Ироди пришли в магазин, Рубена на месте не оказалось. «Только что был, скоро вернется», — сообщили им сотрудники. Торговый зал магазина был просторный, с высоким потолком. От одной стены до другой тянулся длинный прилавок, за которым стояли продавцы рыбного отдела в белых халатах. Видно было, что магазин имел несколько отделов, в одном углу торговали даже пивом. Там толпился народ. Димитрий и Ироди выбрали уголок по-свободнее и пристроились на опрокинутой возле окна бочке. Прямо перед ними был расположен прилавок с рыбными консервами и папиросами, консервов никто не брал. Продавец сидел и грязными руками ел хлеб с колбасой. Ироди, опираясь на свою палку, подобрался к продавцу консервов.

— Сынок, если бог даст и Рубен появится, он через эти двери должен войти?

— Других дверей у этого магазина нет, — холодно ответил продавец консервов, откусывая свой хлеб.

— Значит, Рубен войдет в эти двери и пройдет сюда? — не отставал Ироди. Продавец кивнул. Ироди задумался, но сколько бы он ни думал — другого выхода не было; надо было сесть на бочку рядом с Димитрием и ждать Рубена. Он так и поступил. Не шевелясь, тихо сидели старики. Димитрий злился. Он злился не на Рубена, а на себя, что послушался Ироди и ввязался в это дело.

— Не придет Рубен, — сказал Димитрий. — Вот увидишь.

— Если не придет, возьму и пойду домой! Подумаешь, дело какое!

Вдруг в зале откуда-то появилась женщина с метлой, тазом и тряпкой. Подойдя к Димитрию, она все это имущество сложила у его ног. Продавец консервов закрыл двери и объявил покупателям, что начинается перерыв.

— Вот видишь! Давай уйдем отсюда, пока нас не вытолкали взащей! — сказал Димитрий, встал и пошел к выходу. Ироди последовал за ним. И надо же, прямо

в дверях столкнулись они с Рубеном. О, как обрадовался Ироди!

— Вот тебе и не придет, вот тебе и не придет! вскричал обрадованный Ироди и, постукивая палкой, последовал за Рубеном в магазин. Димитрий остался на улице. Ему недолго пришлось ждать. Нагруженный таранью Ироди вскоре вышел из магазина. Старики медленно побрели к дому.

Вечером Ироди принес «изабеллу». К этому времени у невестки Димитрия, которая заранее начала готовить ужин, на кухне уже поспевал гоми. Димитрий принес нарды.

— Не привезла невестка внука. Показал бы я его тебе, знаешь, какой он парень? Вылитый Баркалая!

— Сколько ему лет?

— Во втором классе учится, прямо замучили ребенка, то музыка, то английский... Не привезла она его, сказала, что занимается.

— Мои внуки уже большие, не нуждаются в дедушке.

— У меня тоже этот один остался, остальные уже выросли. Завтра воскресенье, может, пойдешь с нами в зоопарк?

— Почему бы и не пойти!.. Давай играй!

— Это шашки... это ду...¹

Ироди плохо видел, поэтому он не позволял партнеру переставлять шашки прежде, чем рассмотрит кости.

— Можно играть?

— Играй! У тебя беш-дорти!

Невестка Димитрия накрыла стол, Ироди прервал игру. Димитрий принес кувшин с вином и поставил на стол.

— Давайте я перелью вино в другую посуду. Куда вы поставите такой огромный кувшин?! — удивилась невестка.

— Вот сюда и поставлю... — Димитрий показал невестке на середину стола. — Смотри, какое у него

¹ Здесь и далее приводится персидский счет игры в нарды.

изящное горлышко, как он украшает стол. Где ты достал такой красивый кувшин? — спросил Димитрий у Ироди.

— Вместе с вином прислали.

— Не взятка ли это, Ироди? Не вводи меня в грех!

— Видишь, как на тебя действует стол!

— Отец, если я вам больше не нужна, то я пойду, мне некогда, — сказала невестка Димитрию.

— Иди, дочка... Все ли на столе? А соль? Где соль?

— Зачем к тарани соль...

— Ступай, дочка, я завтра зайду и заберу Миха в зоопарк.

Невестка ушла. Димитрий разлил вино в маленькие стаканы.

— Давай выпьем; что ты мне наговорил: «вино пенится» — где ты видишь пену?

— За твое здоровье, мой Димитрий!

— Будь здоров, Ироди! Побольше бери ткемали, оно и мертвого оживит!

Старики уткнулись в свои тарелки.

— А ничего себе тарань, а, Димитрий?

— Тарань хороша, да вот Рубен плох.

— Говорят, что тарани в Астрахани много.

— Давай теперь выпьем за тех, кто сотворил нас, — начал Димитрий. — кто, словно всевышний, вдохнул в нас душу и привел нас в этот мир, за наших родителей! Если бы не они, не было бы нас, а если бы не мы — не было бы наших детей, такова жизнь...

Ироди пил понемногу, смаковал вино. На мгновение в комнате воцарилась тишина. Старики молча ели тарань и гоми. Вдруг Димитрий встал, откуда-то достал толстый, словно книга, журнал, стряхнул с него пыль, обтер и положил на стол.

— Что это за книга? — поинтересовался Ироди.

— Давай еще разок выпьем и ты узнаешь, что это за книга. Давай-ка вспомним тех, с кем в течение пяти лет мы вместе спали, вместе пили и ели, вместе кровь проливали. В этом журнале записаны все офицеры моего батальона. В нем записано все: их адреса, история их жизни. Я очень любил свой батальон. Хорошие были бойцы, совсем молодые, неугомонные.

словно ртуть, ребята, как потревоженные волки, не боятся ни мороза, ни бури, ни снега, ни леса, ни пропасти, так и они не боялись ничего — не боялись пули — пуля их боялась. Когда меня повывели, что к чему-то перевели на другой фронт, растерял я своих ребят. Остался только этот журнал. Из них в живых остались только двое: я и Федор, волжанин, Федя.

Димитрий открыл журнал. Ироди с любопытством рассматривал пожелтевший фотоснимок. Снимок лежал в середине журнала.

— Вот это бедолага Федя — один из них. Совсем недавно разыскал я его в Харькове. По старому адресу он не числился, долго пришлось искать, наконец нашел.

Ироди долго смотрел на безногого, небритого старика.

— Я ему деньги послал, потом сам съездил в Харьков, когда увидел его — сердце оборвалось, спился бедняга, совсем пропал человек. Прекрасные у него дети, но что из этого, он никого не слушает, ничем не интересуется. Этот снимок сделан там, Федю мне показали на улице, пьяного, пока не протрезвел — меня не узнал. Эх... Федя, Федя, он хоть жив остался...

— Выпьем за них! — Димитрий закрыл журнал.

— За Федю выпьем отдельно!.. Давай за память погибших на войне, — сказал Ироди и налил капельку вина на кусок хлеба.

— Эх, Федя, Федя! — Димитрий взял снимок у Ироди. — Совсем не стал меня слушать, сказал: «Твоих заповедей, внушений я на фронте наслушался, все знаю! Теперь у меня свои теории». Не жилец он на этом свете...

— За здоровье Феде!.. — сказал Ироди и залпом осушил стакан. Этим поспешным тостом он хотел выразить сочувствие Димитрию.

— Шутка ли, без ног человек остался, пропал совсем! — грустно проговорил Димитрий. — За здоровье бедняги Феде! — Димитрий выпил и осторожно поставил на стол пустой стакан.

— После меня батальоном командовал Федя! Весь батальон погиб под Брестом. И Федя там оставил свои ноги...

— Ты ведь знал Али-заде, — теперь настал черед Ироди. — Если ты помнишь, мы вместе из Тбилиси уезжали. Он тоже тбилисец, жил в Сололаки.

— Да, вроде припоминаю, — Димитрий не помнил Али-заде, но не хотел обижать друга.

— Парень он был на редкость добрый. Именно эта доброта и погубила его. Дело было в Румынии... Вдруг получаем приказ прекратить атаку. Мы сидим на склоне горы в наспех вырытых окопах. Перед нами немцы, они тоже укрепились на склоне горы, между нами течет река, все это похоже на сказку, но тебе я расскажу, тебя такая сказка не удивит. Нам приказано не дать немцам возможности шевельнуться, они и не шевелятся, тихо сидят в окопах. Мы видим их окопы, пулеметы, видим почти все. Наверное, и они прекрасно видят нас. Удивительно то, что они тоже не стреляют в нас, пока кто-нибудь из наших не поднимет голову, а как поднимет, тотчас грянет винтовка, застрекочат автомат и пулемет. Очевидно, задумана большая стратегическая битва — мы ничего не знаем, беспрекословно выполняем приказ и ждем, что будет. Что главное — стоит такая жара, что все вокруг горит. Проходит день, второй, третий, а спасения от зноя нет. Даже ветерок не шелохнется, жажда мучает. Только ночью ухитряемся подать друг другу голос. Но и этого достаточно для врага — склон прошивает пулеметная очередь. Короче говоря, вот уже третий день валяемся на потрескавшейся, пересохшей земле и поджариваемся на солнце. Мы с Али-заде лежим в одном окопе, грязные, заросшие щетиной. Но грязь — ерунда по сравнению с жарой. Мы лежим красные, как раки. Все сильнее и сильнее припекает солнце.

Мы задыхаемся, уже ничего не соображаем. Вдруг видим, как из немецкого окопа вылез солдат, на наших глазах сбросил на землю винтовку, рюкзак, молниеносно скинул брюки, рубашку и остался голышом. «Не ловушка ли это, осторожно!» — предупреждаю я Али-заде. «Погоди, кажется, происходит чудо», — говорит Али-заде и целится из винтовки в немца: «Никуда он от нас не уйдет, подождем немного, посмотрим». Солдат, в чем мать родила, спустился вниз по склону, махнул рукой, словно дал нам какой-то знак, бегом бросился к реке и так жадно начал пить воду, что я и сейчас слы-

шу это бульканье. Воду он черпал горстью. Долго он стоял и пил. А мы... Мы ждем Али-заде, он командир, а он молчит, только целится из винтовки.

Немец, не торопясь, вошел в реку. Плавать он не умел, барахтался у берега, словно дитя малое. Ты бы посмотрел, что он вытворял! Как он прыгал и резвился!.. «Давай не будем стрелять в него, все равно кто-нибудь сделает это и без нас», — сказал Али-заде и опустил винтовку. Очевидно, и другие рассудили так же: «кто-нибудь другой выстрелит» — и не стреляли. Немец кончил купаться и стал взбираться вверх по склону. Взглянул в нашу сторону и рукой помахал: до свидания, дескать. «Вот сейчас его и пристрелят», — сказал я Али-заде, не на шутку обеспокоенный. Али-заде, чтобы слышали и другие роты, изо всей силы крикнул: «Ребята, не стрелять, жалко!» Только он успел сказать это, и откуда ни возьмись где-то рядом просвистела пуля. Я не обратил на это внимания, так как не сводил глаз с обнаженного немца. Мне было интересно, дойдет он или не дойдет до своего окопа. «Али-заде, видишь, он остался в живых, никто не стал стрелять!» — воскликнул я, обрадованный. Оглянулся — и что же вижу: Али-заде плавает в крови. Пуля угодила ему прямо в лоб. Война не знает пощады. Не мне тебя учить, мой Димитрий, война добрых жестоко наказывает... Так просто и глупо погиб Али-заде!

— Давай выпьем за упокой души Али-заде и Ивана Кругликова, — сказал Димитрий, — Кругликов был гордостью нашего батальона, в сорок втором бросился под танк. Он был русский из Таганрога, отличный парень.

Ироди молча опорожнил стакан и налег на темя.

— Нет на свете справедливости... — Димитрий положил на стол сжатые в кулак руки.

— Я захмелел, — сказал Ироди, — давай больше не будем пить.

— Это же «Изабелла», ничего с нами не будет.

— «Изабелла», «Изабелла», говоришь, а сам побагровел, словно 17-летний юноша.

— Побагровел? Ай, ай, Димитрий Баркалая!

— Так, брат, всему конец, даже поесть не могу как следует! Какое у тебя давление?

УДК 82.09
1010333

- Двести.
- Завтра будет двести двадцать.
- Да ну, ничего врачи не знают. Иногда хорошо переносу вино, а иногда плохо.
- Что дальше делать будем?
- Выпьем еще чуть-чуть.
- Только немного, совсем немного.
- Ого, как ты, оказывается, любишь себя!
- Эх... Выше головы не прыгнешь.
- Давай помянем Спиридона, бедный Спиридон...
- Это какой Спиридон? Циргиладзе?
- Никого у него не осталось, не было у него ни жены, ни детей.
- Где он, в Керчи, что ли, погиб?
- Никто не знает, что с ним случилось, пропал без вести.

Димитрий выпил до дна. Ироди отпил немного и поставил стакан.

— Ироди, скажи мне, пожалуйста, как меня зовут? — вдруг спросил Димитрий. Ироди оцепенел от удивления. Настолько неожиданным, неуместным и бессмысленным был вопрос друга, что он ушам своим не поверил. Согнув ладонь рупором, он приставил ее к уху и нагнулся к Димитрию:

- Что-то ты меня спросил?
- Как меня зовут, как называют? Чего ты удивляешься?
- Здрасьте! Разве тебя не Димитрием зовут?
- Димитрием — само собой, но еще как зовут?
- Еще?
- Да, какое прозвище мне дали?
- Кто дал прозвище? Какое?
- Ты разве не слышал?
- Нет.
- Поклянись детьми, что говоришь правду.
- Клянусь, впервые слышу. А как тебя прозвали?
- Ироди притворился заинтересованным.
- Да никак, я просто так спросил... кое о чем вспомнил...

Димитрий приуныл, в комнате воцарилась тишина. Неожиданному вопросу Димитрия эта тишина, казалось, придавала больше смысла и значения. Этот вопрос как будто увеличился, разросся и, чтобы Ироди

мог его разглядеть хорошенько, повис под потолком, словно люстра. Нечаянный вопрос висел в воздухе и раскачивался над головами стариков, усугубляя возникшую неловкость. Постепенно эта неловкость становилась все явственней, зримей и ощутимей, казалось, она вот-вот прикоснется к уху Ироди и скажет ему: «Ты же знаешь, как зовут Димитрия, почему же ты лжешь, старик?!» Ироди необходимо было что-нибудь сделать — либо заговорить, либо заглянуть под стол, либо встать, но непременно что-то сделать. В таком же состоянии был и Димитрий: он переживал, что поставил друга в неловкое положение. Ему казалось, что он выдал себя, проявил всю свою слабость. Он тоже непременно должен был что-то сделать: либо заговорить, либо ударить кулаком по столу так, чтоб высечь искры из глаз, как это с ним бывало раньше, когда его глаза и вправду метали искры. Но вместо этого Димитрий вдруг встал — как будто в его поведение вмешалась какая-то посторонняя сила, словно он думал одно, а делал другое, и поплелся к гардеробу. Открыв дверцу, долго там возился. Наконец он отыскал свои синие брюки, снял с вешалки белый китель, закрыл гардероб и, подойдя к столу, сунул свой мундир чуть ли не под нос Ироди.

— В этом кителе я был в Кремле. А вот здесь у меня лежит благодарность главнокомандующего, — Димитрий достал из кармана кителя вчетверо сложенную бумагу и показал ее Ироди. Когда Димитрий доставал из кармана кителя «благодарность одного человека», у него дрожали пальцы. Нервная дрожь передалась и Ироди, его пальцы тоже начали выбивать по столу дробь.

— У меня такого нет... — виновато проговорил Ироди. Димитрий спрятал китель и брюки в гардероб и подсел к столу. Лицо его выражало довольство, словно он сбросил тяжелый груз, словно своим бессознательным поступком открыл другу нечто значительное и отвел душу.

— Не обидел ли тебя кто-нибудь, Димитрий?

— Нет, — холодно ответил Димитрий и отщипнул кусок от тарани. Ироди воткнул вилку в большой кусок гоми и обмакнул его в ткемали.

961935920
2025010933

— Давай выпьем еще по одной, — сказал Димитрий и наполнил стаканы. Этот стакан Димитрий осушил без тоста. Ироди удивился, но, не желая обидеть, не спросил, за что он пил.

— Мы уже пьяны, Димитрий, — сказал Ироди.

— Ты прав, мы оба пьяны, — засмеялся Димитрий.

— Эх, жаль, что у нас нет друзей в Астрахани, присылали бы нам тарань пудами!

— Да, да!.. Не поехать ли нам в Астрахань?

— Насчет Астрахани не знаю, но домой мне пора, уже поздно, который час?

— Еще рано, как ты можешь ложиться в такую рань?

— Пока я доплетусь до дома, будет поздно.

Ироди встал, Димитрий проводил друга. Выйдя на балкон, Ироди посмотрел на небо и сказал:

— Завтра тоже будет хорошая погода, спокойной ночи, Димитрий!

— Спокойной ночи, Ироди!

— Желаю приятного сна!

Ироди ушел. Димитрий остался один. Старик прикрыл дверь, сел на стул и начал медленно раздеваться. Как только он лег, почувствовал усталость, вскоре погасил свет и повернулся к стене. Вино, конечно, давало о себе знать, но нельзя было сказать, что он пьян, он только слегка захмелел. Он лежал и спокойно дышал. Намаевшиеся за целый день старые кости требовали отдыха. И сон не заставил себя долго ждать. Вдруг ни с того ни с сего ему приснился Ироди. Они будто стояли у Днепра, раздевались и собирались купаться. На другом берегу укрепились пемцы. Завтра на Днепре намечается бой не на жизнь, а на смерть. А Ироди и Димитрий пришли сюда искупаться. «Это же рассказ Ироди, из-за него и снится мне такая глупость», — думал Димитрий во сне. Тем временем Ироди прыгнул в воду. И Димитрий последовал за другом. Ироди поплыл саженками, взмахнул руками раз, другой и вдруг нырнул головой вниз. Димитрий, не мешкая, нырнул в том же месте, где исчез Ироди. Нырнул и оцепенел: прямо на его глазах Ироди проглотила огромная тарань. Как будто на дне реки лежала тарань величиной с кита, которая, проглотив

Ироди, погналась за Дмитрием. Дмитрий повернул к берегу, рыба схватила его за ноги, но Дмитрию удалось вырваться. Она сделала в воде круг и, разинув пасть, двинулась навстречу Дмитрию. Толкнув чудische ногай, Дмитрий потерял равновесие и пошел ко дну. Прежде чем он успел высунуть из воды голову, тарань опередила его и ударила в живот. Под водой завязалась смертельная борьба. «Никто не поверит, что меня проглотила тарань, — мелькнуло в голове у Дмитрия. — Все знают, что я пошел купаться... Боже мой, что подумают в штабе!..» Дмитрий вертелся, как волчок, рыба нападала на него быстрее молнии, беспощадно била его гибким хвостом и острыми, словно лезвие, плавниками. Все его тело было в царапинах и в ссадинах. «Пусть она меня лучше выпотрошит, пусть даже перережет глотку, но я не дам себя проглотить!» — думал Дмитрий. Никто, ни дома — в Грузии, ни здесь — на фронте, ни один человек не поверит, что Дмитрий не в плен к фашистам попал, а его проглотила тарань. «Держись, Дмитрий Баркалая!» — воскликнул он мысленно и окровавленными ногтями вцепился рыбе в жабры. Его бритая голова чуть было не угодила в ее пасть, но ему удалось в последнюю секунду изловчиться и ускользнуть от нее...

Устал Дмитрий, обессилел, много крови потерял и... Это еще что такое?! Сердце подводит, не может дышать, не может шевелиться... Не наяву ли болит у меня сердце? Нет, это во сне, заключил он. Вдруг Днепр помутнел, словно в него вылили грязную воду. Тарань исчезла без следа. Теперь ему было не до нее, он, как свинец, шел ко дну и за глоток воздуха готов был все отдать. Сердце билось, словно обезглавленный цыпленок, и болело — болело невыносимо. Казалось, рыба воткнула ему в сердце свой острый, как нож, плавник, а сама спокойно уплыла дальше. «Не наяву ли болит сердце?» — снова подумал Дмитрий, но не в силах был стряхнуть сон, чтобы проверить, вправду ли болело у него сердце.

Дмитрий был оптимистом. Ни за что бы не поверил, что умирает. Даже в мнимую смерть во сне — и то бы не поверил. Он лежал в белоснежной постели и, сложив руки на груди, думал: «Сердце у меня болит во сне, это ничего, вот сейчас проснусь и все пройдет...»

И пока он так думал, постепенно начало темнеть, потом совсем стемнело и воцарилась непроглядная тьма, исчезли река, мутное пространство, рыба, вода. Осталась только тьма, обширная, бесконечная, безграничная тьма. Не было больше ни земли, ни неба, не было поля, гор, звезд, камней, предметов. Была только пустота, окутанная тьмой холодная мгла. И когда Дмитрий увидел этот неведомый, новый, прежде не виданный и не слыханный мир, разумеется, это показалось ему сном. И умер он спокойно, в неколебимом убеждении, до последнего мгновения думая: «Вот сейчас проснусь».

ЦИЦЕРОНА

В ПЕРЕПОЛНЕННОМ автобусе нечем было дышать. Окно водителя было открыто, но в кабине все равно стояла духота.

Автобус с дремлющими пассажирами мчался по своему обычному маршруту. Вдруг у самой остановки его обогнал другой автобус и встал прямо перед ним. Водитель резко затормозил. Пассажиров бросило вперед, на кабину.

— Что за безобразие, — возмутился кто-то из пассажиров. — Соревнование тут устроили!

— Чудом спаслись, — добавил другой.

— Погоди, я тебе сейчас покажу! — воскликнул гражданин в очках и поспешил из автобуса.

— Цицерона взялся за дело, — сказал один парень другому, высовывая голову в окно. Гражданин в очках бросился к водителю другого автобуса и начал его ругать.

— Смотри, как он сейчас с ним разделается! — засмеялся парень, указывая товарищу в окно.

— Ты что, Цицерону не знаешь?.. Уже достал карандаш и записывает...

— Что за Цицерона?

— Тот, который на стадионе порядок наводит.

— Никуда не уйдешь, ты мне за это ответишь! Милиция! Милиция!.. — кричал Цицерона.

— Вот увидишь, он его в тюрьму упечет!

В автобусе раздалась смешки.

— Смотри, смотри, дорогу загородил, не пускает!

— Я же говорил, в тюрьму упечат.

Тем временем к остановке подъехал троллейбус. Водитель троллейбуса попытался обойти перегородившие ему дорогу автобусы, но это ему не удалось. Троллейбус совсем перекрыл проезжую часть, и движение остановилось. Цицерона, по-прежнему не пропуская автобус, звал милицию. Разъяренный водитель автобуса выпрыгнул из кабины и, размахивая руками, подбежал к Цицероне.

— Ты мне не угрожай, а веди себя прилично, судить надо того, кто тебе жизнь стольких людей доверяет! — важно проговорил Цицерона, искоса поглядывая на гомонящую толпу.

— Дай дорогу! Зачем народ собираешь? Номер ведь записал, что еще тебе надо?!

— Чего вы стоите, зовите милиционера, — обратился Цицерона к толпе, — это ему так не сойдет, мы не должны ему спускать.

— Все движение остановил. Ты за это ответишь! — пригрозил водитель Цицероне.

— Цицерона скандалит, Цицерона! — сбежались любители зрелищ.

— Да он не в своем уме! — махнул рукой водитель.

— Надоел этот бездельник! Делать ему, что ли, нечего? — сердито проговорил один из пассажиров, вышел из автобуса и пошел пешком.

— Ну что он там разошелся! С людьми надо считаться, все спешат, а он держит нас на солнцепеке! — кричали из троллейбуса.

— В чем дело, что случилось? — прибежал наконец запыхавшийся милиционер. Цицерона объяснил ему суть дела.

— Кто вам дал право останавливать движение?! — напустился милиционер на Цицерону и дал автобусу знак трогаться.

— Хулиганов покрываешь, да?! — возмущился Цицерона. — Как ваша фамилия?! — Цицерона приготовил записную книжку.

Милиционер, не слушая его, обратился к народу с просьбой освободить проспект и дать дорогу транспорту.

46835020
502-1110333

— Теперь на милиционера заводит дело.

— Ваша фамилия! — не отставал Цицерона.

— Ступай-ка, дядя, своей дорогой! — досадливо отмахнулся милиционер, прокладывая себе путь в толпе.

Цицерона, окруженный зеваками, преследовал милиционера по пятам.

— Давай, Цицерона, старина!

— Ваша фамилия, товарищ милиционер! — не отступал Цицерона.

— Не робей! — подбадривали его.

— Разойдись! Довольно! — крикнул милиционер.

— Ваша фамилия, товарищ милиционер! — настойчиво требовал Цицерона.

— Зачем тебе моя фамилия?

— Хочу ее записать.

— Кто ты такой, чтоб мою фамилию записывать, какое тебе до нее дело! Сейчас же иди домой, а то отведу в отделение! — пригрозил милиционер.

— В отделение я сам тебя отведу. Извольте!..

Выведенный из себя милиционер пошел за Цицероной. Вытянувшись перед начальником, он доложил:

— Этот гражданин на целых пять минут остановил уличное движение и, когда я призвал его к порядку, не подчинился, обозвал меня покровителем хулиганов.

— Вы свободны! — сказал начальник милиционеру и повернулся к Цицероне.

Милиционер, щелкнув каблуками, вытянулся по военному, повернулся и вышел из кабинета.

— Куда он пошел?! Не отпускайте его, товарищ начальник! Именно он мне и нужен! — Цицерона засуетился, но начальник окинул его ледяным взглядом и строго одернул:

— Ваша фамилия!

Цицерона молча предъявил свои документы.

— Почему вы нарушаете порядок, гражданин?! — Начальник взял документы и что-то записал в журнал.

— Я следил за порядком, товарищ начальник, а ваш милиционер грубиян и болван, видели, как он ловко от нас улизнул? Разве это допустимо? Почему вы отпустили милиционера?

— Кто вам дал право оскорблять работников аппарата? — вдруг ударил начальник кулаком по сто-

лу. — Если вы будете так себя вести, я вас сейчас же посажу.

— Что? Разве так поступают с честными гражданами? Я призывал к порядку хулигана-водителя и за это вы меня хотите посадить? Я этого не допущу! — сдержанно ответил Цицерона.

— При чем тут хулиган-водитель? Вы на пять минут остановили движение в городе, не подчинились сотруднику милиции, даже оскорбили его, назвав покровителем хулиганов, разве это неправда?.. Отвечайте, правда это или нет?

— Правда, но.. — вдруг растерялся Цицерона.

— Никаких «но» я не знаю! Вы сами говорите, что виноваты, как вам не стыдно! Солидный человек, сотрудник одного из передовых учреждений города, хулиганите на улице, вам должно быть стыдно, гражданин! Вы ведь не ребенок, чтоб хорошего не могли отличить от плохого, с виду вроде честный и порядочный человек, а на улице хулиганите.. Принимая все это во внимание, я сейчас вас не буду наказывать, тем более, что вы раньше в подобных действиях не замечались, на сей раз мы ограничимся предупреждением.

Плечистый, усатый лейтенант милиции, внушительно возвышаясь над столом, говорил твердо и убежденно. Цицерона же стоял, опустив голову, и думал: «Неужели я в самом деле виноват?» Похвала лейтенанта совсем сбивала его с толку.

— Возьмите ваши документы и идите, больше в такую историю не попадайте, стыдно!.. — сказал лейтенант милиции.

Цицерона, покраснев до ушей, взял свои документы и вышел на улицу. Он шел в полном смятении, сам не зная, куда и зачем идет. По тротуарам сновали пешеходы. Мимо проносились машины. Он курил сигарету за сигаретой, жадно глотая едкий дым вместе с уличной пылью. Он шел, не разбирая дороги, словно пьяный, пытаясь разобраться, что же все-таки с ним стряслось. «Неужели я и в самом деле виноват? Неужели я совершил хулиганский поступок?»

«Нет, конечно, я оплошал! Надо было идти к начальнику милиции, а я не сумел довести дело до конца. Следовало жаловаться на обоих. Оба они со мною поступили нечестно, обманули меня, вокруг пальца обве-

ли, может, вернуться?» Цицерона остановился, огляделся по сторонам и снова продолжил путь. «А может быть, я все-таки виноват? Надо хорошенько подумать!» И Цицерона снова перебирал в памяти все, что произошло с ним за эти два часа. Он точно воспроизводил диалог: что сказал водитель и что сказал он, что он сказал милиционеру, вдумывался в каждое слово, анализировал, от всего сердца желая быть виноватым, даже хулиганом, но лишь бы быть им, потому что теперь, считая себя невиновным, он чувствовал себя еще более оскорбленным. Хорошо еще, что он не встретил знакомых, что никто его не видел! Цицерона, словно горькую слезу, безмолвно глотал обиду. Беспощадно палило солнце, Тбилиси плавился под солнцем. Улица гомонила по своему обыкновению. Улица дымила от зноя. Улица по-прежнему полна была народа.

Цицероной его прозвали на стадионе. Настоящее имя его Ваню. У Ваню есть жена, дети, он любит спокойную жизнь, но жить спокойно ему не удастся, не хватает терпения. Иногда такая мелочь выведет его из себя, что потом он и сам удивляется. Бывает и так, что, решив ни на что не реагировать, сидит он в своей рабочей комнате, роется в бумагах, щелкает счетами и курит сигарету. В его комнате сидит экономист, полный мужчина, опытный работник, рядом с экономистом — бухгалтер, женщина средних лет, человек неразговорчивый, вдумчивый, а рядом с бухгалтером — кассирша, молодая женщина, обращающая на себя внимание своим длинным носом. В день зарплаты, когда весь завод радуется, только она сидит, повесив нос: как и всякого кассира, ее беспокоит выдача «таких больших денег».

Ваню их начальник, у Ваню на столе телефон, стол Ваню завален горой исписанных и исчерканных бумаг, журналов, квитанций, ведомостей. Уткнется он носом в желтые квитанции и пишет, и пишет, щелкает на счетах. Если он достает платок и начинает протирать стекла своих очков, значит он волнуется.

В этой комнате всегда тихо. Единственный звук, который нарушает тишину, это щелканье счетов. Ваню работает, не поднимая головы. Когда заканчивает свои дела, устает, в одну точку и думает. Раз-

ные мысли вертятся у него в голове. Каждое испытание атомного оружия он переживает болезненно, думает поджигателей войны и жаждет хоть на один день стать президентом Америки. Особенно волнует его судьба Грузии — «нет прироста населения, стоим на пути вырождения». У него все подсчитано — сколько детей рождается за год, за месяц, за день. Он даже проект составил: как внушить этой беспутной молодежи, что одного ребенка иметь недостаточно. Много времени посвятил Ваню гангрене и раку, знает всех знахарей и считает, что спасти человечество от этих ужасных недугов смогут только знахари, потому что знахари связаны с природой. И всем этим он ни с кем не может поделиться, ибо знает, что его высмеют, не поверят, и поэтому предпочитает молчать. Теперь на заводе никто его не слушает, никто ему не верит, за сумасшедшего считают. А виноваты во всем его острый язык, упрямство и грубость. На собраниях и совещаниях, когда все говорят одно и то же, когда приходят к общему согласию, он встает и заводит спор, высказывает собственное мнение. Иногда это мнение смехотворно, но иногда и достойно внимания. Однако Ваню искренне убежден, что он всегда прав, и ему кажется, что работает он среди бездушных людей. Поэтому в пылу спора он выходит из себя, волнуется, теряется и говорит глупости. Это вызывает смех. Смех раздражает его еще пуще, настраивает против всех. Разумеется, одолеть всех, весь завод Ваню не может. А молчать он не в состоянии. Он хорошо понимает, что хладнокровие — это профессиональная болезнь, и терпеть не может тех бухгалтеров, которые только и знают, что щелкают своими счетами. Он вмешивается в дела всех цехов, всех бригад и участков, знает немного, но интересуется многим. И вот, в один прекрасный день, один начальник цеха сказал: «Мне кажется, у этого человека не все дома. Наши ребята говорят, что на стадионе Ваню Цицероной называют». Директор тоже начал на него косо поглядывать, вызвал однажды и строго предупредил: «Если ты сумасшедший, то мы отправим тебя в прекрасно оборудованный сумасшедший дом, а если нормальный, то держи язык за зубами, ведь у всякого терпения есть конец». Из кабинета директора Ваню вышел сгорбив-

шись, крупные капли пота выступили у корней его редких волос.

Вано обидели зря. Расстроенный, он целый день слонялся по улицам и думал о том, как отомстить директору. Директора Вано побаивался. Это был сильный человек, с тяжелыми, словно свинец, кулаками и большими черными глазами, которыми он на всех наводил страх. Директора боялся весь завод. Двое суток мучился Вано, двое суток жевал сигарету и, наконец, махнул на все рукой. Эх, это были самые ужасные дни в его жизни, и последовали они за тем светлым днем, ради которого, как говорил Вано, «стоило жить на свете».

Тот день был совсем иным. После смены рабочие собрались в заводском клубе. Зал был переполнен. В президиуме показались руководящие товарищи и передовики производства, забегали корреспонденты, и секретарь парткома открыл митинг. Директор завода взял слово и ознакомил рабочих с призывом руставцев. Он отметил, что многие предприятия города Тбилиси уже откликнулись на этот призыв. Затем он говорил о достижениях завода в течение восьми месяцев текущего года.

— Товарищи! — сказал он. — Мы не должны отставать от руставцев, мы должны выполнить годовой план за десять месяцев. Это наша первейшая и неотложная задача! — В президиуме начали аплодировать, зааплодировали и в зале. Слово взял передовой токарь завода и пообещал работать еще лучше и не пожалеть сил для выполнения поставленной задачи.

Затем на трибуну вышел начальник второго цеха, который одобрил инициативу директора и от имени своего цеха поддержал призыв руставцев. На трибуне сменяют друг друга и впрямь отличные ребята. Вано с умилением смотрит на всех. Он сидит в первом ряду и видит, как мучаются фотокорреспонденты с каждым кадром. «Что у них за жизнь? — думает Вано. — Только и знают, что всю жизнь через щель на людей смотрят». На трибуну поднимаются передовые рабочие завода и все единодушно обещают выполнить план за десять месяцев. И вдруг Вано попросил слова. Секретарь парткома вопросительно посмотрел на директора. Директор покачал головой. Секретарь

дал слово другому. Ваню снова потребовал слова.
«Секретарь парткома и ухом не повел.

— Почему вы не даете мне слова! — крикнул Ваня с места.

— Дай ему слово, дай, а то хуже будет, ты же его знаешь! — зашептал директор секретарю парткома.

Ваня поднялся на трибуну. Зал ожил.

— Товарищи! — начал Ваня. — Я не собирался выступать, но сегодняшнее наше собрание — событие отнюдь не местного значения, здесь присутствуют руководящие товарищи, много журналистов. Завтра вся республика узнает, что мы взяли годовую планку выполнить за десять месяцев. А ведь это ложь...

Зал огласил взрыв смеха.

— Этот товарищ у нас с причудами, — наклонился директор к представителю райкома.

— Обманываем себя, обманываем народ, обманываем правительство. Этого нам никто не позволит.

— Цицерона, давай! — крикнул кто-то из задних рядов.

Директор громко засмеялся, чтобы подчеркнуть этим реплику.

— Что, что? — спросил представитель райкома.

— Этого несчастного прозвали Цицероном, — сказал директор, давая понять представителю райкома, что у оратора и вправду не все дома.

— Успокойтесь, товарищи, — возвысил Ваня голос, — по-моему, я не сказал ничего смешного, сейчас объясню, почему все это ложь. Это просто недоразумение. Вы все хорошо знаете, что наш завод зависит от другого завода. Если этот другой завод не даст нам сырья, как же мы выполним план?..

Секретарь парткома встал, зазвонил в колокольчик.

— Товарищ Ваня, говорите по существу! Почему нам не должны дать сырья, когда было, чтобы не давали? Зачем так говорить?

— Извините, — смутился Ваня. — Очевидно, я неточно выразился. Я хотел сказать, что завод может не дать нам сырья в нужном количестве. Я знаю, что сейчас у того завода плохие показатели, план не выполняется, и если они не выполнят план, мы тоже не сможем его выполнить, и сколько бы мы ни стара-

лись, сколько бы мы ни говорили, это будет просто переливанием из пустого в порожнее.

— Мы должны делать то, что от нас зависит, Ваню! Какое тебе дело до чужого плана. Ты не то что с чужим планом, а со своими двумя ведомостями не справляешься! — крикнул директор с места и засмеялся, смеялся и представитель райкома.

— Это уже другое дело! — подхватил Ваню. — За свою работу мы, конечно, должны отвечать. А здесь на митинге так говорили, что у меня создалось впечатление — войдем завтра в цех, а там нас выполненный план встречает!

— Так что же, по-вашему, нам митинг не следовало проводить? — возразил один из членов президиума.

— Не следовало! — ответил Ваню и сошел с трибуны.

В зале не утихал смех. Смеялись и члены президиума.

Секретарь парткома объявил митинг закрытым.

Ваню шел домой довольный. Он высказал то, что его беспокоило, сказал правду, и это радовало его. Но только одного он не мог объяснить, не мог понять: он знал, почему злился секретарь парткома, было понятным, почему смеялся директор завода, но народ? Народ почему смеялся? Это оставалось для него загадкой. Над кем смеялись люди, над ним или над директором завода? Или они смеялись просто так, чтобы повеселиться и убить время? Он представлял себе хохочущий зал, и перед ним вставала задача-головоломка: почему смеялись люди? Думая об этом, он доставал платок и начинал протирать стекла своих очков — волновался.

Не понимал он также и того, почему его прозвали Цицероном, Ваню даже не помнит, кто и почему назвал его так впервые. Словно сговорились, словно устроили против него заговор, хором закричали: «Ци-це-ро-на, Ци-це-ро-на!»

Ваню раньше на стадион не ходил. Когда в Тбилиси заработало телевидение, ему раза два удалось посмотреть футбольный матч по телевизору, и так это его увлекло, что он решил непременно побывать на стадионе. Посмотрел один матч, второй, третий и стал заядлым болельщиком тбилисского «Динамо». Теперь

он горячо обсуждал каждую игру, имел свое мнение о каждом футболисте. В один прекрасный день он не пошел домой после матча, а присоединился к болельщикам, которые толпились у большого табло возле стадиона.

— Что вы такое говорите! — вскипел Ваню. — Самый лучший футболист Миндадзе!

Болельщики переглянулись, самым лучшим футболистом все они считали Шотадзе, и вот нашелся человек, который лучшим футболистом называет другого. Завязался спор и, как обычно бывает в таких случаях, все наперебой принялись доказывать Ваню, что Шотадзе лучший футболист не только в Грузии, но и во всем Союзе. В подтверждение своего мнения они приводили высказывания тренеров, известных футболистов, спортивных обозревателей, зарубежных футболистов.

До позднего вечера не утихал галдеж. Ваню вернулся домой уставший, голодный, с головной болью. Перед сном он все еще думал о Шотадзе и Миндадзе, взвешивал высказывания всех болельщиков, но по-прежнему считал Миндадзе лучшим игроком. Из спора с болельщиками он все же сделал один вывод: он недостаточно знаком со спортивной литературой и надо наверстать упущенное. На его столе, рядом с горой ведомостей и желтых квитанций, появились журналы и газеты: «Футбол», «Лело», «Советский спорт», «Физкультура и спорт». Вскоре Ваню ни одному болельщику не уступал в знании спортивной литературы, теперь он более твердо и уверенно говорил с ними. Стоило Ваню появиться среди них, как загорался ожесточенный спор. Ваню спорил со всеми, не уступал никому, и вот однажды один из болельщиков, взбешенный тем, что с Ваню ему не справиться, и не желая признавать себя побежденным, в сердцах ляпнул: «Да у него не все дома!»

Болельщики делятся на две категории: активных и пассивных. Одни из них часто спорят, уверенно доказывают что-то, в чем-то убеждают. Другие же стоят спокойно и только слушают, боятся высказать свое мнение, но зато, выбрав кого-нибудь из болельщиков, подбивают его против других. Как-то раз один из таких болельщиков сказал: «Вот идет настоящий знаток, Цицерон идет, сейчас он всех вас за пояс заткнет».

Болеельщикам кличка «Цицерон» понравилась. Потом к концу слова добавили букву «а», и Ваню прозвали «Цицерона». С той поры его авторитет стал падать, и в конце концов с ним вообще перестали считаться.

Теперь уже никто с ним не спорил, даже не слушали его, а если кто и слушал, так из чистого любопытства — дескать, что это за человек, которого на стадионе зовут «Цицерона»?

Немало радостных минут пережил Ваню на стадионе, но и горечи хлебнул достаточно. С этого дня ноги его там больше не будет, не будет, потому что публика там разношерстная и люди всякие — и добрые, и злые.

...В Тбилиси стояла чудесная погода, в городе царил такая праздничная атмосфера, что усидеть дома было просто невозможно: вот и решил Ваню пойти на стадион. А почему ему, собственно, и не пойти — билет в кармане, настроение самое раскрепощенное. Жена, правда, уговаривала: «Сегодня воскресенье, посидим дома, и отдохнешь, и футбол по телевизору посмотришь». Но он ее не послушался и ушел на два часа раньше.

У ворот стадиона стояла конная милиция и следила за порядком: народ все прибывал, хотя трибуны уже ломились от любителей футбола. Потеряв последнюю надежду достать билеты, болеельщики бежали к склону горы, которая возвышалась за стадионом, но и здесь народу было невпроворот.

Наконец судья дал свисток, и начался большой футбол. Пятьдесят тысяч болеельщиков и одиннадцать футболистов нашей команды были охвачены одним стремлением — выиграть любой ценой. Конечно, и Ваню мечтал о победе, но он не терпел беспорядка и ругал тех футболистов, которые нарушали правила, ему было все равно — из нашей команды был футболист-нарушитель или из команды противника. Ворчал он тихо, про себя, ибо шуметь, кричать и свистеть не любил. Его раздражало, когда кто-нибудь бранил судью или громко обсуждал тактический замысел тренера.

Вдруг над стадионом проплыл протяжный стон. Игру начали с центра. Ваню снял очки и начал протирать стекла. Потом закурил, глубоко затягиваясь. Над

трибунами стояли облака табачного дыма — все закуривали враз.

— Плохи дела! — сказал один.

— Нет, мы должны выиграть! — возразил другой.

— Дай вам бог, но осталось всего двадцать минут! — вздохнул третий.

Вано тоже посмотрел на часы. Наши футболисты захватили инициативу. Три раза подряд подавали угловой, но гола забить не смогли. «Ох, надо было бить!» — Вано так и подскочил. «Оттуда нельзя бить!» — поправил его кто-то из задних рядов.

Пятьдесят тысяч человек, затаив дыхание, следили за поединком. Сто тысяч глаз, полных страсти битвы, внимательно следили за одним мячом. Пятьдесят тысяч сердец превратились в одно огромное сердце, готовое лопнуть от напряжения.

Мяч подали на штрафную площадку, один из игроков упал и... одно огромное сердце превратилось в огромную ясть, испутившую дикий вопль. Судья остановил игру, но назначил не одиннадцатиметровый, а штрафной удар. Публика вскочила на ноги, крича и бранясь, свистя, размахивая кулаками. Судья не обращал внимания на публику, и матч продолжался. Болельщики не унимались, весь стадион, срывая голос, поносил судью. С трибун начали бросать бутылки. В дело вмешалась милиция. Игра продолжалась под оглушительный свист и крик. Один Вано сидел и, заткнув уши, следил за футбольным полем.

От первого напряжения у зрителей исказились лица. Трибуны представляли ужасное зрелище. Находившийся рядом с Вано молодой человек, вытянув обе руки перед собой, ругался нецензурными словами. «Не было одиннадцатиметрового, напрасно вы сходите с ума», — несколько раз повторил Вано, но его никто не слушал. Тогда он встал и крикнул прямо в ухо беснующемуся соседу: «Не было одиннадцатиметрового, успокойтесь и садитесь наконец!»

Молодой человек выпучил глаза:

— Как это не было?! Вы слышите, что он говорит? Вот такие и портят нам все дело!

— Дай ему как следует, пусть заткнется! — заорал кто-то из задних рядов.

— Вы ошибаетесь, я с вами не согласен! — не уступал Ваню и обернулся назад, готовый ввязаться в спор.

И здесь началось!.. Ему угодили кулаком в нос, потом в лоб, кто-то ударил по шее, а дальше он уже ничего не помнил. В глазах потемнело, и все вокруг померкло.

Когда Ваню пришел в себя, он лежал в комнате и ему бинтовали лицо.

— Кто же его так? — посочувствовал один из присутствующих. — Это ведь Цицерона...

— Наверное, не узнали его ребята, а то не стали бы бить, — предположил другой.

— Да уж наверное...

— Бедняга, все еще не пришел в себя.

Целый месяц не вставал Цицерона с постели. А как только поднялся, решил отплатить обидчикам. Предстал перед администрацией стадиона и изъявил желание помочь в установлении порядка. Ваню получил красную повязку и вместе с другими добровольцами приступил к делу. Проходу не давал он болельщикам, гонял всех со ступенек, в случае нарушений был тут как тут. Он всеми силами старался предотвратить такое безобразие, которое произошло с ним. Первый матч прошел отлично, на его трибуне царил образцовый порядок.

На второй матч он немного опоздал, молодежь опередила его и успела занять места на ступеньках. Попробуй, справься один с такой оравой! Кто-то из ребят, узнав его, начал балагурить, насмехаясь над ним. Другой издали крикнул: «Цицерона, как поживаешь!..» «Как назло, сегодня здесь много знакомых», — Ваню приуныл, но виду не подал.

— Встаньте, освободите лестницу, хватит дурака валять! — громко распорядился Ваню.

— Цицерона, помолчи хоть ради своей жены!

Ваню разозлился и позвал милиционера. «Нарушители» с шумом покинули лестницу и сгрудились в одном из уголков трибуны.

— Как хорошо сидели, — с сожалением протянул один.

— Не я буду, если не рассчитаюсь с ним! — пригрозил другой.

— Глядите на него, расхаживает, словно генерал-губернатор! — рассмеялся третий...

— Давайте, ребята, все вместе закричим: «Цицерон, Цицерон!» — он с ума сойдет!

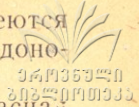
От неожиданности Ваню так и подскочил. Нет, это уж слишком! Ему захотелось броситься к лестнице, крепко выругать ребят, но он стоял как вкопанный, красный как рак, и не знал, как быть. И тут с другого конца трибуны грянул крик: «Цицерон... Цицерон!..» Ваню посмотрел туда и увидел, что сидящие там скалили зубы и потешались над ним, среди них были и солидные люди... Согнанные со ступенек ребята тотчас отозвались на крик: «Цицерон! Цицерон!..» Им вторила южная трибуна, за южной последовала западная, следом партер, а за ним и весь стадион дружно взревел: «Цицерон!.. Цицерон!..» Не все, разумеется, знали Ваню. Некоторые справлялись у соседей, кто такой Цицерон, и только после этого присоединялись к остальным. Некоторые не понимали, с чего вдруг начала кричать восточная трибуна. Некоторые вообще никогда не слышали о Цицероне и связывали это имя со словом «цицари»¹, думая, что это птица, но все равно кричали. Кто-то сказал, что у Цицероны дурной глаз. Эта версия быстро облетела трибуны, и некоторые кричали теперь уже из-за этого. Многие, конечно, от крика воздерживались и только смеялись. Трибуны, словно соревнуясь друг с другом, ритмично и громко скандировали: «Цицерон!»

Ваню сидел на лестнице и, втянув голову в плечи, смотрел в одну точку. Он чувствовал, что все на него смотрят и смеются. Лучше всего сейчас было бы уйти со стадиона. «Вот сейчас... сейчас встану», — думал Ваню. И как нарочно, только он собирался встать, как, словно приуроченный к этому моменту, с какой-нибудь трибуны раздавался крик: «Цицерон!..»

В чем же его вина, в конце концов! Завтра весь город будет знать об этом позоре; может, узнают жена и дети, что он им скажет — соседям, родственникам, что скажет на работе? Ваню убили. Убили на ступеньках стадиона, убили жестоко и бессердечно! Голова его провалилась в плечи, провалилась глубоко, и он не

¹ По-грузински цесарка.

замечает, как смешно выглядит. Поэтому и смеются сидящие вокруг. «Ци-це-рон!.. Ци-це-рон!..» — доносятся с трибун...

И тут у ворот наших динамовцев возникла опасная ситуация. Стадион затаил дыхание. Ваню, приподняв голову, взглянул на поле. Судья назначал штрафной. В наши ворота. «Сейчас можно удрать», — подумал Ваню и встал. Мяч попал в перекладину, игроки перемешались, судья снова остановил игру. «Э-э-э!.. Судья!» — гудел стадион. Никто не помнил о Ваню, никому не было до него дела. Заливаясь краской стыда, Ваню с трудом пробрался сквозь тесные ряды болельщиков, толпившихся на лестнице и в проходе. Выйдя наконец на улицу, Ваню снял очки, подышал на них и начал протирать стекла.

Ваню ушел со стадиона, но там все равно продолжали кричать: «Ци-це-ро-на!» Никто не интересовался, кого звали, почему звали — кричали просто так, чтобы развлечься, позабавиться. А Ваню ушел со стадиона потрясенный. Придя домой, он ни жив ни мертв повалился на тахту и, всю ночь не смыкая глаз, думал о злосчастном прозвище «Цицерона».

Ноги его больше не будет на стадионе, даже по улице он будет ходить тишком и молчком, службу тоже бросит и устроится где-нибудь в другом месте. Когда с директором портятся отношения, там уж делать нечего, тем более с таким директором, которого знает республика. Да если бы один директор плохо к нему относился! А то ведь весь завод на него косо смотрит. Если один только твой вид смешит людей, то надо уходить, что еще остается делать! — решил Ваню. Решил и почувствовал, как болезненно сжалось сердце.

* * *

Ваню лежал в своей комнате и сосредоточенно курил. Дверь была закрыта, и в комнате стояла тишина.

В соседней комнате супруга Ваню — Нино сидела у окна и беззвучно всхлипывала. Она пыталась сдерживать слезы, но ей это не удавалось.

Был субботний вечер, прохладный осенний вечер. За окном шумел город. Ваню жил на набережной, и из окон его квартиры был виден фуникулер. Дети играли

во дворе, и до Ваню доносился их веселый гомон. В этом дворе собирались дети со всей улицы. По субботам и воскресеньям от шума и крика не было слышно сенья. Здесь они играли в мяч, катались на детских автомобилях, велосипедах, самокатах, бегали как угорелые, прыгали, кричали, галдели, ссорились. Поздним вечером на балкон выходили их мамы и звали своих «непослушных» детей, которые «не понимали человеческого языка».

Ваню хотел крикнуть ребятам, чтобы они отошли от окна, но лень было вставать. Футбол во дворе был в самом разгаре, когда Ваню услышал: «Гела! Пасуй мне!.. Хватит форсить... Эх, говорил же я тебе, что потеряешь мяч... У-у, настоящий Цицерона!»

Гела — это его младший сын. «Вылитый отец» — говорили о нем соседи. Ваню Гелу любил больше всех детей.

В нем он видел самого себя. Гела был живой и подвижной ребенок. Когда Гела играл во дворе в футбол, мужчины в домашних пижамах выносили стулья на балкон, садились и смотрели на него, как на настоящего футболиста. Гелу во дворе знают все, а теперь дразнят «Цицерона»... Ваню вскочил, хлопнув дверью, выбежал во двор.

— Поди сюда! — позвал Ваню сына. Игра остановилась.

— Кто тебя назвал Цицероной?! — громко спросил он Гелу, бросив грозный взгляд на детей.

— Не знаю... Мальчики меня зовут «Цицерона».

— А я тебя спрашиваю, кто именно назвал.

Ваню пальцем приподнял подбородок сына. Гела знал, что это ничего хорошего не предвещало, и опустил голову.

— А почему тебя так называли — этого ты тоже не знаешь? — Ваню повысил голос.

— Потому что я не передал мяч...

— А почему ты не передал мяч? Почему? — Ваню развернулся и дал сыну оплеуху.

Нино, видевшая все это, выскочила во двор, прижала к груди плачущего сына, приласкала его, а на мужа обрушила град проклятий.

— Почему у тебя не отсохнут руки! Когда же наконец мы увидим тебя в гробу, чтобы все — и стар и

млад — могли от тебя отдохнуть!.. Пойдем, сыночек, домой, не плачь, родной мой...

В тот вечер ни жена, ни дети с Ваню не разговаривали. Они косились на него, как на заклятого врага.

Ваню лег у себя в комнате один. Нино же, словно наседка, все хлопотала около детей, то и дело бросая горькие упреки в адрес мужа, да так громко, чтобы он непременно услышал.

Домочадцы уснули поздно. Ваню не спалось: он лежал, вытянувшись в своей постели, и думал.

Осенний ветер оведал город живительной прохладой. По набережной проносились автомобили, на мосту Челюскинцев грохотали красные вагоны трамвая. Город жил полнокровной жизнью, широко раскрыв электрические глаза, смотрел на небо и не собирался спать. Ваню тоже не поддавался чарам ночи. Как и город, он весь был наэлектризован, и ему казалось, что каждый нерв высунул кончик наружу, чтобы причинить ему нестерпимую боль.

Вдруг с улицы донесся какой-то шум, за шумом последовал крик. Ваню встал и подошел к окну. На набережной, как раз напротив его дома, столпились какие-то люди и смотрели на Куру.

— Спасите! Женщина в Куру бросилась! Я только что своими глазами видела! — кричала какая-то старуха.

Схватив пиджак и сунув босые ноги в шлепанцы, Ваню на цыпочках, чтобы не разбудить жену и детей, вышел из комнаты и вскоре очутился среди людей, толпившихся на набережной. Пробравшись через толпу, он оказался у самых перил, чувствуя, что все взгляды обращены на него. Ему вдруг стало страшно, показалось, что вода в реке все прибывает, хотя он в детстве хорошо плавал и не раз переплывал Куру. «Спасите ее! Спасите!» — не унималась старуха, обращаясь к этажам домов. Какой-то пожилой мужчина сел в машину и поехал за помощью. Ваню некоторое время пристально вглядывался в темную воду и, как только увидел барахтающегося человека, борющегося с волнами, недолго думая, перемахнул через перила.

— Погляди только, как он здорово плавает, — заметил кто-то, — может, и спасет!

— Как это случилось, как это случилось? — понимали старуху любопытные.

— Молодому человеку стыдно не уметь, вот смотри, сколько людей и никто не решился прыгнуть в воду, — говорила одна женщина другой.

— Он наверняка ее спасет. А я его за нечистую силу принял, когда он полуголый явился, — сказал пожилой мужчина.

Вано приблизился к барахтающемуся телу. Как только над водой показалась голова утопающей, он схватил ее за волосы и притянул тело к себе. Женщина вся поднялась над водой и жадно рванулась к Вану, Вано не сумел ее удержать одной рукой, и она навалилась на него всей тяжестью. Оба тотчас погрузились в воду. Теперь Вано следил за ней под водой и, обойдя ее, снова ухватился за ее волосы. Женщина глотала много воды. Вано упрямо продвигался к берегу. Бессмысленно махая руками и поднимая тучи брызг, женщина мешала Вану. До берега осталось совсем немного, это его взбодрило. Лежа на боку, Вано греб одной рукой, а на другую намотал волосы утопающей и внимательно следил за каждым ее движением. На берегу кричали, что прибыли спасатели. Женщина уже не махала руками. «Очевидно, наглоталась воды и захлебнулась», — досадовал Вано. Хотя Вано и выбивался из сил, но чувствовал, что не двигается с места. «Быстро же я сдал», — подумал он... Случилось нечто неожиданное — рука его остановилась сама собой, и Вано пошел ко дну. Он собрал последние силы и с трудом двинул рукой. Высунув голову из воды, подумал: «Сейчас и ноги остановятся, я ведь давно в холодной воде не купался... Очевидно, из-за холодной воды...» Вдруг он почувствовал острую боль в груди, вся левая сторона почти онемела. «Может, вовсе и не из-за холодной воды?» — он испугался и посмотрел на берег... Вся набережная взлетела к небу, закружилась. Вано закрыл и открыл глаза, снова закрыл и снова открыл. Наглотавшись воды, он с трудом взмахнул рукой и вынырнул на поверхность. Не закрывая рта, взглянул в сторону берега. На берегу толпился народ, на берегу шумели и галдели люди... Он старался держаться на поверхности, вода проникала ему в рот, и он то и дело отплевывался.

Вано решил больной рукой тащить женщину, а здоровой грести. Так и сделал. Вот наконец и берег! Сделав последний рывок здоровой рукой, Вано преодолел течение и вытащил женщину на сушу. Вытащив ее, сам рухнул на отмель и потерял сознание.

— Вытащил! Вытащил! Сюда! Сюда! — закричали на берегу. Вано только это и успел услышать, и голос этот вселил в него надежду. Больше он ничего не помнил... Когда он пришел в себя, возле него хлопотали врачи в белых халатах. Увидел он также людей из спасательной команды и машину скорой помощи. Когда он открыл глаза, медсестра, стоявшая над ним, сказала:

— Он очнулся, иди сюда, помоги мне. Заберем и его тоже...

Притащили носилки и поставили рядом. Увидев носилки, Вано все понял. Он присел и стал прислушиваться к сердцу. Оно все еще болело, хотя и не так сильно, но ехать в больницу Вано не хотелось. «Ничего будет волноваться», — подумал он и решил остаться.

— Носилки не нужны, — решительно сказал он медсестре, — я здоров, пойду домой... — Сказав это, Вано начал подниматься и тут увидел, что недалеко от него около других носилок продолжали суетиться люди в белых халатах. «Это, наверное, она», — подумал он и невольно приостановился. Внезапно женщина приподняла голову, посмотрела на Вано и ужасным хриплым голосом, по-уличному длинно и безобразно выругалась. «Да она пьяна», — мелькнуло у Вано в голове, и он вспомнил — когда он схватил ее за волосы, на него пахло водочным перегаром. «Несчастливая»... — пробормотал он.

Люди в белых халатах с трудом удерживали женщину на носилках. Они должны были дотащить ее до набережной, где стояла машина. Женщина плевалась, ругалась, пыталась спрыгнуть с носилок. Ругала она всех: непрошеного спасателя, врача, медсестру, господ бога и людей — весь мир, включая ни в чем не повинных прохожих.

Вано принесли его шлепанцы и пиджак. Чуть живой, поплелся он к дому, сердце все еще давало о себе знать, но ему казалось, что это из-за холодной во-

ды. «Приду домой, укурюсь потеплее и все пройдет», — утешал он себя.

Было далеко за полночь. Набережная опустела, разошлись по домам самые любопытные и дотошные.

Вано, шаркая шлепанцами, тяжело ступал по полутемной улице и уносил с собой, словно награду, ужасный голос женщины, который все еще звенел у него в ушах.

СИСАТУРА¹

НА СЕМЬЮ Джургу обрушилось большое горе — умер шестимесячный ребенок, единственный сын Толисквами, маленький Бондо.

У козопаса Джургу было семеро сыновей, все уже определены, обзавелись семьями. Бог даровал ему одну-единственную дочку Толисквами, но лучше бы ей совсем не родиться!

С самого утра братья с трудом удерживали Толисквами и никак не могли ее успокоить. Она так убивалась над младенцем, так горестно причитала, так горячо ласкала и целовала покойника, что односельчане не могли удержаться от слез, а домочадцы не в силах были смотреть на ее страдания. Будет тебе, хватит, перестай, — рыдали братья и выбегали во двор, изнуренные плачем, чтобы там отдышаться, успокоиться.

Тело ребенка покоилось посреди комнаты. Тахту, сколоченную на скорую руку и похожую на маленький столик, поставили у самого очага, покрыли белой простыней и на нее положили кудрявого Бондо, гелце которого было усыпано красными розами. — ребенок словно спал, на его розовых губках застыла улыбка.

В головах у мертвого младенца стояла Толисквами: она то вскрикивала, то бормотала что-то бессвязное, то била себя кулаками в грудь и в голову.

— Хватит, дочка, хватит! Успокойся, вашинерс!²

¹ Сисатура — название мегрельской колыбельной.

² Вашинерс — в мегрельском диалекте — запрещено, наложено табу.

Сколько раз я тебе говорила, что нельзя так убивать-ся! Разве ты не видишь, что твой сынок—ангел и ^{БОГ} взял его к себе. Как можно так горевать и плакать, бога обидишь, — шептала Толисквами мать.

Мать Толисквами — Бедиша, глубоко верующая женщина, знала все законы и обычаи, с ней считались и дома, и в деревне, но не до обычаев было сейчас Толисквами.

— Мой ангелочек, родимый мой, моя маленькая ласточка, жизнь моя, — причитала Толисквами у изголовья сына, нежно лаская его лоб и подбородок. — Я без тебя жить не буду, в землю за тобой сойду!

Она плакала так горько, что все вокруг — и стар и млад — вытирали слезы.

Бедиша не мешала дочке причитать, считая, что так ей будет легче, но когда та начинала кричать и бить себя по голове, богобоязненная женщина смущалась. В конце концов, есть предел и слезам и горю. Толисквами же не знала предела: как начала причитать с самого утра, так и не умолкала до позднего вечера!

— Смотри, как разошлась, ослушница! — беспокоился Джургу. — Жизни от нее нет! Не оторвешь теперь от покойника! Того и гляди, с ним вместе в могилу ляжет! — говорил он жене.

— Поговори ты с ней, — советовала мужу Бедиша, — тебя она уважит.

Но Толисквами не слушалась и отца. Завидев его на пороге, кидала гневный, предупреждающий взгляд: дескать, не вздумай уму-разуму меня учить... и еще громче начинала причитать. Джургу не мог выносить горестных воплей дочери, давясь рыданиями, он выбежал во двор, чтобы не слышать ее плача. А там, смешавшись с толпой соседей, жаловался на свою горькую участь.

Джургу хотя и жил бедно, но его богатством, как он говорил, была его честь. И сыновья у него были люди честные, умели руки к делу приложить, каждый гнездо себе свил. Джургу ребятами был доволен, гордился послушными, трудолюбивыми, преданными своим семьям сыновьями. А вот Толисквами... Толисквами жила так, как ей заблагорассудится. С самого детства она была непослушная и своенравная. Ни лаской, ни угрозой Джургу не сумел повлиять на дочку,

обломать ее не смог. Такая уж она была ослупишица, строптивница, с норовом, одним словом. И повзрослела и созрела раньше своих сверстниц.

Созрела и встретила Бочию. Правда, Бочия был парнем хоть куда, гордостью села, лучшего зятя Джургу и пожелать не мог, но... Бочия ушел на войну и не вернулся.

Толисквами же бросила отцовский дом и объявила родителям Бочии, что она их невестка.

В деревне этому не очень удивились, о любви Толисквами и Бочии все знали давно.

«Убью страпницу!» — бушевал Джургу, но Толисквами сдержала свою клятву — что обещала Бочии, то выполнила. Как раз накануне отправки его на фронт встретились Бочия и Толисквами и поклялись в верности друг другу; ранним утром Толисквами гнала коз через поле позади дома Бочии, обнесенного плетнем. Толисквами остановилась и заглянула в сад. В глубине сада, под старым айвовым деревом стоял Бочия, голый по пояс, в старых рваных штанах и босиком. Айвовое дерево с ветвями, гнущимися под тяжестью плодов, красовалось посреди сада, словно огромный зонт. Загорелый, крепкий Бочия, словно яблоко, грыз золотистую айву величиной с добрую тыкву. Толисквами, как громом пораженная, не могла сдвинуться с места и оторвать взгляд от широкой груди, сильных рук и крупных ладоней Бочии. Бочия, словно почувствовав взгляд девушки, оглянулся и в свою очередь оцепенел. За забором, словно заколдованная, стояла красивая дочка Джургу — Толисквами. Закрыв хвостину за плечо и грациозно склонив голову, она с удивлением смотрела в сад.

В ту минуту Толисквами походила на вышедшую из чащи златоволосую Дали¹, а Бочия — на какого-то колхского бога, самозабвенно влюбленного в златоволосую повелительницу лесов. Их глаза встретились, и как настоящая Дали вводила замороженного охотника в густой лес, так вывела Толисквами Бочию со двора. Выбросив недоеденную айву, парень в мгновение ока перемахнул через плетень, но Толисквами уже там не было. Девушка торопливо подгоняла перепуганных

¹ Дали — в грузинской мифологии богиня охоты.

коз и не оглядываясь бежала к лесу. Бочия помчался вдогонку за Толисками.

У самого леса настиг он ее и прижал трепещущую словно птица девушку к груди.

— Почему убегашь от меня, Толи?!

— Отпусти, убьет тебя мой отец! — сказала Толисками.

— Ответь хотя бы, ты ведь любишь меня? — спросил Бочия. — Ты же знаешь, завтра я иду на войну и твое слово унесу как надежду, скажи, ты любишь меня?..

— Здесь поле, увидят, пошли в лес, — шепнула ему Толисками.

Разгоряченный Бочия подхватил Толисками как ребенка и устремился в лес.

— Люблю тебя, солнце мое...

— Люблю тебя, свет моих очей...

Долго не умолкал в лесу страстный шепот юноши и девушки.

— Я жена твоя...

— Я муж твой...

Удивленные, восхищенные прижимались они друг к другу и радовались, что в конце концов набрались смелости и стали мужем и женой.

— Жаль, пожениться не успеем...

— Неважно, я буду ждать тебя...

* * *

Бочия с войны не вернулся, героически пал на поле битвы за Родину. Толисками сдержала слово: как только во чреве ее зашевелился плод—кровь и плоть Бочии, она покинула родительский дом и пришла как своя в дом Бочии. Родители, сестры и братья Бочии с подозрением посмотрели на самозванную сноху. По селу поползли слухи. Это задело гордую Толисками, и она снова вернулась в отцовский дом, и здесь, под родимым кровом, горючими слезами оплакала свою первую и последнюю любовь.

— Когда выходила замуж—нас не спрашивала,— сказала мать Толисками, — и когда обратно возвращалась, тоже о родителях не подумала, — так хоть теперь послушай нас, избавься от этого ребенка,

пока не поздно. Наша Орга знает одно средство, я тебя сведу к ней, ты еще молода, снова выйдешь замуж и детей народишь, зачем он тебе, избавься от него, и сама успокоишься, и нам дашь покой.

Толисквами и слушать не стала, не пошла с матерью к повивальной бабке и сохранила ребенка. Родился мальчик, она назвала его Бондо — в честь старшего брата и, словно опытная женщина, ухаживала за сыном. Родители жалели ее, уж больно она молода, измучится — и помогали Толисквами как могли. Откуда им было знать, что смерть так внезапно унесет здоровенького младенца.

В канун новолуния у ребенка начались судороги и рвота. Это «туташи»¹ — заключила Бедиша, взяла из люльки больного, сняла с него белую рубашонку, бросила на земляной пол и подожгла. Ребенок с удивлением уставился на огонь, и судороги и рвота у него прекратились. К вечеру луна все же взяла свое — ребенок совсем посинел, начал дрожать и изрыгать рвоту, а пополуночи, когда кончилась «ломка луны» и на небе показался молодой тонкий месяц величиной с козий рог, звезды унесли младенца в небо.

Если бы не ребенок, можно было бы подумать, что Толисквами еще не замужем. Материнство пошло ей на пользу, она так похорошела и налилась после родов, что в селе заговорили: «Теперь она еще лучшего мужа себе найдет». И женихи не заставили себя долго ждать, но тут как раз на нее обрушилось ужасное горе.

«И впрямь нет счастья у моей Толисквами», — бормотал Джургу.

Толисквами, всю ночь не сомкнувшая глаз и не отходившая от больного ребенка, и днем не покидала его ни на минуту. — не ела, не пила, даже не садилась; только и знала, что слезы лила. И лишь только вечером, когда в соседней комнате собрались близкие и завели разговор о предстоящих похоронах, она умолкла и прислушалась к разговору старших: Толисквами знала, что несовершеннолетних хоронят не так, как взрослых, и это ее тревожило больше всего.

¹ Туташи — в мегрельском диалекте — луна.

Толисквами приоткрыла боковую дверь и направила слух.

— Гроб будет готов завтра, вечером пойдем на кладбище и похороним, — сказал один из стариков и замолчал.

В доме воцарилась могильная тишина.

— Мал он еще, поэтому больше ничего не требуется, поверь мне, Джургу, — сказал второй.

— И за упокой нельзя выпить, по одному стакану? — спросил Джургу.

— Вы, родные, когда вернетесь с кладбища, можете справить маленькие поминки, этого достаточно, настоящий же обряд здесь запрещен — вашинерс, Джургу...

Вдруг на пороге показалась Толисквами. На стариков надвинулась длинная тень, падающая от нее при свете керосиновой лампы.

— Заладили свое «вашинерс»! — гневно сверкнула она глазами. — Кто нам запретил оплакивать ребенка! Что же нам теперь — детей не оплакивать, а оплакивать таких выживших из ума стариков, как вы? Вы хотите сбросить в могилу еще не остывшее тело? Нет, этого я вам не позволю, я мать и сколько захочу, столько и будет со мной мой ребенок!..

— Толи! — рассердился Джургу. — Горе совсем замутило твой разум! Сама не понимаешь, что ты болтаешь, глупая!

— Очень хорошо понимаю, это вы не знаете, что говорите! — яростно набросилась она на отца. — Мы пока еще не оплакали своего покойника, даже не сшили себе траур. Я не позволю так бессердечно бросить его в могилу. Нет! Не отдам вам моего Бондо, не надейтесь на это!

Джургу бросил грозный взгляд на сыновей.

— Уведите ее, вы же видите, что она совсем рассудка лишилась!

Братья увели Толисквами в другую комнату и посадили возле усопшего сына.

Джургу запер боковую дверь.

— Надо торопиться с похоронами, а то эта девочка, глядя на покойника, сама в гроб ляжет.

— Что поделаешь, она мать и винить ее нельзя. А нам надо выполнить свой долг, — сказали старики.

Бедиша села рядом с Толисквами и начала плакать.

— Будет, доченька, возьми себя в руки, ты же видишь, что мертвому уж ничем не поможешь, ты еще молода, вся жизнь у тебя впереди. Ведь у меня тоже умер ребенок, тогда я была такая же молодая, как ты, и мне тоже казалось, что я вместе с ним в могилу сойду, но видишь, осталась жить. С жизнью трудно расстаться, дочка...

— Похороним послезавтра, мама, скажи отцу, что послезавтра похороним, — молила Толисквами, — хоть один день побуду со своим сыном.

— Хорошо, скажу, дочка, но не надо поступать так, как никто еще не поступал в селе. Как я помню, такого младенца всегда хоронили на второй или на третий день, ни бог, ни люди не простят нам, если мы будем мучать ангелочка.

— Ты лучше скажи ему, а то не знаю, на что решусь.

Толисквами злобно сверкнула своими большими черными глазами. Мать в испуге встала и принялась стучать в боковую дверь.

— Откройте, мне надо с вами поговорить...

Дверь открыли, Бедиша вошла в другую комнату.

— Убивается бедная девочка, просит, чтобы завтра не хоронили... — пробубнила Бедиша, словно в чем-то провинилась. — Похороним послезавтра. Джургу, ничего тут страшного нет, похороним послезавтра! — взмолилась она, глядя на мужа.

— Нет! Достаточно мы под ее дудку плясали!.. Все-му есть свой предел! Что мы, особенные, что ли? — Джургу нарочно повысил голос, чтобы слышала и Толисквами. — Не таких младенцев, а настоящих богатырей хоронят, но никто так не убивается. Не говоря уж о другом, просто стыдно так себя вести!

У Бедиши с мужчинами разговор не получился.

Когда сочувствующие разошлись, Толисквами прогнала и тех, которые хотели ночью подежурить у покойника: «Раз мы других правил не придерживаемся, нечего и на ночь оставаться, посторонние мне не нужны, в последнюю ночь со своим ребенком побуду я».

Бедиша постелила мужчинам в соседней комнате, а сама с Толисквами осталась там, где лежал ребенок. Толисквами спать не собиралась, но Бедиша, злой уложила ее. Она не стала раздеваться. Сорвала пододеяльник с одеяла, бросила простыню в угол и прилегла, не раздевшись. «Ну и ладно, и без белья отдохнет, лишь бы легла», — думала Бедиша.

Толисквами заметила, что мать следит за ней, поэтому, затаив дыхание, притворилась спящей. Бедиша не отрывала глаз от постели дочери, долго боролась со сном, но усталость взяла свое, и она вскоре заснула. Толисквами лежала, широко раскрыв глаза, и смотрела на закопченные балки и стропила.

Заслышав пополуночи крик первых петухов, Толисквами встала с кошачьей осторожностью, подкралась к двери, отодвинула засов и, приоткрыв дверь, заранее подготовила себе выход. В ногах и в головах покойника горели свечи, тускло освещая комнату. В приоткрытую дверь ворвалась ночная мгла. Толисквами обрадовалась этой непроглядной тьме... Подхватив тело ребенка, она опрометью выскочила во двор, там, в темноте, закутала его в белую простыню и стремглав побежала к лесу.

Лес этот, густой и мрачный, называли Чертовой чащей, и находился он довольно далеко от деревни. Разве только какой-нибудь отчаянный охотник заходил в дремучие дебри, а местные к лесу и близко не подходили. «Его потому и зовут Чертовым, что он принадлежит чертям, а бесенята и лешие прохожих сбивают с пути и морочат, как им заблагорассудится».

И вот теперь к этому лесу бежала Толисквами. Она хотела уйти от деревни подальше, остаться наедине со своим ребенком и, наплакавшись вдоволь, вернуться домой. Углубляясь в лес Толисквами, конечно же, не собиралась. Ей бы посидеть на опушке, под деревом, неподалеку от просторных лугов, где сельчаке пасли скот, выбрать там укромное местечко, прижать к груди своего сына и отвести душу в плаче и причитаниях. Так думала Толисквами и неслась, словно злой дух во тьме. Сначала бежала она по знакомым деревенским тропкам, потом оказалась в папоротниках высотой с человеческий рост. Вконец ободрала и исцарапала босые ноги. Спустившись к реке, она

остановилась, чтобы перевести дух и прислушаться, нет ли за ней погони, — и снова пустилась в путь. Небо было усыпано звездами, но вокруг все равно царила мгла, от слабого мерцания звезд светлее не становилось в эту непроглядную ночь. Где-то выл одинокий шакал, в ответ заливались лаем деревенские псы.

Толисквами торопилась, здесь каждая тропинка, каждый уголок были ей знакомы и, словно рысь, пробиралась она через овраг, продираясь сквозь кустарники и колючки.

Она вышла к прибрежной роще. Все свое детство она бегала здесь за козами, в соседних деревнях все знали дочку козопаса Джургу — Толисквами.

В этих краях Джургу славился как хороший пастух, пас он большое стадо коз. Маленькая Толисквами помогала отцу и братьям ухаживать за козами, но когда ей исполнилось двенадцать лет, отец не взял ее на пастбище: «Ты уже не ребенок, пасти коз дело не женское, помоги матери по хозяйству!» С тех пор Толисквами только один раз была здесь вместе с Бочней... После этого она из дому не выходила, свою печаль и горе закутала в траур и до рождения маленького Бондо радость к сердцу не допускала. Почему-то в эту ночь вспомнила она о старых друзьях и рванулась к ним в порыве отчаяния — стремительно бежала к чистому полю, к звонким ручейкам, к деревьям, к кустарникам и к Чертову лесу — как будто они могли исцелить убитое сердце, вернуть ей счастливые дни детства.

Как настоящий друг встретил ее повеявший из лесу ветерок, ласково прикоснулся ко лбу, обнял за шею, погладил по волосам. На поле Толисквами заметила одно темнеющее пятно, и хотя вокруг и было темно, хоть глаз выколи, но это место все равно выделялось своей чернотой — там стоял старый дуб. Толисквами узнала Козью рощу, здесь под дубом тек прозрачный родник, чуть подалее начиналось наилучшее пастбище для коз — небольшие холмы, покрытые кустарниками, за холмами проступал Чертов лес.

Она остановилась у дуба, ногой нащупала место, чтобы сесть. Крепко прижала к груди тело ребенка и села прямо на землю. Под дубом было сухо, сюда

не проинкала роса. Как только Толисквами присела, сразу открыла ребенку лицо и начала, как безумная, целовать и ласкать его; все крепче прижимая сына к груди, она всхлипывала и заливалась слезами.

Из леса доносился вой шакалов, который становился все ближе и явственней. Толисквами казалось, что шакалы выходят из леса. Вот уже совсем рядом раздался шакалий плач. Толисквами испуганно оглянулась и начала баюкать ребенка, словно боясь, что шакал его разбудит.

Сисатура мурсиа...
Бондо бошис лурсиа¹.

Она начала негромко, как будто укачивала живого младенца:

Мальчик Бондо прижимается к груди
Своей матери.

Она пела все громче и громче, вплетая в мелодию всю боль своего сердца.

Толисквами не знала, что поет новую песню, она где-то слышала эту мелодию, может, мать пела ей похожую на эту колыбельную. Песня лилась из глубины сердца, и слова рождались там же...

Спи, спи, сынок,
Спи, мой дорогой.
В люльке бутон розы
У меня расцвел...

Вой шакалов прекратился. В роще воцарилась гробовая тишина, словно каждое дерево и каждый куст прислушивались к пению Толисквами.

Сняла я с него одеяло и
взглянула на него я, —
стал он похож на луну и солнце,
мой дорогой мальчик.

Рыдания душили Толисквами. Она прервала свою песню и снова принялась осыпать поцелуями личико

¹ Вот идет шакал,
Мальчик Бондо спит.

ребенка. Она представила его лежащим в колыбели, действительно похожим на луну и солнце, и, вздохнув, продолжала:

УДК 82.09
302.001.003.3

Небом рожден ты,
Солнце и луна растили тебя,
Вырастет мой сыночек —
Расцветет бутон розы.

Слезы, ручьями стекали по ее щекам, соединялись у подбородка и капали на тельце ребенка.

Вот шакал идет,
Мальчик Бондо спит.
Мальчик Бондо
Прижимается к груди своей матери.

Где-то рядом прошмыгнул шакал... Толисквами испугалась, но тень быстро скрылась в темноте, так же быстро заглох и шорох в кустах.

Ночь незаметно растаяла, вначале на небе замерцала утренняя звезда, затем из села донеслось кукареканье петухов, на востоке едва заметно посветлело небо, солнце бросило свои первые лучи, шакалы умолкли и с полей в небо взлетел жаворонок, радостным пением известил поля и луга о наступлении утра.

— Рассвело, — встревоженно пробормотала Толисквами и привсталала, — здесь меня могут увидеть, — испуганно посмотрела она на село и, оглядываясь то и дело, пошла к лесу.

Сначала она бродила около леса, никак не решаясь войти поглубже. Тем временем в роще показался незнакомец, восседающий на разбитой кляче. За ним появилось еще несколько всадников, кого-то искали. «Меня ищут», — подумала Толисквами и спряталась в зарослях каштана.

Только что проснувшийся лес веселым шумом встретил Толисквами.

Наступало весеннее утро. Сверкающий изумрудом лес был так говорлив и оживлен, словно собирался в путь; с каждого дерева, с каждого кустика, из каждого уголка доносились шорох, шелест, щебет, чириканье, пение, стук, писк, карканье, свист, воркованье...

Здесь было не до грусти и печали, начинался день, близился восход солнца, и обитатели леса готовились к встрече с ним.

Из своего укрытия Толисквами перебралась в козовую рощу в поисках укромного местечка, где можно было бы побыть наедине с мертвым ребенком. Она спустилась в овраг, заросший колючими кустами. Здесь журчал прозрачный лесной ручей, с трудом пробираясь среди огромных валунов. Спрятавшись за ветвями, она села у воды. Сам черт не обнаружит ее здесь! Если бы случайный охотник наткнулся на Толисквами, сидящую у воды с распущенными волосами, он бы принял ее за Лесную деву и не посмел бы подойти к ней близко.

Лес был охвачен таким веселым и радостным шумом, что Толисквами не решалась голосить громко. Она лишь причитала полупшепотом. И почувствовав, что на душе немного полегчало, снова затянула свое «Сисатура». Как бы грустно она ни пела, песня все-таки есть песня, она слилась с голосами леса и уподобилась им настолько, что услышь ее кто издали, непременно бы принял за песню самого леса.

В лесу было прохладно, женщине показалось, что тело ребенка здесь еще больше похолодело, она растегнула ворот, спрятала на груди маленькую головку ребенка. Горячей и затвердевшей от прилившего к соскам молока, готовой вот-вот лопнуть груди было приятно прикосновение холодных щек ребенка. Толисквами откинула простынку и налегла на младенца тяжелой, разбухшей от молока грудью.

Сисатура мурсиа...

Негромко, сладко пела Толисквами и обнимала ребенка всем своим телом, переполненной молоком грудью, упругим молодым животом, длинными руками, передавала ему тепло собственного тела.

Как только тельце ребенка прикоснулось к пышущей жаром груди, из сосков хлынуло молоко. Толисквами на минутку отняла ребенка и осмотрела грудь — молоко, в самом деле, текло само по себе. «Теперь мне станет легче», — подумала она, и невольно, сама не помня почему, для чего — приложила сосок к губам

младенца. От этого прикосновения молоко потекло еще обильнее.

И тут случилось чудо: когда горячее молоко пошло в рот ребенку, его губы едва заметно зашевелились. Толисквами глазам своим не поверила, пощупала ему грудь, приложила ухо к сердцу, потерла щеки, насильно открыла ему глаза, но не обнаружила никаких признаков жизни. Предчувствие, однако, не давало покоя Толисквами, она снова вложила сосок в рот ребенка, крепко обняла его и снова запела грустное «Сисатура». Сомнений быть не могло — ребенок сосал грудь, слабо шевеля губами. Толисквами оцепенела, совсем ослабла, тело ее обмякло, в голове помутилось, и она готова была потерять сознание.

Толисквами сидела как оглушенная и боялась пошевелиться.

— Тук, тук, тук! — подбодрял Толисквами дятел, сидевший на буковом дереве.

— Чик-чирик! Кар-кар! Фьюить, фьюить! — чиркал, каркал, шелестел и шуршал лес, журчал ручей, словно вода, дерево, куст, птица, лесные твари, небо и земля только и старались и ждали, когда маленький Бондо откроет глаза и когда он улыбнется своей маме.

Ребенок перестал сосать и уснул, не выпуская сосок изо рта. Толисквами прислушалась к дыханию ребенка, прислушалась и к биению сердца, и когда убедилась, что ее Бондо действительно ожил и что это не сон, встала, не отнимая ребенка от груди, и быстрыми шагами вышла из лесу. Как только она вышла, ей навстречу ослепительно засияло солнце, всходившее над полями и лугами, и лучи его били прямо в лицо Толисквами.

* * *

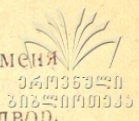
Утром Бедишу разбудило куриное кудахтание. Стоило ей только встать, как она, ударив себя по щекам, воскликнула:

— Люди добрые! Где же покойник?

В одной ночной рубашке она выбежала на балкон.

— Толи, доченька, Толи! — в тревоге позвала она дочку.

— З чем дело, что случилось?! — выглянул из своей комнаты Джургу.

— Джургу, куда делась наша девочка?

— Куда она могла деться, женщина! Что ты меня поднимаешь в такую рань!

Бедиша накинула платье и выскочила во двор. Кинулась туда, сюда, долго звала: «Толи, Толи», но, не обнаружив нигде дочери, не на шутку испугалась, вернулась в дом, принялась тормошить мужа.

— Никак руки на себя наложила, — Бедиша заплакала.

— Да что ты выдумываешь! Придет, никуда не денется, — сказал Джургу.

— Вставайте же! Мы и живую потеряли и мертвого!.. А он еще твердит — придет, никуда не денется! — закричала Бедиша на сыновей.

— Мертвого? — встревожился Джургу.

— Да, и покойника нет, унесла она его с собой!..

Все бросились в ту комнату, где лежало тело младенца. Бедиша какое-то время ждала, что скажет муж, но, не услышав ничего утешительного, начала кричать и собрала соседей.

Братья Толисками мигом обошли деревню и всех родственников и близких чуть свет подняли на ноги.

Бедиша утверждала, что Толисками утопилась в Энгури вместе с ребенком.

Джургу и слушать ее не хотел, не верил в смерть Толисками, но все же послал людей обследовать берега Энгури.

Во время этой неразберихи в деревне появилась Толисками. Сначала ее приняли за приведение, за нечистую силу, но когда счастливая Толисками подавала голос: «Не бойтесь, люди, это я», — гонец с вестью сломя голову побежал к дому Джургу.

Все жители деревни высыпали на улицу и, окружив ворота дома Джургу, в изумлении взирали на его несчастную дочь, которая крепко прижимала к груди ребенка.

— Что случилось, что произошло?! Ты жива?! — бросились к Толисками братья, поближе подошли и остальные.

Толисками не могла отдышаться, сердце ее готово было выскочить из груди.

— Оказывается, он жив!.. — Голос ее прервался, и речь была бессвязной. — Ожил! Ребенок жив!..

Как жив?! Люди были ошеломлены, — «несчастливая девочка сошла с ума», — подумали они. Кто мог поверить в воскрешение мертвеца!

— Проводим ее в дом, вы же видите, что женщина тронулась... — деловито предложил кто-то и заботливо взял Толисквами под руку.

— Горе мне! — пробормотал Джургу, увидев смятенное лицо Толисквами.

Братья и родственники отвели Толисквами в дом. Лежащая в полусознании на тахте Бедиша ждала дочку. Увидев ее, она только вскрикнула: «Ты жива!» и снова упала на подушку.

В это время ребенок заплакал...

Толисквами уложила маленького Бондо на колени и дала ему грудь. Это действительно походило на чудо. Дом со всех сторон окружили люди.

Бедише все это казалось сном. Выслушав рассказ Толисквами, она, обращаясь к закопченному потолку, воскликнула: «Слава тебе, господи!», упала на колени, расцеловала ручки и ножки ребенка, не вставая, вползла из комнаты и направилась к воротам. Когда она миновала калитку и оказалась на проселочной дороге, домочадцы последовали за ней молча, ибо никто не осмелился сказать ей, что до часовни далеко и она не выдержит.

Бедиша ползла на четвереньках, обдирая себе колени, посыпая землей грудь и голову... Бормотала, шептала, к небу обращалась с мольбой, опустив голову, целовала землю.

Вскоре показалась часовня. Бедиша на четвереньках три раза обошла храм, затем вползла внутрь и до самого вечера горячо молилась.

Толисквами кроме своего Бондо никого не помнила — прибрала люльку, уложила туда ребенка, села рядом и тихонько запела «Сисатуру».

А Джургу поставил под тутовым деревом небольшой столик, накрыл его на скорую руку и всем предлагал выпить за здоровье маленького Бондо.

Перевод А. БЕСТАВАШВИЛИ и К. ХУЧУА

Родилась я в Чиатура, в весьма своеобразном городе, который с четырех сторон окружают горы, в котором течет мутная от смыва марганца река и неповторимому колориту которого я должна быть благодарна за то, что сегодня я пишу. А школу окончила в Тбилиси, затем — университет, после которого преподавала в школе историю. И эти годы не прошли для меня даром. В настоящее время работаю редактором в издательстве «Ганатлеба».

Писала рассказы и печаталась еще в студенческие годы. Труд писателя считаю величайшим празднеством и в то же время восхождением на Голгофу.

Тема подростка — моя любимая тема, к ней я обращалась во многих своих рассказах и вероятно вернусь к ней еще раз. Рассказ, с которым я предстаю сегодня перед русским читателем, тоже о подростке.

Моя первая книга рассказов «Ласточки прилетели» выйдет к концу нынешнего года в издательстве «Мерани». Сейчас работаю над романом, который будет называться «Короткая fuga».

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО КЕНТАВРА

Рассказ

ОН ЛЕЖАЛ и злился на сестру. Это она виновата в том, что он вынужден сейчас валяться в постели и притворяться, что спит. И конечно же, она сделала это назло, зная, с каким нетерпением ждал он приезда Магуры.

Магура должна была приехать именно сегодня, так она сообщала в письме, которое мама, прочитав

вслух, небрежно скомкала и положила в карман передника.

Он с утра до вечера слонялся без дела ^{и по этому,} наострив уши, прислушивался к разговору ^{взрослых,} вдруг кто-то подтвердит, что сегодня Магура непременно придет. Вот если кто-нибудь вспомнит ее, то она обязательно придет, почему-то думал он.

Погода стояла сырая и нудная, к тому же полил дождь, как из ведра, и никакой надежды, что распогодится, и это невольно навевало тоску, обволакивало сетями меланхолии. Вечер застал всех в собственных думках и заботах. Магура не приехала. Вместо того чтоб попытаться хоть немного понять его, сестра, подчеркивая, что она старшая и что он обязан подчиняться ее воле (вероятно, она к тому же думала: вот выскочка, какое ему дело, кто придет или уедет), поспешно собрала его манатки, насплетничала матери, что ему давно пора спать, и даже выключила свет. Вот он и лежит.

А снаружи доносятся чьи-то голоса, смех, громкое покашливание. Дачники собрались на веранде, кто-то упрямо терзал транзистор, скорее всего жилец угловой, со стороны улицы, комнаты, зубной врач, человек шумный и беспокойный, который вообще не считался с соседями и, разумеется, заслужил их неприязнь. Но голоса с веранды доносились в какой-то небольшой отрезок времени, стыкуясь со временем отлива, а затем, едва волна докатывалась до берега, она стирала все звуки, как легко движущаяся рука учителя стирает написанное мелом на доске. Мощный удар волны вдруг становился мягким и приятным на слух, точно его просеивали через сито. Вероятно, вода поднималась довольно высоко, он догадывался об этом по тому, как шумел берег под натиском воды, а шумел он по-разному, в зависимости от того, где и какой величины камни валялись; теперь уже волна достигала, казалось, песчаного берега пляжа, а от него до дома — рукой подать. Джемалу не нравилось, что море волнуется, он по собственному опыту уже знал, какие неприятности может принести разбушевавшееся море. Быть может, потому не могли уснуть и жильцы, боясь, как бы море не постучалось к ним в окна, когда они будут безмятежно спать. Хотя этим летом в доме жи-

вут совсем новые дачники, еще не испытавшие стра-
ха нашествия воды на этот дом, не шлепали они спо-
заранку босыми ногами по воде в комнатах первого
этажа и огромными ведрами, тазами, старыми ка-
стрюлями да и вообще всем, что может в эту минуту
попасть под руку, без передышки не выносили соле-
ную и тяжелую воду. Потому Джемал решил, что
еще не так поздно. Да и мать не спит, изредка в до-
носящихся до него смешанных голосах различал он и
ее голос, самый знакомый и любимый. Потом его одо-
левала дрема, но он, спохватившись, тотчас открывал
глаза, и так продолжалось до тех пор, пока, продрав
глаза в очередной раз, он не почувствовал, что как
следует выпался.

Море бушевало еще сильнее, сомнений нет, если
волны еще не докатились до стен первого этажа, то
забрызгать их они успели. Весь дом уже спал. Ночь
словно была заквашена на неодолимом сне, на затаен-
ности, которая, казалось, сочилась со стен, текла из
комнат квартирантов и скапливалась у его постели
невидимой огромной горой, чтоб удивить его, заста-
вить задуматься и даже немного напугать. Сон вко-
нец покинул его. Теперь он весь был во власти шума
моря, который сейчас напоминал скорее причитания.

Комната, где он лежал, была пристроена к зад-
ней стороне дома еще до его рождения. Окно почти
вплотную примыкало к замшелой хачапурной, по кры-
ше которой день и ночь бродили привлеченные запа-
хом аджарских хачапури бездомные коты-крысоловы.

Летом его, как правило, переводили в эту отда-
ленную комнатку, поскольку отдыхающие были
особенно заинтересованы в комнатах с видом на мо-
ре, и их не отпугивало, когда мать, напомнив, что ши-
пучий морской воздух льется прямо в окна, заламы-
вала довольно высокую цену. Джемалу переносили в
его новую обитель только постель, а вещи не трогали,
оставляли их на прежних местах, что позволяло ему
чувствовать свое несомненное превосходство над по-
селившимся в доме дачниками из разных городов. В
самой просторной комнате, из которой открывался та-
кой заманчивый вид на море, словно ты стоял на палу-
бе парохода, на стенной полке лежала, переливаясь все-

ми цветами радуги, огромная, величиной с мужской кулак, перламутровая ракушка. Отец использовал ее как пепельницу, большей частью зимой, когда приходили гости. А все лето и осень ракушка покоилась на полке и являла собой такое же украшение комнаты, как вылинявшие от времени и пыли искусственные цветы в вазе или же красивая фарфоровая фигурка гейши. Эти предметы и давали Джемалу право ощущать свое преимущество перед жильцами. Вот, к примеру, всего лишь несколько дней назад, как раз назло поселившимся в этой комнате «высочкам» — брату и сестре, ходившим задрав нос и воображавшим только потому, что были старше него на каких-то два года, он, улучив момент, когда мать «этих высочек» была на кухне, ворвался в комнату, не обращая внимания на то, что брат с сестрой разинули рты от удивления. Разве можно входить, не постучавшись? — можно было прочесть в их изумленных глазах. Они лежали ничком на широкой тахте, и спины их были намазаны толстым слоем простокваши, лежали на той самой тахте, на которой зимой он так сладко спал и видел разноцветные сны. «Ну и темнота, — подумал он, еще не подойдя к полке с ракушкой, — даже загорать толком не умеют, не успеют приехать, как мчатся на берег и жарятся на солнце, а потом вынуждены мазаться простоквашей и валяться на тахте». И только коснувшись ракушки и почувствовав, как ее прохлада ласково обволокла пальцы, он подумал, а для чего ему эта ракушка и куда он несет ее. И все-таки он взял ее и вышел. Он мог повторить такую выходку в любой комнате, с любой вещью, принадлежащей им, кто мог запретить это ему, сыну хозяина дома... Да вряд ли кто-нибудь осмелится косо взглянуть на него, ведь ему уже одиннадцать лет и он может со скоростью ветра мчатся на велосипеде и дольше всех своих ровесников находиться под водой...

Но сейчас он лежит, уткнувшись в подушку, и с нетерпением ждет рассвета, слушает злобный рокот волн, с размеренным интервалом выплескиваемых морем, которое, казалось бы, страдает тяжелой болью, вздыхает и мучается, как обжеванный муравьями медведь. И в этом бесконечном шуме в воображении мальчика всплыл вдруг мерный стук ко-

лес. Он дважды ездил поездом. В первый раз — с отцом на базар, продавать мандарины, а во второй раз в большой город поехала вся семья. Накануне отец с матерью сидели на покрытой ковром тахте, у матери в переднике лежали деньги, она раскладывала их по величине и цвету, протягивала отцу, он в свою очередь старательно пересчитывал их, шепча что-то про себя, средним пальцем откидывал черную костяшку на счетах, лежавших на табурете, и складывал пачки денег под бедро. Когда они кончили считать, отец разделил деньги на две части, каждую надежно перевязал бечевкой и положил в разные карманы куртки.

Сестра долго прихорашивалась перед зеркалом, пока, наконец, рассердившись, мама не прикрикнула на нее:

— Хватит, не на свадьбу едешь!

А отец с сомнением сказал:

— Как быть с Джемалом? Может быть, оставить, соседи присмотрят?..

Ох, как он испугался тогда, думал, что его и в самом деле оставят, что мама тоже предаст его. Сердце встрепенулось, словно в груди у него торчала стрела и чья-то неосторожная рука невзначай коснулась ее. А вдруг будет так, как считает отец? Он с мольбой взглянул на мать, из глаз у него готовы были брызнуть слезы. Но мама обняла его, ласково привлекла к себе.

— Нет, — сказала она грустно, — Джемал тоже поедет. Может быть, мы в последний раз вместе, пусть дети будут со мной.

Голос у нее задрожал, еще немного, и она заплакала бы. Но она сдержалась. Молча вышли они на улицу, так же молча сидели в поезде, и Джемалу казалось: они сидят в поезде потому, что обязаны слушать этот надоедливый перестук колес. А потом... Многолюдный зал, руки говоривших что-то незнакомых мужчин, глаза, одежда... Бледная, напряженная мама, сидящая отдельно перед какими-то сердитыми мужчинами за длинным столом... Джемал устал, он и не заметил, как уснул, прислонив голову к руке отца. Домой возвращались все вместе. Снова поезд, мама уже не сдерживала слез, поочередно привлекала к

груди детей, молча плакала и всего один раз пробор-
мотала:

— Оправдали меня, оправдали.

А отец все смотрел и смотрел в окно. Все были счастливы, хотя и не говорили об этом, словно боялись, что воздух, выдыхаемый ими при разговоре, может развеять это легкое, как пушинка, счастье. Они боялись этого и молчали, чтоб довести до дому это счастье в целостности и сохранности.

Теперь уже совсем иные переживания нес с собой грохот поезда, вселившегося на миг в сознание мальчика, переживание необъяснимой радости ожидания. Ему нравилось это состояние, потому что оно сулило нечто совершенно новое. Он и не знал, чего просил, чего ждал он от этого ожидания, но в одно верил твердо — утро предвещало ему радость. Но скорее всего утро несло с собой прошлое, яркие дни прошлогоднего лета, теплые и спокойные, но сырые вечера. Прошлогоднее лето было единственное, оно заставило позабыть остальные десять лет, которые были поглощены и затеряны в омуте времени, как камушки, намеренно брошенные в воду.

Кто знает, сколько раз он просыпался в эту ночь и снова впадал в дрему. Едва сон касался его глаз, как тотчас всплывало прошлое. Хотя это не было похоже на прошлое, все происходило сейчас, в действительности.

Она сидит на ярком полотенце и смотрит на море. А Джемал вертится возле нее, то ложится навзничь рядом на песок, то, стоя на коленях, перебирает камушки, ищет для нее самый красивый и яркий, потом стремглав убегает, штопором врывается в толщу воды, снова выбирается на поверхность, но уже далеко, глубоко в море и быстро, ловко плывет к набитой взрослыми ребятами лодке.

— Кузьма! Иди сюда! — зовт один из них.

Он тотчас хватается за ребро лодки.

— Эта девушка с тобой? — спрашивает красивый сероглазый парень, который каждый день меняет плавки. Его зовут Казимиром.

Джемал кивает головой — да, и в то же время раскачивает лодку.

— Как зовут-то ее? — теперь уже спрашивает второй и останавливает весло.

Джемал щурится от солнца и не отвечает, нечет и не отвечает.

— Посажу в лодку, — обещает парень с веслом, но никто не протягивает Джемалу руку, и он сам пытается вскарабкаться в лодку. Снова его спрашивают:

— Как зовут-то, не слышишь, Кузьма?

О, он хорошо знает, что это за типы, не оставят ни одну девчонку, чтоб не познакомиться. Катают их на лодке, кривляются, водят в кино, на танцы и даже провожают их, когда они уезжают, и приглашают приехать и на следующее лето. Потом знакомятся с другими, и все повторяется снова, и так — все лето и половину осени, пока не заканчивается купальный сезон.

«Какое вам дело, как ее зовут, — думает он. — Вы лучше за своими девчонками приглядите». Но вслух произносит: — Не зовите меня Кузьмой, я — Джемал.

Парни хохочут: гляди-ка, требует, чтоб обращались к нему по имени, записанному в паспорте... Держи карман пошире...

А Джемал торжествует, только он один знает, что ее зовут Магура, они же, если даже лопнут от желания, никак не догадаются, как зовут ее. А как же, не может же у нее быть обычное имя, ну, скажем, Жужуна, или Света, или же Маруся.

— А которому из вас сильнее хочется знать? — лукаво улыбается он.

— Гляди-ка на этого молокососа! — сердится парень с веслом и поворачивает весло вправо. — Катись отсюда, не то шмякну!

Джемал рывком отталкивается от края лодки и навзничь опускается в воду. Прыжок получается удачный, красивый, он доволен, думая, что с берега за ним, вероятно, наблюдает Магура.

Он выходит на берег, смотрит, как она, позабыв обо всем на свете, закрыв глаза, лежит на песке. Она успела уже загореть, пляжный костюм в горошек слегка выгорел, хотя по-прежнему красиво облегает ее чуть полноватое тело. Сыграем в карты... — в который уже раз повторяет он мысленно просьбу, но вслух так и не произносит ее, знает, она предпочитает

просто лежать и думать о чем-то своем. Она может часами сидеть молча, глядеть неотрывно на море и все думать, думать. В это время она забывает о трикорнувшем, словно котенок, возле нее мальчугане, своем стороже и защитнике, который, стесняясь, все-таки робко произносит:

— У тебя заболит голова. — Он сцепляет пальцы своих маленьких рук, зарывает их в песок и сгребает его у нее под головой. Она не сопротивляется желанию мальчика, худенькое, загорелое тело которого так смешно смотрится в широких мужских трусах, и только жалеет его: — Не надо, Джемал, разве не больно рукам?.. — Он упрямо трясет головой, уставившись в потемневший от стекавшей с плеч воды песок. «Я должен жить пять, пять и еще пять лет, чтобы дорасти до тебя, это очень много», — думает он.

Но разве существование времени, затаившегося за туманным пологом будущего, мешало ему быть счастливым?

Он и не знал, думал ли он обо всем этом или это ему снилось. Вероятно, и то и другое, во всяком случае, он ничего не сочинял... С тех пор прошел целый год. Он уже вырос из старых рубашек и ему купили новые, и брюки на нем уже не короткие, а длинные, купленные в магазине; читает он бегло, почти так, как те, кому в классе ставят четверки. Да, чуть было не забыл, однажды он видел, как в кино арестовали какого-то лысого дядьку. Посреди фильма вдруг зажегся в зале свет, двое здоровенных мужчин подошли к тому дядьке с разных сторон и, взяв его за руки, вывели из зала. Говорили, что это был шпион. Так ему и надо... А еще рыбаки выловили в море огромную рыбку. Но она прорвала сеть и выскользнула, кое-кто убеждал, что это была акула. Один из рыбаков поклялся, что она никуда не денется, поймает он ее, только дайте время.

Все это всплывало в его дремотном сознании, перемежаясь с мыслями о приезде Магуры.

Магура по-прежнему будет вместе с ними обедать на балконе, выходящем на море. Джемал сядет за круглый, покрытый клеенкой стол и ради Магуры съест все, что ему предложат.

— Джемал, — спросила как-то мама, — что ты любишь больше—жареную картошку или Магуру?

Он чуть было не поперхнулся куском, который он жевал, но не ответил, — за столом все прыснули.

— Жареная картошка — единственное, что он ест с удовольствием, — добавила для ясности мама.

Мама говорила правду, но он больше жареного картофеля все-таки любил Магуру, а еще сильнее — свою собаку. Нет, собаку он не просто любил, он вообще не представлял, как можно было бы жить без нее.

Это была не ночь, а сплошное мучение. И только на рассвете ему удалось уснуть, причем спал он так крепко, что ни снов не видел, ни воспоминания не тревожили его.

Когда он открыл глаза, его ждал серый печальный день. Вероятно, было время второго завтрака. Жильцов не было слышно, на веранде сидели только двое — старая учительница и журналист, постоянно выраженный в серый костюм. Женщина, стоя, пила сок, а журналист рассматривал старую, испещренную разноцветными пятнами карту на стене точно так, как сестра Джемала, и мальчик всегда недоумевал, что там можно увидеть, неужели она в самом деле что-то понимает в этом.

Джемал быстро прошел веранду, вышел на балкон, где стоял умывальник. Вообще-то он обычно умывался в ванной, но сегодня он решил умыться на балконе, откуда хорошо просматривался весь дом. Умывшись, он долго, не спеша вытирался, то и дело поглядывая на закрытое окно в комнате, отведенной для Магуры. Вчера оно было прикрыто точно так же, никаких изменений он не заметил. И все-таки ему казалось, что вот-вот распахнется окно и, как с трепетом ожидаемые первые кадры фильма, появится в нем желанный силуэт Магуры. Чем больше он мечтал, тем призрачней становилась надежда, он убеждался, что жильцов в их доме не прибавилось. Вдруг ему послышалось повизгивание собаки.

Он поспешно бросил полотенце на протянутую между столбами балкона веревку, на которой дачники обычно сушили купальники, быстро сбежал по ле-

стнице и оказался во дворе. Вот лестница во флигеле, которая ведет прямо в комнату Магуры. Он остановился. О собаке он не забыл, всего лишь на один единственный шаг свернул с дороги. Взбежал по лестнице, перепрыгивая через две-три ступеньки, в мгновение ока очутился перед дверью, убежденный, что в комнате никого нет, рванул на себя дверь и застыл, как замороженный, не понимая, явь это или сон? На кровати, положив голову на голую руку спящего мужчины, спокойно спала Магура, дыша безмятежно и ровно. Именно из этого спокойствия и явилось к мальчику неловкое, подобно соблазну, ощущение, которое было одновременно и стыдом и любопытством.

Магура все-таки приехала, в такой пасмурный день и так неслышно, будто бы ему было все равно— приедет она или нет, она все-таки приехала и спит не так, как прежде, положив под подушку книгу, а в обнимку с каким-то мужчиной.

Мама знает, мама, разумеется, все знает, она встречала их, проводила в комнату, выдала постельное белье, улыбалась им. Так и было. Ему ли не знать, как принимают у них в доме приехавших на отдых жильцов!

Когда он как вкопанный стоял на пороге комнаты Магуры, он не думал, нет, мысли сами шли к нему, те самые мысли, с помощью которых он хотел понять смысл, разгадать случившееся, но ничего не мог понять, убежавшей кинолентой безбожно промелькнуло все, что могло постичь его разумное сознание.

Что же произошло и как это могло случиться, что он, все еще ребенок, вдруг перевоплотился в этого незнакомого с загорелой грудью мужчину; верхняя губа которого окаймлялась узенькой черной полоской усов. Но это случилось лишь на миг, казалось бы в несуществующем времени, пока он пришел в себя, пока во всей своей неумолимости не встала перед ним явь: Магура была уже не той Магурой, и убей он сейчас себя, она все равно никогда не превратится в ту Магуру, которую он ждал с таким нетерпением. Магура сейчас была зеркалом, в котором мальчик увидел себя и изумился. Почему-то он не нашел в себе чего-то значительного, очень важного (и в этот миг он понял, чего именно, и это грубо тормозило и будоражило его),

смысл и содержание которого следовало искать в глубине его мужского происхождения. Неужели только лишь стыд, вызванный в нем созерцанием влюбленных, сжал его сердце, точно так, как тогда, когда он впервые увидел утопленника.

Он повернулся, быстро прикрыл дверь и поспешил поскорее покинуть это место — так спешит обычно преступник уйти от места преступления. Но то, что увидел он за дверью, паутиной обволокло его, мешая вернуться к привычной для него жизни, которой он жил еще пять минут назад. И он понял — случилось то, к чему он абсолютно не был подготовлен.

Он уже не помнил о собаке, и если бы даже вспомнил, не стал бы искать ее, поскольку для него сейчас не существовало ничего, кроме удивления.

Он вернулся в дом, потому что не знал, куда идти. Жильцы высыпали на веранду. Ему не хотелось встречаться с ними, но не возвращаться же назад. По-воровски, сжавшись в комочек, прокрался он на кухню. Вот стол, на котором, как обычно, его ждет завтрак, приготовленный матерью. Под полотенцем он обнаружил довольно большой кусок пудинга, оладьи и чашку с киселем. Он сел, взял пудинг, откусил, но есть не мог, кусок застревал в горле, пудинг показался ему невкусным. Он перестал есть, сидел, уже ни о чем не думая, выключенный из жизни, потом встал, вышел из кухни, прошел не через веранду, а механически стал спускаться по темной внутренней лестнице рядом с ванной, той самой, что выходила к сырой задней стене дома, сплошь испещренной блестящими следами улиток. Снова донесся до него плач собаки. Сколько он помнит себя, собака жила с ними, но никогда она не скулила так жутко. Он окинул взглядом двор. Собака лежала под деревом хурмы, услышав шаги, с трудом подняла голову и уставилась на хозяина гноившимися глазами. Он не остановился — только промелькнула мысль, что собака плачет, и в тот же миг удивился: разве животные могут плакать? Но сейчас ему было не до разгадок. Хотя вспомнилось, как недавно отец говорил: уж очень постарела собака, того и гляди помрет, если бы не Джемал, не держал бы ее дома.

Обидеть собаку — это значило обидеть Джемала, все это знали, даже дачники, и когда им хотелось порадовать мальчика, они щедро кормили собаку всякой всячиной. Она ни к кому не приставала и даже не лаяла, точно позабыв, что она собака.

Узкая улочка между берегом и домом была вся засыпана песком после вчерашнего шторма. Было довольно-таки прохладно. Изредка по улице шлепали одинокие дачники, вероятнее всего те, кого вывела из дому любознательность — ну как же не полюбоваться разгулом стихии.

Пляж был обезображен выброшенными на берег корягами, залит дегтем. Море отступило, но все еще бушевало вдали. Волной почти смыло огромную гору гравия, специально привезенную на пляж. Этим гравием собирались заполнить волнорезы.

Ему не хотелось идти по занесенной песком улице, и он повернул в тупичок, ведущий к отдаленной от берега центральной улице, пошел вдоль ряда неподстриженных, буйно разросшихся кустов трифолиаты, инстинктивно повернул голову, оглянулся, не идет ли за ним собака. Еще до того, как он завернул в тупик, он заметил, как она выползла из калитки и, конечно же, поплелась за ним, но он надеялся, что она скоро устанет и повернет назад. Но собака шла за ним, шла с трудом, часто садилась, чтоб передохнуть и с новыми силами продолжить путь. Ему стало жалко ее, он замедлил шаг, подождал, пока собака догонит его, и сердито прикрикнул: «Что с тобой, чего шла, если не можешь стоять на ногах?»

Дальше они пошли вместе. Стоило собаке сесть, как он тоже останавливался. В этом выражалось его сочувствие к другу. Они шли к парку. Джемалу хотелось побыть наедине с самим собой. В такой нудный, промозглый день, когда в любую минуту мог хлынуть проливной дождь, в парке наверняка будет безлюдно. Если бы за ним не увязалась собака, он бродил бы по тропинкам, по которым был разлит аромат вечнозеленых деревьев, но сейчас он вынужден был остановиться возле ближайшей скамейки. Она еще не просохла, но Джемал не придавал этому значения, сел и стал смотреть на собаку, прикорнувшую у ножки

скамейки. До чего не хотелось ему сидеть сейчас с ней, будь она даже не такой развалиной, а здоровой, как много лет назад. Ему хотелось думать о чем-то другом, думать наедине с самим собой, а собака не давала ему этой возможности, смотрела на него грустными, слезящимися глазами, словно молила о помощи. А он сейчас сам нуждался в поддержке или же хотя бы в том, чтоб его оставили в покое. Конечно, он жалел собаку, но чем он мог помочь ей... В столкновении желаний, в бесполезной попытке собрать воедино разрозненные, обрывочные мысли медленно, постепенно обнажалась суровая правда о том, что именно заставило его бежать из дому, что бросило его в эту пропитанную влагой сосновую рощу, но от всего того, что он пережил, что вылилось в раздумья или же новые переживания, от чего-то нового, непонятного, несознанного им, родилось совершенно иное настроение, строптивное и неприязненное, которое скорее всего можно было бы назвать враждебным настроением. Но враждебность эта не переходила в бунтарство, скорее она походила на грусть, вызванную своей же несостоятельностью. Закрытое окно, то самое, что и вчера было точно так закрыто, дом, в котором он вырос, вдруг показались ему чужими, и он стал мечтать о том, чтоб никогда не возвращаться туда. Не успел он подумать об этом, как к скамье напротив, на противоположной стороне тропинки, посыпанной красным битым кирпичом, подошел старик. Джемал заметил его еще издали, когда тот шел по аллее, опираясь на трость с набалдашником, с трудом передвигая ноги и оглядываясь по сторонам, но воспринял его как обыкновенную, незначительную деталь и не обратил на него внимания. А старик подошел, в свою очередь делая вид, что не замечает мальчика, точно подошел именно к этой скамье просто так, мимоходом, случайно. Пришел, сел, достал из кармана яблоко, потом долго шарил по карманам, пока нашел маленький перочинный ножик, и стал не спеша очищать яблоко, небрежно швыряя в сторону кожуру.

Приход старика не вызвал в мальчике никакого интереса, и все-таки он машинально наблюдал за всеми его движениями. Старик выглядел странно, был тепло

одет, видимо, не допуская и мысли, что в любую минуту может выглянуть солнце. Старик ел медленно, кусочек за кусочком, иногда он переставал жевать, с трудом глотал подступившую к беззубому рту слюну, жмурил глаза, смотрел на море и качал головой. В уголке губ появлялась у него брезгливая улыбка, и он сердито что-то бубнил. Джемала вовсе не интересовал старик, он вдруг понял, что у него умирает собака. Боже, помоги! — молило в нем что-то невидимое, но так робко, так боязливо, словно мольба эта шла не из глубины его души, а из дебрей в конце роши, словно кто-то между прочим, развлекаясь, произносил эти слова. Когда же он переводил взгляд с собаки на старика, то мольба его становилась бессмысленной, ничего не выражающей, словно слова его были лишь малюсенькими кусочками яблока на ладони старика, которые он один за другим закладывал в свой старческий рот. Поймав на себе взгляд Джемала, старик, не поднимая головы, словно беседуя сам с собой, а на самом деле явно стремясь заговорить с мальчиком, произнес: — Конечно, ничего уже не поможет...— Потом разжевал последний кусочек и, все еще надеясь завладеть его вниманием, добавил: — Это все из-за людей.. Из-за их грехов, но об этом никто не думает.

Он произнес эти слова с таким выражением лица, что было ясно: собственная мудрость доставляла ему огромное наслаждение. Теперь он уже открыто обращался к Джемалу, но тот не произнес ни слова, ему было не до бормотания этого дряхлого незнакомца, он всем телом повернулся к собаке, надеясь, что если он не ответит, старик отстанет от него.

Джемал впервые видел смерть, она не вызывала сейчас в нем тех ощущений, что испытал он когда-то, увидев утопленника, или же то состояние грусти и печали, которое владело им при виде поминального лоточка в память ушедшего в небытие, навсегда исчезнувшего ребенка. Помнится, лоток этот был выставлен на улице на каменной плите. На нем в изобилии лежали конфеты, крашеные яйца, выпеченные из теста фигурки птиц. Дети наперегонки бежали к лотку, они знали, что все эти лакомства прислал им их ровесник, который уже никогда не будет играть с ними. Никто ни

о чем не спрашивал, все молча примирились со смертью, только именно тогда и родился страх, безликий, бестелесный, жуткий.

Но сейчас смерть не была связана со страхом, она была лишь мучительным, надоедливym, унижительным грузом, от которого следовало освободиться, избавиться...

Он не мог избавиться. Почему? Не привязали же его цепью к этой скамейке, кто заставлял его быть свидетелем этого ужаса? Но он не мог встать, у него не было сил двигаться. И вдруг недавно вспыхнувшая в нем молчаливая мольба — боже, помоги! — потеряла смысл, расплылась, затем, перевоплотившись в новое желание, вспыхнула в уставшей душе мальчика: боже, пусть скорее умрет! Казалось бы, он произнес это громко, перекрыв ужасный хрип собаки, и в тот же миг, вместе то ли с кажущимися, то ли реальными голосами, послышалось глухое шамканье. Старик спрашивал:

— Что с ней?

Он не ответил. Старик переспросил:

— Я о собаке спрашиваю, что с ней, не умирает ли?

— Не знаю, — ответил он.

— Твоя?

Он взглянул в старое, морщинистое, противное лицо старика и тяжело кивнул головой.

Мучениям собаки не было конца. Вместе с хрипом из открытой пасти ее шла пена, собака пыталась встать, но тотчас падала, снова собиралась с силами, снова пыталась встать, и снова у нее подкашивались ноги, и все это повторялось с истерическим упрямством, это была безжалостная для тела борьба между жизнью и смертью.

— Умирает... — сказал старик. — Да, в самом деле умирает. Но это недопустимо, чтоб она умирала в парке! Собаки, на мой взгляд, должны умирать где-нибудь в укромном месте, в темных, грязных закоулках улицы. Здесь же место отдыха почтенных людей, поэтому следует соблюдать гигиену.

Мальчик пристально посмотрел на старика, пытаясь понять, сумасшедший он или же разыгрывает ненормального.

А тот продолжал:

— Я пришел сюда отдыхать, а ты вынуждаешь меня смотреть на умирающую собаку. Неужели тебе не учили, что невежливо издеваться над людьми! Унеси, унеси, пока она еще дышит, я не хочу видеть все до конца.

Он был не в силах ни слушать его, ни смотреть на мучения собаки. Он все еще стоял, не плача, он и не думал плакать, но что-то горькое подкатилось к горлу, ему казалось, что его вот-вот вырвет. Но это была не обычная рвота, как однажды, при качке, это было нечто другое — союз обоюдной боли души и содрогнувшегося, трепетного тела.

— Унеси, унеси ее немедленно! — шипел старик.

Джемал огляделся по сторонам, потом, встретившись со злобным взглядом старика, боясь, как бы он не размахнулся и не ударил тростью собаку, вежливо и осторожно, словно и в самом деле он был виноват, произнес:

— Парк большой, пересеядьте на другую скамейку.

Снова противный комок подступил к горлу и в страхе, как бы не вырвать тут же, он, уже не обращая внимания на сердитый крик старика и не глядя на собаку, сорвался с места и стрелой помчался к морю.

Он бежал и понимал, что это было не что иное, как бессмысленный бег в хаосе, в котором ранней почкой появился преждевременный гость его детства — одиночество, и он не знал, где следовало бы искать его причину — в нем самом, в своей беспомощности и смятенности, или же во всем, что существовало вокруг него, в мире его вечной любви, который начинался матерью и кончался морем.

Он бродил весь день. Находил ли он освобождение в неустанной ходьбе, удаляла ли она его от того, что до сегодняшнего дня называлось его жизнью, его прошлым, от чего он сейчас так отчаянно отказывался. Кто бы напоил его водой из Леты, где находилась та река забвения?

Он ни разу не присел, не отдохнул, даже и не думал об отдыхе. Он был легко одет, к тому же промок до нитки. Шел, а взор его был прикован к морю, по мут-

ной поверхности которого, словно печаль, стелилась сумеречная тень. Он зашел очень далеко. Теперь ему предстояло снова пройти тот же путь, но на сей раз это было отступлением, возвращением домой, и он удивлялся, неужели после того, как он отверг все, можно вновь возвратиться туда, откуда бежал, бежал, будучи абсолютно прав, незаслуженно наказанный, непонятый, но ведь и возвращение его происходило само по себе, машинально, помимо его желания. Словно тяжелую ношу, волочил он свое ставшее грузным тело, вернее, какая-то неведомая ему сила на невидимой веревке волокла его к дому.

Поравнявшись с сосновой рощей, Джемал заметно прибавил шагу, только сейчас он ощутил, какая горечь гнездилась в завораживающем спокойствии ночи, в холодном, мерзлом одеянии, в которое был облачен следующий за ним по пятам страх и из складок которого вот-вот появится тяжелая, грубая и волосатая рука и вцепится ему в ворот, у самого затылка. А люди, черными силуэтами мелькавшие на беззвездном, глухом берегу, пришли сюда поразвлечься...

Он спешил. Порой ползущая от прожектора где-то на горизонте полоса света, скользнув быстро по его глазам, разливалась по всему морю, освещая мрак. Он снова был ребенком, беспомощным, безутешным ребенком, который возвращался домой. Хотя бы все спали, — только об этом он и мечтал, быть может, ему удастся неслышно пробраться в свою комнату. Вообще-то в такую погоду дачники предпочитают понежиться в постели. Еще с улицы он заметил в некоторых окнах свет, а балкон и веранда были так ярко освещены, что свет достигал растущих поблизости деревьев и даже высокой беседки, увитой виноградом «одесса». Не успел он войти во двор, как на балконе кто-то закричал: — Пришел! Пришел! — Это кричал художник, у которого брюки всегда были выпачканы краской и который каждое утро ложился на широкие перила балкона, задирал голову и ноги, насколько мог, — это йоговское упражнение, — говорил он серьезно и советовал всем следовать его примеру, потому что это полезно. Следом голос матери... Испуганный, обеспокоенный: — Отец убьет его, что мне делать, убьет...

Он не спеша поднимался по лестнице, он весь дрожал, он был болен. Поднимался, и с каждой ступенькой в нем росла уверенность, что его не тронут. Но только не потому, что он сейчас болен и его пожалеют. Ему не надо было призывать на помощь болезнь или еще что-то, ему не было страшно, потому что отныне он обладал чем-то более значительным — возможностью отрицания, откуда и начиналась его свобода — печальная, но прекрасная тайна, которой он сейчас оградит себя от всего мира.

Температура упала, ему уже разрешили сидеть в постели, но ему это было безразлично, он вообще ничего не хотел. Он просто предавался бесконечному отдыху. Лежал себе молча, переводя взор с потолка на пол, потом с пола на потолок. Предметы были лишены изнуряющей тяжести, которая несколько дней назад грозила раздавить его. Близкие уже не ходили по комнате на цыпочках и не шептались, а привычно беседовали меж собой. Сестра смеялась, и мама не была печальна, улыбалась по-прежнему, отчитывала за что-то сестру, пичкала его едой, обещая, что, когда он поправится, отец непременно купит ему велосипед, он так и сказал, что мальчик вырос и старый велосипед ему не годится. Изредка в комнату заглядывали жильцы и спрашивали, как он себя чувствует. А Магура не появлялась. Каждый раз, когда открывалась дверь, он думал: вот сейчас она войдет. Но предчувствия его не оправдывались, хотя он и не знал толком, радует или огорчает его то, что она не появляется.

В доме все было как обычно — то и дело перед дверью его комнаты слышались шаги тех, кто проходил по галерее, соединяющей веранду с кухней. Только по утрам и вечерам ненадолго затихал дом, когда отдыхающие жадно ловили возможность окунуться в прохладу моря. Именно в эти часы Джемал мог думать так, словно всю жизнь только и делал, что лежал беззаботно в постели и думал. Иногда он и не думал вовсе, это была молчаливая жалоба, вызванная тем, что у него не было никого на свете, кому мог бы он поведать о том, что испытал, когда бросил умирающую собаку и убежал, о том, почему потом, после ухода старика, он

не вернулся взглянуть на нее. Кто знает, может быть ее швырнули под скамейку, или же на крючке перетаскивали на соседнюю с рощей улицу, где утром ее подберет мусорная машина. Он ясно видел, как собаку, словно пустую консервную банку, швыряли в кузов машины, груженной отбросами, на борту которой сидел и оглушительно звонил в колокольчик мусорщик, верный слугитель своего дела.

Как только он поправился, заявил, что отныне не пойдет на пляж в черных трусах, ему нужны настоящие плавки. Его подняли на смех. Но плавки все-таки купили, заузили, не переставая при этом подтрунивать над ним. Когда же они вконец надоели ему, он в сердцах прикрикнул на сестру:

— Хватит! Надоела!

Никто ничего подобного не ожидал, все удивленно уставились на него, а сестра в долгу не осталась: — Смотри-ка, как заговорил этот птенец! Да как ты смеешь?!

Еще немного и у него вырвалось бы: — Ну да, смею, почему бы и нет. А ты кто такая, того и гляди ляжешь с кем-нибудь, положив голову ему на руку, потом родишь ребеночка! — Но он вовремя одумался, прикусил язык, решив, что хватит и того, что он подумал об этом, повернулся, пошел к двери, а вслед ему неся крик: — С ума сошел, несчастный, совсем разум потерял... — Он поспешно прикрыл за собой дверь, пригвоздив к дверному косяку вспыхнувшие в нем обидные слова.

Интересно, чему они удивились? Или почему называли его безумным, что он натворил, почему они забыли тревогу? То, что называли сейчас безумием, было чем-то совсем другим, он понимал это, но что это именно, ответить он не смог бы. Да он и не считал необходимым всему приклеивать ярлык, он предпочитал просто-напросто бежать к морю.

После болезни ему купили долгожданный велосипед, с огромными колесами, никелированный. И вот он мчится по берегу, мчится безудержно, назло невидимому сопернику. Хотя... в сущности, ничего в его жизни не изменилось. Все идет по-прежнему: он ест, разде-

вается, засыпает в комнате, куда с крыши доносится непрерывное мяуканье котов, меняет рубашки, слушает наставления матери и мечтает об одном, что пройдет время, во всяком случае, какое-то определенное время, и, вероятно, его перестанут наставлять и он будет подчиняться только лишь своим желаниям. Теперь в этой головокружительной езде для него заключено все, на что никто, кроме него, не имеет права, где он полновластный хозяин сам себе и того мира, в котором по одну сторону видимого — необъятное море, а по другую — строй разделенных друг от друга газонами или же узкими перпендикулярными улицами санаториев, пансионатов, домов отдыха, шумных пионерских лагерей. И вот однажды у железных ворот одного из таких надежно огражденных санаториев он повстречал девочек. Хотя это и нельзя было назвать случайной встречей, поскольку он заметил их еще издали. Они стояли на бетонированном цоколе, высунув головы из-за ограды, смотрели на оранжевое, почти погрузившееся в море солнце и тихо напевали какую-то песенку. Когда он промчался мимо ограды, легкий шелест шин подхватил обрывок этой песни, хотя вскоре бросил его тут же, совсем недалеко. Песня ведь стояла на одном месте, как магнолия! На обратном пути он снова издали заметил, что девочки стоят там же и по-прежнему поют. Он замедлил ход, подкатил так тихо, словно подкрался, остановился неподалеку, одной ногой, не сходя с накренившегося велосипеда, оперся о землю и стал с улыбкой слушать их. Девочки заметили его, и ему показалось, что они обменялись улыбками и будут хранить эти улыбки при себе как память об этой встрече. Он не остался в накладе, взамен одной он получил две, четыре... шесть... целых семь улыбок. Да, целых семь улыбок. Девочки заметно смущались, допели песню и со смехом разбежались, совсем как голуби, которые, восторженувшись, отрываются от земли и взмывают ввысь. Прежде он никого не смущал, никто не убегал от него в смущении.

Он ловко вскочил на велосипед, тело его стало свободным и легким, к стремительной езде, к обуревавшей его безмерной радости была примешана сейчас и доля благодарности к этим незнакомым ему ровесни-

цам, маленьким, прелестным амазонкам, непринужденно подтвердившим то, что в его жизни впервые приобрело столь острое значение: он вырос!

Впоследствии, окрыленный этим открытием, он стал частым гостем этих девочек. Прислонив велосипед к решетке, он доставал из кармана жареные, еще теплые семечки и сыпал их в протянутые ладони девочек. Они снова обменивались улыбками, робко, бережно, улыбка, казалось, была огромным, но нежным цветком магнолии и они осторожно передавали его из рук в руки. Более того, девочки уже ждали его, стояли в молчаливом ожидании, вглядываясь вдаль, и даже не вспоминали о песне, познакомившей их. Ждали, как ждут письма, особенно с фотографией, из дома. И он не заставлял долго ждать себя, он знал, когда у них часы отдыха. Девочки поодиночке пролезали в дыру, образованную выгнутыми в дугу прутьями, выходили за пределы двора, поочередно садились к нему на велосипед, и он радостно мчался по берегу. Следом за первой он катал вторую, третью, и так они сменяли друг друга, пока из глубины огромного крутого двора санатория не доносился глухой звонок. Он не имел представления, что мог значить этот звон, звали ли девочек на ужин или зачем-то еще, да и какое это имело значение, в любом случае после такого звонка он оставался один. Но это уже не было привычным одиночеством, потому что даже тогда, когда девочки скрывались и он на легких шинах мчался по вытянувшимся вдоль берега улицам, плечи его вновь и вновь ощущали руки одной из тех семи девочек, легко и стыдливо доверившиеся его плечам. Это было тем мгновением, в котором суждено было осуществиться всем его мечтам и в котором он безмерно любил самого себя. Как велика была эта любовь! Ею начиналось все — и то, что касалось его, и то, что было чуждо ему, ничего от него не требовало и ничего не предлагало. Он стал думать, думать, думать... Мчится, мчится он на велосипеде, на плечах у него покоится прохладная пара рук, а кончики длинных, удивительно пахнущих каштановых волос развеваются у его виска... Потом калитку открывает Магура, рядом с ней — муж, одной рукой он обнимает ее, а в другой несет авоську с грушами и персиками;

они молча поднимаются по лестнице флигеля, не смотря по сторонам, их не интересует, что происходит вокруг, вообще ничего не интересует, они не обращают внимания на удивленные взгляды недоумевающих жильцов — что за необщительная пара! Они входят к себе, и потом все уже забывают о них—до следующего появления, когда интерес к ним еще больше обостряется. Вот они лежат на песке, голова к голове, и бесконечно шепчутся о чем-то. Но это видение снова заволакивают развевающиеся каштановые волосы, он поспешно тормозит, поворачивается: как зовут тебя?

— Манана.

Только ее имя, одной из тех семерых, он и запомнил, нет, вообще-то он помнит и другие имена, но спуталось в памяти, кого как звали.

Порой в памяти внезапно всплывало увиденное в серый пасмурный день лицо того противного старика из парка, он кривлялся, пускал изо рта пену, шипел: кто дал тебе право!.. Но он поспешно изгонял его из памяти — и старик исчезал, и снова возвращалось настоящее, такое, каким оно было в действительности.

Он лежит на горячем бетонном парапете пляжа, смотрит на берег, сплошь усеянный телами. А внизу, вдоль самой верхней ступеньки лестницы, спускающейся от парапета к пляжу, идут парни, настоящие, взрослые парни. Завидев его, они почему-то начинают шутить. — Кузьма! Привет, старик! — говорит один из них, тот самый, что и внимания на него не обращал, считал молокососом.

— Не называй его Кузьмой, видишь, обижается человек! — улыбается второй.

А ему уже не было обидно, вовсе не было обидно, когда взрослые парни называли его Кузьмой.

— Наблюдает за женщинами. Кентавр становится человеком, — говорит снова первый. — Вы знаете, что это за процесс?

И улыбается. В его улыбке Джемал видит скорее сочувствие, нежели насмешку. Но несмотря на это между ними все-таки — безбрежный океан, и чтоб переплыть его, понадобится много, очень много лет.

Затерянный в океане времени, оставшийся за бортом мальчик безмолвно кричит им: возьмите, я хочу быть с вами, ну возьмите меня с собой! Но взрослые парни проходят, даже не оглянувшись, словно у мальчика, распластанного на парاپете, не такое же, как у них, загорелое лицо, словно он плавает хуже них и не висит у него на груди, как и у них, малюсенькая ракушка на грубой нитке.

И поскольку напрасно мечтать об этом и не в его власти изменить презираемую им, но закономерную жизнь, он вынужден покориться воле рока и довольствоваться тем, что дается ему просто, без просьб, что не надо выпрашивать и вымаливать. Он поднимался на катер, предаваясь обычному для выехавших на прогулку пассажиров настроению, поднимался на самую верхушку лестницы и, рванувшись, рыбой врезался в воду. И взгляд пассажиров в момент его прыжка выхватывал из всей необъятности лишь только синеву. И прежде чем свидетели этого неожиданного прыжка могли связать первые свои ощущения с разумным выводом, он проплывал под водой, выплывал где-то далеко-далеко, движением руки протирал глаза и оглядывался. Он достиг своей цели, изумил одновременно столько людей, и они под впечатлением его прекрасного прыжка начинали свою короткую прогулку. Джемал делал им сюрприз!

Потом он бродил по берегу, покупал початок вареной кукурузы, находил местечко поукромнее, располагался там и, жуя кукурузу, наблюдал за курортниками. Когда это надоедало ему, он шел в город, гулял по аллеям, скептически улыбался, глядя на отдыхающих, которые, затаив дыхание, позировали перед фотокамерой на фоне тяжеловесных каменных фигур льва, рыб или же выгоревших пальм, чтоб увезти с собой фотографию в память о проведенных на море солнечных днях. А вечером, с заходом солнца, он спешил навстречу неосознанной радости, ждущей его у решетчатой ограды детского санатория. В дороге, до того, как он подходил к заветному месту, им не раз овладевали сомнения, ему казалось, что все это выдуманно им самим, никто его не ждет и никогда не ждал, и тех каштановых волос он не видел никогда, и улыбки ему не дарили, и

все, что он считал реальностью, было лишь такой же мечтой, как неистребимое желание попасть в компанию взрослых парней, не более. Всю дорогу он терзался этими сомнениями, пока не показывалась ограда... и они, девочки. Все начиналось сначала. На воскрешение из мертвых была похожа для него эта встреча. И все-таки, в чем была суть этого ожидания, этих теплых встреч, что было в них главным, сам ли возраст или нечто другое, необъяснимое, в основе которого все-таки лежал этот возраст, и что было одновременно обычным, обыденным и в то же время возвышенным, необычным, особенным. Хотя зачем ему ломать над этими вопросами голову, разве его, несмотря ни на что, не окрыляла эта появившаяся в его жизни новизна? Но, признаться, это нельзя было назвать и новизной, потому что он тотчас весь пропитался этим состоянием и не представлял уже, что можно было как-то иначе провести тот определенный отрезок дня, когда солнце теряет силу, желтеет и постепенно опускается в море.

Но только в один прекрасный день, когда он и не помнил вовсе, что время бежит и что всему в конце концов приходит конец, девочки сказали ему: завтра мы уезжаем, кончается поток.

— Уезжаете? — удивился он. — Так скоро?

— Да разве это скоро? — улыбнулись они.

В тот вечер девочки не катались на велосипеде, спешили, они пришли только для того, чтоб попрощаться, им еще надо сложить свои чемоданы.

Прощание было неожиданным, он не мог поверить в то, что это на самом деле — расставание. На другой день он по обыкновению направился к санаторию, проехал по прилегающей к пляжу улице, стараясь держаться с достоинством, мол, еду просто так, на прогулку, они ведь давно уже уехали. Просто так, хотя он мог ехать и в другом направлении, он мчал свой велосипед к детскому санаторию. Доехал до пальм, в двадцати метрах от которых начиналась решетчатая ограда, здесь он уже замедлил ход, ехал так медленно, что слышал шелест шин. Едва он приблизился к заветному месту, как увидел, что у ограды стоит одна из семерых и смотрит в сторону дороги, явно ожидая его. Завидев его, она всем телом прижалась к ограде и стала накру-

чивать на указательный палец косичку. Он подкатил к ней и, обрадованный, спросил:

— Ты не уехала?

— Наш поезд отходит поздно вечером, — сказала девочка. — Папа пошел на море. Придет, и мы пойдем на вокзал.

Он не нашел слов, хотя очень хотел продолжить разговор, спросить что-то. Как они были сейчас далеки друг от друга, оставшись наедине, лицом к лицу. И он вдруг сконфузился. Девочка просунула сквозь ограду руку со сложенным листком тетрадки.

— Это адреса, девочки просили передать, — сказала она.

Он поспешно выхватил бумажку, потом поднял на девочку, все еще крутившую свою косичку, удивленные глаза.

— Как они догадались, что я приду?

Она должна была передать ему бумажку еще вчера, приписав свой адрес седьмым по счету, она должна была положить эту бумажку в его нагрудный карман, но она, разумеется, и не собиралась признаваться в этом и на его вопрос ответила: — Не знаю. — И пожалала плечами.

И хотя ему хотелось спросить о многом, он предпочел промолчать, иначе, он знал, стоит ему открыть рот, как он спросит о том, что больше всего ему хотелось знать: — Манана ничего не поручила, и вообще, что она говорила обо мне? — Механически раскрыв он бумажку, стал искать в конце адресов имена. Вот оно, ее имя, написанное почти посередине красивым детским почерком. Он несколько раз прочел его, снова сложил бумажку и уже собирался спрятать ее в карман, как девочка протянула ему второй листок.

— А это мой адрес, — сказала она и опустила глаза.

Он молча взял у нее бумажку, только не развернул, и когда девочка с печальной покорностью спросила: — Напишешь? — он почувствовал себя ужасно неловко. Так бывает, когда при встрече, обознавшись, кого-то поцелуешь и, тотчас осознав свою ошибку, все-таки не знаешь, как вести себя, и слов нужных подобрать не можешь, и уйти просто так нет сил... Хотя тот,

второй, тоже уже понял, что ты обозначился, и ему тоже неловко. Вот за такую-то спасительную веревку, безмолвного взаимопонимания и ухватился сейчас же неловко кивнул головой, хотя знал, скорее всего почувствовал, что никогда не напишет ни одной из них. Это, казалось бы, успокоило его, освободило от каких-то больших и сложных обязанностей. Только к его переживаниям было примешано также нечто похожее на грусть, которая ничего общего не имела с юношеской шалостью или же удалью, и впоследствии, много времени спустя, когда он вместе с другом детства Дурсуном лежал навзничь на воде и вглядывался в возвышающиеся на востоке далекие горы, перед ним всплывала картина той ошеломляющей минуты, всплывала с такой отчетливостью, точно время текло вспять.

Когда приехал Дурсун, его товарищ, которого он не видел больше месяца, все пошло по-прежнему, по своим законам и правилам. Они целыми днями бродили вместе, вечерами ходили в кино, плавали, гоняли мяч, ездили на велосипеде, ухитрялись проникать и на эстрадный концерт приезжих актеров, даже смотрели спектакль цыганского театра. Короче, жили так, как должен жить человек их возраста, которого домашние все еще считают ребенком.

Джемал забегал домой ненадолго — только пообедать, и все время, пока ел, слушал бесконечные упреки старшей сестры. Все новые и новые жильцы появлялись на кухне, на веранде, во дворе, ванная постоянно бывала занята. Говорили громко, старались перехватить друг у друга гамак, привязанный к ветвям тутовых деревьев, у крана во дворе тоже толпились люди.

В постоянной суматохе он изредка замечал Магуру с мужем, только теперь они не ходили, взявшись за руки. Утром, когда муж возвращался с моря, Магура еще спала. Ну и что? Вероятнее всего, во сне она видела своего мужа, загорелого, широкоплечего, ловкого, каким виделся он напряженному в жадном интересе глазу Джемала. Он решил встать на рассвете. Решение это пришло к нему внезапно, после того как однажды во время обеда услышал, как один из жильцов, румяный мужчина, любивший говорить витиевато, ра-

достный, как неугомонный мальчишка, кричал поднимаящемуся по лестнице флигеля мужу Магуры: Я вам чрезмерно благодарен, если бы не ваш пример, был бы лишен такого удовольствия. Впредь я не пропущу ни одно утро, дай бог вам здоровья, чувствую себя легко и вольно, как птица! Но куда вы пропали, я потерял вас из виду, решил было, что вы переплыли море, куда вы исчезли?

Он держал у лица пульверизатор, говорил и в то же время прыскал в лицо душистой влагой.

Джемал стоял рядом, у умывальника, собирался мыть руки перед едой, сквозь шум воды он слушал дачника, не спуская в то же время глаз с флигеля. Услышав сдержанный смех мужа Магуры, прикрутил кран, прислушался, надеясь услышать его голос, напрягся, даже дышать перестал. Но напрасно. Муж Магуры не проронил ни слова, только смеялся, наверное его смешила физиономия этого чокнутого соседа. Потом он повернулся и поднялся по лестнице.

Он не носил с собой удочки, как те, которые, прикрывшись рядышком на краю пирса, сидели здесь с самого утра, и плавать ему не хотелось так рано, когда в море еще не ступала нога человека. Он приходил на берег, бродил назад и вперед, не желая признаваться себе в том, что мечтал случайно встретиться с мужем Магуры здесь, в этом спокойствии, где не слышно гвалта соседей. Да, он не признавался в этом самому себе, потому что, сказать правду, не знал, должен ли он ненавидеть его или же наоборот, он знал одно — ему интересно все, что касается этого человека.

Больше двух часов наблюдал он за лодкой, боясь потерять след мужа Магуры. Наконец рыбаки привезли его на берег, прощаясь, дружески подняли руки, он помахал рукой им в ответ, потом, шумно похрустывая галькой, прошел мимо Джемала, сидевшего на прохладном песке. Он прошел мимо, даже не оглянувшись. Напрасны были все волнения Джемала, напрасно он думал, строил планы: а вдруг присядет рядышком? А если заговорит, спросит что-нибудь? Я должен вести себя так, чтоб он не заметил, что я сижу здесь из-за него. Наверное, мы побеседуем немного, я буду

отвечать только на его вопросы, это не так уж трудно. Потом он позовет меня с собой в лодку, скажет, раз уж ты такой молодчина и можешь так рано вставать, я возьму тебя с собой рыбачить. Все напрасно. Он прошел мимо, даже не взглянув на Джемала, и ему показалось, что он думал о Магуре. Он медленно раскачивал рукой с зажатой между средним и указательным пальцами сигаретой и то и дело жадно затягивался.

Так вот, после этого муж Магуры стал вдруг казаться Джемалу обыкновенным взрослым парнем, похожим на местных ребят, он тоже вроде них предпочитал выкурить сигарету, нежели знакомиться с мальчишкой, даже если этот мальчишка души в нем не чаял.

Дурсуну он не признался, почему встает рано и бродит вдоль и поперек по берегу. Он считал, что несмотря на то, что они ровесники, он опытнее Дурсуна и потому ему следовало быть более уравновешенным и степенным. В действительности же именно этим молчанием добивался он своего. И не ошибался, создавая свой мир, недостижимый для других. Но изменения, происшедшие в нем, которые, как ему казалось, были только его тайной, проявлялись порой сами по себе, отражались во всем: в характере, поступках, в новой манере разговаривать. Он стал вспыльчивым, упрямым, Дурсун вынужден был подчиняться его желаниям.

На море господствует культ погоды, особенно в жаркие месяцы. Она правит настроением людей, их желаниями, темпераментом. Нигде солнце не пользуется такой властью и не приносит столько радости, как здесь, где молят всевышнего только и только о солнечных днях. Хотя это, в основном, относится к дачникам. Местным жителям, в особенности тем, у кого много жильцов, все равно, какая будет погода. В хорошую погоду их беспокоит неумолчный гвалт жильцов, в непогоду — их бесконечное нытье по поводу того, что этим летом у них нет возможности вволю насладиться солнцем и получить полное блаженство от умеренного чередования воды и знойных лучей. Стоило скрыться солнцу, как глаза всех тотчас обращались к небу, они вперяли в него такой гипнотический взгляд, будто мог-

ли изменить ход природных сил. Выглянувшее утром робкое солнце постепенно набирало силу и, случаясь, не обманывало надежд тех, чей взор был обращен к небу.

На пляже было так многолюдно, что шагу негде было ступить. Джемал и Дурсун с утра объехали на велосипеде все побережье, вволю набегались, потом разошлись по домам и вечером, когда чуть спала жара, встретились в условленном месте — у пляжных столиков под тентами, установленных рядышком у входа на пирс, возле кофейни, где в раскаленном песке варили турецкий кофе. Как всегда, здесь было много народу, в воздухе стоял пьянящий аромат кофе. Очередь продвигалась быстро. Мальчики и не думали становиться в очередь, хотя им очень хотелось выпить кофе, но денег у них едва хватало на кино, они еще утром рассчитали все до копейки. Фильм двухсерийный, американский, желание попасть на него было сильнее всех других желаний. До начала сеанса оставалось еще целых три часа, и им надо было как-то убить время.

Они не спеша свернули к пляжу. У пирса толпились люди — к берегу подходил катер. Джемал не любил море, когда оно напоминало базарную площадь. Поэтому на просьбу товарища искупаться сказал:

— Только найдем место потише, здесь видишь, что творится?.. — и небрежно вскинутая в сторону пирса рука его вдруг застыла в воздухе. В потоке людей, устремившихся навстречу катеру, он заметил широкополую красную шляпу Магуры. Рядом с Магурой шел муж в белых брюках и черной рубашке, в полотняной шапке, слегка наклонив голову, он ступал широким, размеренным шагом. Джемал смотрел на него и неожиданно почувствовал, что шаги эти как магнит притягивают его, у него нет сил сопротивляться и, почувствовав это, он понял, что теперь никуда уже не пойдет. Для него существовал один-единственный путь — ведущий по стопам мужа Магуры на катер.

— Пошли, — сказал он Дурсуну, — чего уставился?

Он повернулся, стал спускаться по лестнице, не обращая внимания на молча следовавшего за ним товарища, недоумевающего, какая муха укусила его. Когда же Джемал, не останавливаясь, повернул к Дурсуну голову и бросил: — Идем на катер, — Дурсун раскрыл рот от изумления, забежал вперед, отчаянно жестикулируя руками.

— Ты что, с ума сошел! Мы же идем в кино, зачем нам катер?

Джемал остановился, вывернул карманы.

— На, держи свои, а моих денег хватит и на катер и еще на мороженое. В другой раз я пойду с тобой туда, куда ты захочешь, только сейчас пошли на катер, а?

Он поспешно вложил деньги Дурсуну в руку.

— Мы ведь братья, и сколько раз ты обещал, что ради меня сделаешь все.

— Обещал и сделаю, — не очень-то убежденно произнес Дурсун, положив деньги в карман. — Пойдем, я не против. — Но в душе недоумевал, что он потерял на катере?

Катер быстро сбросил пассажиров, их было немного, зато увозил он гораздо больше людей. Желавшие совершить прогулку по морю уже поднимались по трапу. А вот и шляпа Магуры, благодаря которой ее легко найти среди пассажиров.

Катер обычно стоял на причале недолго, надо было спешить, не то уберут трап — и все. Впереди бежал Дурсун, изредка оглядываясь и махая рукой — торопись!

Не успели они взбежать на палубу, как раздался сигнал, возвещающий об отплытии.

Все места на катере были заняты, оставшиеся без места стояли, прислонившись к борту. А вот и те, за кем так стремительно неслись Джемал. На сей раз взгляд его приковала черная рубашка мужчины, потому что Магура сняла шляпу и, перевязав шелковые ее ленты, перекинула через руку. Они тихо, почти шепотом беседовали, не отводя глаз друг от друга, словно пытались раствориться друг в друге, они были абсолютно равнодушны к окружающим. Именно в этом равнодушии и узрел Джемал свою ошибку, вдруг у не-

го прояснилось сознание и он пожалел о том, что поднялся на катер. Что ему надо здесь, какое ему дело до этой счастливой пары? Их тихая, неторопливая беседа будоражила его, что это было — мелкий человеческий эгоизм или беспокойство от сознания того, что во всем этом проявляется элемент собственности в спокойной, размеренной жизни мужчины, скорее именно это и не давало ему покоя. Конечно же, Джемал и не думал об истинной причине, побудившей его вслед за ними подняться на катер. Было ясно одно: он осознал свою ошибку, понял, что рядом со счастьем двоих теряет смысл всякая причина и цель.

Джемал косо взглянул на товарища, который, приоткрыв рот и обнажив два выступающих зуба, равнодушно смотрел на море. Болван, — подумал Джемал невольно, — настоящий болван, ему все равно, сидеть здесь или в какой-нибудь яме, главное — не пропустить вечером кино. Он сердился скорее потому, что этот болван, как он назвал его, до сих пор все время был рядом, а теперь, когда ему надо было быть предельно осторожным, чтоб его не заметили, Дурсун почему-то оказался рядом с Магурой, да к тому же машет ему рукой — иди, мол, сюда! Джемал съежился, отвел взгляд, отвернулся и стал думать, может разумнее вообще покинуть палубу, но было уже поздно...

Катер запыхтел, качнулся и медленно, не спеша пошел в открытое море. Хоть бы они не заметили, хоть бы не заметили. Надо подойти поближе к ним, но так, чтоб его не видели. Подлинным адом показались ему те полтора часа, в течение которых катер должен пройти намеченный маршрут и вернуться.

К тому же Дурсун, этот дуралей, как назло, выводит его из себя. С каким удовольствием он отдубасил бы его, излил бы на нем всю злость. Но стоило ему почувствовать, что Дурсун рядом, услышать, как он сопит, как он тотчас все простил ему. Он еще раз скользнул взглядом вдоль борта, чуть-чуть выдвинул голову — как увидел руку, на которой безмятежно висела шляпа, кончик шелковой ленты свисал у локтя.

— Дурсун, — сказал он тихо товарищу, — помнишь, до прошлого года я дружил с Шало?

— Да, — кивнул головой Дурсун, — все знают об этом, он тоже любил тебя. Но после того как твое со-
ло передали ему, ты невзлюбил его, верно?

— Наверное и другие так думают. Но это неправда. Дело совсем в другом. И об этом никто, кроме меня, не знает. Вообще-то Шало труслив, как заяц, а дружить с таким не очень-то приятно.

— Что было между вами? Не скажешь?

— Скажу, но в другой раз, только после того, как докажешь мне, что ты не трус, как Шало, и что с тобой стоит дружить.

Дурсун поднял на него изумленные глаза:

— Хочешь, чтоб я прыгнул в море?

— Нет, этого от тебя никто не требует. Но вот что, проследи за моим взглядом.

Джемал до предела свесился над бортом, схватив товарища за плечо, пригнул его к борту и приковал его взор к руке Магуры.

— Видишь шляпу на руке... Куда смотришь, я говорю о шляпе, разиня, пройдешь мимо, слегка дернешь за ленту — и готово, петля развязана... Она и не замечит, так увлечена разговором.

— Да ну тебя!

— Я так и думал, что ты не способен сделать это. Быть трусом самое милое дело... Думаешь, трудно? Пройдешь, как обычно, и только легонько дернешь за ленту... Пока они опомнятся, ты смешаешься с пассажирами. А историю с Шало я расскажу тебе после кино.

— Пойдешь? — заблестели глаза у Дурсуна.

— Да, — обнадежил он товарища. — Учти, только ты будешь знать об этом, понял?

— Конечно.

— Так сделай, что говорю. Не бойся, это главное.

Дурсун кивнул головой, потом лениво, неохотно отошел. Джемал не сводил с него глаз. Дурсун поравнялся с Магурой, остановился, на миг заколебался. Джемал замер, вдруг Дурсуну не удастся сделать задуманное, в сердцах обругал его: — Ну и рохля, ну и балда. — И добавил: — На кой хрен я взял его с собой?..

Слово «хрен» вошло у них в обиход не так давно и стало для них привычным, как жевательная резинка. Они то и дело швырялись им так небрежно и не задумываясь, как швыряют билет, сойдя с автобуса. Когда Дурсун впервые услышал от Джемала это слово, изумился:

— Ого, ты ругаешься?

Они находились тогда в тире — вагончике в конце бульвара, стреляли до последней копейки, но все не попадали в мишень. И когда промазали в последний раз, Джемал и произнес непривычное для них слово — Ну и хрен с ним!

Тогда, помнится, Джемал изобразил из себя взрослого. — Тоже мне, разве это ругань, дуралей? — сказал он, когда они вышли из тира. И хотел было добавить, чтоб подчеркнуть свое преимущество, что если он захочет, то семеро девчонок напишут ему письмо. Но промолчал, не похвастал потому, что знал, все равно Дурсун не поверит, поднимет его на смех, скажет, что он выдрыгивается, а уж этого Джемал, что правда то правда, не выносил.

...Но вот словно для того, чтоб пристыдить своего товарища за его скоропалительный вывод, в ответ на незаслуженную обиду, которая, разумеется, и не достигла его слуха, Дурсун вдруг чуть поднял руку, дернул за конец ленты и поспешно ретировался. И едва он пристроился рядом с каким-то пассажиром в конце выкрашенного в белый цвет борта, как вместе с другими стал свидетелем того, как красная шляпа медленно, плавно опустилась на воду совсем рядом, потому что катер заворачивал и встречный ветер не был сильным. Увидел Дурсун также, как через борт перемахнул Джемал и рыбой нырнул в воду. И в общем испуганном вздохе он услышал собственные мысли:

— Что он, с ума сошел?

Вода оказалась спасительной, она мгновенно смыла все неприятные переживания, тяжесть которых давила как грузная ноша. То ловким кролем, то брассом, то дельфином он доплывал до цели, взяв шляпу, швырял ее изо всех сил как можно дальше и снова

плыл к ней. Каждое приближение к цели было одной победой на воде. Изредка он оборачивался и тогда видел катер, рассекавший водную гладь, и чем дальше он уплывал от катера, чем больше росло расстояние между ними, тем сильнее проявлялось то скрытое соперничество, перед которым Джемал не ударил лицом в грязь.

Берег был далеко и это тоже доставляло блаженство, но странное, необычное, похожее на то ощущение радости и сожаления, которое испытываешь, когда однажды утром просыпаешься и видишь, что вокруг белым-бело, и этот первый снег видится тебе глазами младенца, и ты забываешь о том, что он оставил без крова бедных воробьев.

Но сейчас, когда он лежит на спине в этом необъятном море, под этим необозримым небом, на какое-то мгновение он чувствует, что он отзывчив и добр ко всем и ко всему на свете, чувствует, что одинок, бесприютен и слаб, да, одинок и слаб, но и силен в то же время.

Только он не знает, что дарованная ему эта минута оцепенения есть с трудом, на ощупь определяемый путь познания непознанного в себе, своего божества, путь, в темных лабиринтах которого, озаряя собственную его душу, высветятся незримые тени вечной боли человечества.

Он не знает...

Впереди ждет его берег, родной и неотделимый. Он плывет к берегу, не просто плывет, а стремится всей душой, неся с собой тихую радость невидимой победы над собой, или же преодоления себя, все несет к берегу, куда долго бродившая волна выплеснет, выдохнет тайной все муки изнуренного пловца.

И снова суша, снова солнце, его доля солнца, присвоенного им и в то же время общего для всех, сконцентрированного на телах разбросанных на берегу валунами отдыхающих. Одежда, разложенная для просушки, красная шляпа... Развешанные для просушки его мысли. Как зяблики, присевшие на тянущиеся к солнцу изогнутые ветви, дрожат неожиданно ворвавшиеся в его жизнь внезапные впечатления, пережива-

ния, минуты замешательства от необъяснимости собственных поступков, которые не давали ему возможности для внутреннего самоанализа. Взор, обращенный к себе, к своему «я», бледнел и уставал так, словно был пригвожден к ноге канатоходца. Находиться сейчас на едва различимой границе между собственным «я» и существующим вокруг миром позволяют ему сейчас его тело и глаза; изнуренное, покорное жгучему солнцу тело и глаза, блуждающие, охотящиеся за чем-то новым, чему он прежде не придавал значения, чем-то бессознательным и непозволительным. Обозреваемая арена отдана во власть глаз, в пестром видении которых концентрируются безудержное желание познать все до конца, разочаровавшись и иронизируя над прошлым, которое осталось в спокойном детстве, и таинственный, подстрекающий шепот вселившегося в тело беса, любопытство, воплотившееся в конечном итоге в еретическую мысль: что случится, если я дотронусь до нее? Ударит? А? Неужели ударит?

У девочки на бедре — большая темная родинка величиной с горох. Лежит девочка спокойно и играет в карты с такой же кучерявой, как она. Он видит лицо этой второй, и плечи, и руки, она тонкими нежными пальчиками держит перед собой раскрытые веером карты. «Почему все-таки у женщины фигура словно выточена, а мы, мужчины, плоские, как доски. Да и тело у них такое нежное... А живет, интересно, на свете мужчина, у которого на бедре, на этом самом месте была бы родинка? Какая она темная, и наверное на ней растут даже два-три волоска».

Не успел он подумать это, как та, чьей родинкой он был так увлечен, слегка повернула голову, видимо разглядывая карты, а не по какой-либо другой причине, и тогда перед ним вырисовались два одинаковых, совершенно схожих профиля. Изумлением, нет, чем-то более сильным был вызван невольный возглас — Вот это да!.. — громкий, такой громкий, что и девочки слышали его и поняли, к кому относился этот возглас. На мгновение они прервали игру, искоса взглянули на него и вдруг доверчиво улыбнулись. Они не были смущены его пристальным взглядом, он понял это и,

прежде чем они повернули свои одинаковые головки, поспешил спросить:

— Вы не обиделись?

— На что? — дуэтом ответили близнецы.

— Что смотрю...

— Ну и смотри, — сморщила носик та, чье лицо за этот короткий промежуток времени он изучил так досконально, что сейчас только сравнивал сестер и искал в них все больше и больше сходства, хотя этого можно было и не делать, они были похожи, как две половинки яблока, но больше всего его удивило то, что когда та, чье лицо он так хорошо изучил, присела, он заметил на ее бедре точно такую же родинку, которая так привлекла его внимание. Это была какая-то болезненная похожесть, в сестрах совершенно не чувствовалось уважения к индивидуальности, типажу, к отличительной неповторимости «я» и «ты», именно неповторимости, вследствие чего он и позволил себе без смущения, так, словно обращается к одному человеку, сказать:

— Я тоже буду играть.

Девочки затихли, смешали карты. Он воспринял это как согласие. Так и было — карты сдавались уже на троих.

Он оставил свою одежду в стороне и украдкой поглядывал на нее. Красная шляпа Магуры рядом с поношенной, мятой одеждой Джемала смотрелась как алый мак, выброшенный на грязную, покрытую серой пылью дорогу. Одну туфлю он потерял, плывя к берегу, другую сам выбросил в море, выйдя на берег. Хромая, он подошел к сестрам — подошву ног жег раскаленный песок. Он подряд выигрывал все партии и заслуживал симпатии партнерш. Но часто абсолютная победа одних рождает в других сомнение или же желание выставить против победителя другого, более сильного соперника. Скажите, разве не так? Почему же одна из сестер сказала:

— У нас есть товарищ, мама его работает с нашим отцом. Сейчас он отдыхает в горах, в Сванетии. Вот если бы ты играл с ним, то вряд ли выиграл бы.

— Выиграю, — не поднимая головы, говорит он. — И у него тоже выиграю, — повторяет он, сплевывая

небрежно вбок, и эта наигранная уверенность, неожиданно обретенная свобода, непринужденные манеры помогают ему самому поверить в то, что он и в самом деле выиграет.

— Не может быть, — вступает в беседу вторая. — Не может быть, чтоб его кто-то обыграл. — И продолжает сдавать карты. А Джемалу не терпится еще и еще раз доказать сестрам, что он хороший игрок.

— Он очень умен. — Мимика ее лица меняется. — И хвастать он не любит, и не плюется при девочках, и когда разговаривает, смотрит в лицо.

— И все-таки я выиграю, — снова повторяет он упрямо.

— Он сейчас в горах, беседует с вершинами и сочиняет стихи. Знаешь, как трудно сочинять стихи?

— Он сейчас в горах, далеко, очень далеко, но если захочет, он может увидеть нас. Закроет глаза — и увидит нас, вот так, как мы сидим...

— Ох и выдумщицы, — думает он. Но вскоре ему становится совершенно безразлично, кто из сестер что говорит, потому что и мысли у них такие же одинаковые, как они сами. Именно в этой схожести была далекая, еще не совсем осознанная им боль, явно скрывавшая в себе грех и блаженство и в то же время отражающая его, и вдруг ему сделалось так страшно, словно он сидел неподвижно на дороге, продуваемый всеми ветрами, борясь с пронизывающим до костей холодом. Схожесть сестер была бездонным колодецем, и как бы бесконечно он ни гляделся в этот колодец, он не увидел бы того, чему поклонялся, скорее узрел бы нечто противоположное — извечное желание, которое делается в конце концов обычным для всех носящих брюки и которое называлось обобщенным именем — Женщина и, стало быть, Добро, Милость и в то же время Проклятие, которое неминуемо сбудется. Потом он понял и то, что развевающиеся у его виска каштановые волосы и едва осязаемый запах магнолии, смешанный с вечерней морской прохладой, были не что иное, как услышанная сквозь ветер музыка, гонимая, словно пестрый осенний листок, к глухим стенам памяти, за которыми люди остаются вечными, наивными детьми.

— Мне надо уходить, — сказал он, потому что в море показался катер, возвещающий о том, что Джемал, оказывается, проплыл довольно большое расстояние. Надо собираться, подумал он, не ждать же здесь...

— Устал? — спросила одна из сестер, когда он встал. — Чего заторопился? — И смешала карты.

Они сразу заговорили на «ты», и в этом не было ничего удивительного. Он удивлялся лишь тому, что до сих пор ни разу не замечал сестер на берегу.

Он оделся. Обещал завтра в это же время прийти. Девочки молчали, а он был уверен, что завтра придет непременно, и не один, а с Дурсуном, они явятся на своих велосипедах и принесут с собой инжир. Он решил это про себя, не спрашивая сестер, хотят ли они их видеть. Но ведь и взрослые парни никогда не спрашивают разрешения, чем же он хуже?

— Я пошел, — бросил он вместо слов прощания так поспешно и с такой беспечностью, с какой швырял мелочь в коробку из-под монпансье, лежащую на ящике с мороженым, и никогда не думал о том, что надо бы поздороваться с продавщицей.

Вечером весь дом знал о происшествии на катере. Кое-кто оказался невольным свидетелем того, как взобрался муж Магуры на перила балкона, снял с ветки тутового дерева красную шляпу и передал жене, которая так и не могла понять, почему Джемал повесил шляпу на это дерево. И еще ей было неприятно видеть, как соседи, разинув рты, глазели на ее мужа. Для жильцов дома Магура с мужем всегда представляли особый интерес. И поскольку они не встречались с этой парой ни на веранде, где обычно собирались дачники, ни на балконе и даже в общей кухне, все были рады случаю понаблюдать за этой любопытной, на их взгляд, парой. Однако соседи, на лицах которых блуждала ехидная улыбка, смотрели на них не так, как прежде, — как на пролетевшую мимо диковинную птицу, — лица их выражали явную удовлетворенность от того, что эта загадочная пара наконец-то вынуждена снизойти до них, смешаться с ними. Но Магура-то знала, что ничего подобного, она вовсе не снизошла до них и потому бросила небрежно, для ясности: — Во

время прогулки на катере у меня улетела шляпа, и Джемал прыгнул за ней в море.

Смелость мальчика никого не удивила. Магура была еще красивее, когда говорила это. Ради нее можно было прыгнуть в море. А вечером все только и говорили о Джемале. Одни хвалили его, другие ругали, говорили, что ни один умный мальчик не пошел бы на такой риск. Третьи стали взвешивать, кто же лучше, муж или жена. Что скрывать, были и такие, которые утверждали, что ничего в них нет особенного, просто они держатся высокомерно. Кто-то сказал, что он согласен, конечно же, согласен со всем, что здесь сказано, но, признаться, есть в этой паре какая-то изюминка, нечто очень-очень привлекательное, ну хотя бы то, что они удивительно подходят друг другу.

А он лежал в своей комнатушке, сквозь сон слушал бесконечную возню кошек и мечтал о том, чтоб наутро уже созрел инжир. И еще он думал: неужели надо непременно сочинять стихи, чтоб тебя полюбили? Так полюбили, чтоб поцеловали. Потом он почувствовал, как бессмысленно, безумно забилось у него сердце, но не знал он, что это состояние сердца зовется также болью.

Открыты все тайники души. И думы ночные светлы и печальны. Но ведь не случается сплошь и рядом, чтоб мы по собственной воле вызывали печаль, которая с самого раннего детства поджидает нас, словно крохотные станции на всем протяжении жизненного пути. И если не здесь, то где же мы будем самими собою, будем плакать оттого, что слабы, оттого, что такие хорошие, грешные и набожные, коварные и в то же время добрые, и как жаль, что мы довольствуемся порой молчанием, потому что в каждом из нас живет забытый святой, которого мы, когда нам того захочется, как Христа, пригвоздим к кресту печали и для этого не нужен нам ни Иуда, ни серебро, ни суд. Но, быть может, в этом единственная возможность ощутить полную свободу?

...Однако!

Все-таки рассвело. И есть ли смысл в сумбурности чувств и раздумий предыдущей ночи? Сейчас уже ни-

кто не сказал бы, что сердца этого мальчика касались когда-нибудь сомнения и укоры и его свободное дыхание было нарушено хотя бы невольным вздохом.

Август был на исходе, на пляже заметно поредело. Но спортсмены начали тренировки, не дожидаясь, пока схлынет поток отдыхающих.

Джемал сидел на бетонной лестнице, тянущейся от прибрежного парапета до самой кромки пляжа, увлеченно наблюдал за спортсменами, так смотрит обычно ребенок на самую свою любимую игрушку. Можно было подумать, что он так и будет сидеть здесь до бесконечности. Может быть, так оно и было, и он ни на что не променял бы удовольствие сидеть здесь, если бы у самого уха не услышал незнакомый голос:

— Здравствуй, парень!

Он оглянулся. Рядом с ним сидел муж Магуры. Джемал так смутился от неожиданности, что не сразу ответил:

— Здравствуйте.

— Сегодня начали? — спросил он, кивнув в сторону байдарок.

— Сегодня, — ответил Джемал, бросив косой взгляд на море. Три байдарки неслись рядом. — Красный хороший гребец (он имел в виду цвет байдарки). Смотрите, как ловко орудует веслом, и какой у него легкий взмах, но мне кажется, его байдарка чуть шире других.

— Разве?

— Да, совсем немного, но все равно это имеет очень большое значение. Если он вовремя не сменит ее, пусть не надеется на свое мастерство. Байдарка должна быть как минога, — произнес Джемал так уверенно, словно съел собаку в этом деле.

Мужчина улыбнулся. То, во что верил этот мальчик, и было для него высшей правдой. Именно это и понравилось ему в мальчике, и он снова улыбнулся ему.

— Да, вероятно, ты прав, — сказал он чуть погодя. — И вообще ты, видать, молодец. Ну кто бы рискнул... Хотя, как это взбрело тебе в голову из-за шляпы прыгать в море...

Джемал ответил уверенно, не раздумывая:

— Вашей супруге очень шла эта шляпа.

Супруге. — Точно так и сказал. Почему он произнес именно это слово, сказал бы — жена, совсем другое дело, быть может мужчина и не удивился бы его ответу. А он почему-то произнес это высокопарное — супруга, может быть, потому мужчина невольно настроился на серьезный разговор.

— Шла? — повторил он.

— Да... И я подумал, что если она потеряет шляпу, огорчится. Я ведь знаком с Магурой давно.

— Знаю, — сказал мужчина. — Она и в прошлом году здесь отдыхала.

— Да, — ответил он. — Здесь. Но тогда вас не было.

Мужчине показалось, что он хотел сказать — тогда она не была твоей, но вместо этого сказал — тогда вас не было. Мужчина улыбнулся. Разве можно было после этого продолжать беседу? Мальчик ему и в самом деле понравился, будет из него толк, — подумал мужчина и, положив свою огромную ладонь на голову мальчика, спутал выгоревшие и отросшие за лето волосы. Потом встал и медленно, не спеша поднялся по лестнице.

Скоро закончат тренировку гребцы, переташат байдарки в зону спортивной базы. Муж Магуры шел туда, к базе. «Даю голову на отсечение, он идет проверять красную байдарку. Ничего, пусть идет, убедится, что я прав...» Джемал был счастлив, настолько счастлив, что состояние это стало даже беспокоить его. Казалось, все прежние обиды существовали только лишь для того, чтоб он мог искупить вот эту сегодняшнюю радость.

Потом он долго плавал и в единоборстве с тяжелой водой ему почему-то вспоминался уже позабытый был злой старик, которого он встретил в парке, раза два даже мелькнула скрытая грустная мысль, не случилось ли что со стариком, он ведь так и не встретил его с тех пор. Да, грустная мысль, вероятно потому, что и враг, и друг нужны человеку только живыми.

Перевод Викторией ЗИНИНОЙ

В литературной географии Грузии городу Батуми принадлежит особое место. Неудивительно, что у нас возникло желание познакомить читателей «Литературной Грузии» подборкой произведений батумских авторов.

Нашим читателям хорошо знакомо имя поэта Фридона Халваши — лауреата Республиканской премии имени Руставели, руководителя Аджарского отделения Союза писателей Грузии. Не раз переводились на русский язык стихи Шота Зоидзе и Якова Мелия, нашего 60-летнего юбиляра, прошедшего суровую школу войны и не раз возвращавшегося в своих стихах к этой заветной теме. Во многих театрах нашей страны с успехом ставились пьесы Валериана Канделаки и Александра Самсониа, которые на этот раз предстают перед нами как интересные рассказы. Кстати, Валериан Канделаки уже давно переехал в Тбилиси, однако не только его биография, но и его творчество так неразрывно связаны с Батуми, что публикация его рассказа в данной подборке и символична, и естественна. Читатель познакомится также и с менее известными ему именами Нодара Модебалдзе, Мухрана Кобаладзе и Вахтанга Ахвледиани и, мы надеемся, почувствует своеобразие и колорит, которым отличается повествование этих батумских писателей, отличается возможно и потому, что они, подобно своим собратьям-поэтам, сызмальства впитали колорит и тепло своего прекрасного города.

Фридон ХАЛВАШИ

ТВОЕ ИМЯ

Я знаю, что твое, как прежде, носят имя
И полдня синева, и свежесть сквозняка,
И поздняя любовь, что веет вместе с ними
И унесет всю жизнь почти наверняка.

И мысли о тебе, и сны, которых жалко,
И сердца боль, когда ты от меня вдали,
Ноябрьский тусклый дождь, апрельская фиалка,
Напомнили тебя, вновь имя обрели.

И сизые, как тень в каком-то смутном дыме,
Еловые леса, застывшие, скорбя.
И ревность — все твое по праву носит имя,
И совесть — пусть ее клянут из-за тебя.

И друг из-за тебя попреки сыплет градом,
Надежду угасив, отталкивает брат,
Но если ты всегда со мною будешь рядом,
Того не обеднить, кто лишь тобой богат.

ДОМ И ДЕРЕВО

Где стен заложена основа,
Вкруг древа дети обошли,
Чтоб ожил ствол, чтоб корни снова
Сосали молоко земли.

Семь сотен раз цветы магнолий
Сменились тут, и человек
Лишь потому страдал в неволе,
Что связан с ними был навек!

Чтобы потомок победивший
У дерева построил дом
И увенчал бы, словно крышей,
Мечтой, упорством и трудом.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

* * *

Когда я песнь свою слагал, бывало,
Иная песнь была моей мечтой.
И сердце, что весь мир в себя вбирало,
Так и умрет рабом неспетой, той...

Постылую с себя сорвать бы маску,
Открытыми глазами поглядеть
В глаза людские и в ответ на ласку
Природы имя хоть свое суметь

Назвать! Но мчащаяся колесница
Дней и годов гремит, как водопад.
Что я иду, бегу вперед, мне снится —
На самом деле я лечу назад.

Возьми меня в свои живые руки,
Любовь! Будь мне как истина, как щит!
Или пускай хотя бы боль разлуки
С тобой мне эта песня облегчит!

МЕЛЬНИЦА

Вода ушла, и как бы встало время;
Вновь мельницу я вижу за углом —
Замолкшую, покинутую всеми,
Тоскующую явно о былом.

Ее помол, как мудрость и как милость,
Годами собирал усердно я,
И в закрома мои едва вместилась
Вся правда и неправда бытия.

И по-сиротски плачущее время
Ушедшее в душе моей живет,
И мельница, заброшенная всеми,
С укором вновь передо мной встает...

ПОЖАР

Помню день тот, когда небольшая,
Чуть заметная змейка огня
Уползла из печи, угрожая
Дом отцовский отнять у меня.

Как кричал я, малыш, безутешно!
Как я плакал, от страха без сил!
Тут сосед прибежал и поспешно
Языки на полу загасил...

Детство — уж далеко, за горами,
Но порой, вспоминая его,
Я вдруг чувствую: жаркое пламя
Жжет не дом, а меня самого!

И соседа, спасителя, друга
Не дожидаться мне! Времени сеть
Неразрывна и стянута туго —
Я горю, продолжаю гореть...

РОЗА И ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Да, роза, баловень творенья,
Со мной кокетничает зря —
Она привыкла к поклоненью,
Но на него не клюну я.

Ни цвет, ни аромат горячий
Ее, ни лепестки в росе...
Я не люблю ее, гордячку,
Которую так любят все!

Все не по ней — и зелень пуши,
И луг, и холм над ручейком;
Никто к ней близко не допущен,
Она — всегда особняком!

Поэтому-то и не скрою:
Неяркие цветы полей,
Привычные к снегам и зною,
Мне кажутся куда милей.

Они живут легко и честно
В земле долин или высот.
Никто на свете их, известно,
В дар никому не поднесет.

Им, бедным, даже и не снится
Сверкать меж граней хрустала —
Извечной их красотой гордиться
Достойна лишь сама земля!

И все же я, представьте, тоже
Люблю их крылья в голубом,
Люблю их стебли в тонкой коже,
Что пахнет почвой и дождем...

Упорство, труд и солнце мая
Живут в бореньях их сердец.
В них юность вновь я обретаю.
В них — чести нашей образец.

ЛЮБЛЮ

«Люблю», — произнесу, но все-таки не в силах
Все звукам передать, что сердцу суждено,
Всю даль и высоту — в усилиях бескрылых
Словами очертить, что духу лишь дано.

«Люблю», — проговорю, но даже звуки эти
Напомнить о других любивших не должны,
Я снова воплощен в рифмовке и куплете,
Тобой согрет, тобой — все строки сожжены.

«Люблю», — а в сердце боль, и только слезы эти
Надеждой напоят в мучительном краю,
Пусть этот скорбный мир — единственный на свете,
И только я один — его воссоздаю.

«Люблю», — и целый мир теряется в тумане,
Мутнеет ширь морей и вянет мощь лесов,
Их сила нелюбви губить не перестанет,
Спасет — единый всплеск твоих негромких слов.

* * *

Скажи, что этот путь, когда меня к дороге
Не выведет в ночи и душу не спасет,
К чему душе страда безумья и тревоги,
Когда твоя любовь их не уменьшит гнет?

Зачем свои года я без остатка трачу,
Всем воздаю добром, кому я должен был,
Я б большее свершил, когда бы мог иначе,
Я без оглядки шел и время не ценил.

Его крутой напор сдержать уже не в силах,
Все сущее отдам по дорогой цене,
Стоит огонь стеной, палит живых и милых,
Пока не подчинит последней тишине.

Перевод Натальи ОРЛОВОЙ

РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

Не кричи, что ты поэт, не надо,
Грузию сто раз не поминай.
Для отчизны не нужна бравада,
Делом докажи, как любишь край.

Не спеши расталкивать локтями,
Чтоб вперед прорваться. Не гордись,
Если встретят лъстивыми хлопками.
Хватит выдуманными словами
Говорить.

Видишь, как становится мачари
Сладостным вином. Вот так и ты —
Соки сердца, страсти и печали,
Все свои надежды и мечты,
Плоть и кровь отдай стихотворенью,
Если ты действительно поэт.
Жертвуй жизнью, как на поле боя,
Лишь такое жертвоприношеньё
Даст тебе творение живое,
Если ты действительно поэт.

СВИРЕЛЬ

Вот свирель.

Я трогаю надрезы,
Словно раны Грузии моей.
Резкий голос боли слух мой режет,
Слезы делаются солоней.

Прошное земли волной накатит,
Сердцем пропоет свирель о нем...
Как канатоходец на канате,
Я замру на ниточке времен.

Пахарь землю пахал
и услышал отчетливый звон.
Он подумал, что голос подземный
звучит слишком чисто.
Огляделся тогда,
присмотрелся внимательней он
И увидел — лежат кандалы
заржавевшие чьи-то.
Пахарь понял, что здесь
говорило страданье само,
Это голос из прошлого
вышел случайно наружу.
Кандалы на руках —
сколько мук было людям дано!
Может, это грузин
в христианстве спасал свою душу
И не принял ислама?
А может, турецким рабом
Был на казнь приведен
и он проклял богатство султана?
А возможно,
на землю родную в сраженьи крутом
Он упал и, увы,
оказалась смертельною рана?
Кандалы проклиная,
сжимает их пахарь рукой,
А другою рукой
сеет зерна для жизни живой.

Перевод Наталии КАРПОВОЙ

РУССКИЕ ПЕЧИ

Память прошлой войны
Навалилась на плечи,
Вспоминаются мне
Каждый час, каждый день,
Я в долгу перед вами,
Русские печи,
Обгоревшие печи пепелищ-деревень.

Мы устало брели
Фронтowymi дорогами,
Шли, минуя деревни — золу и угли...
Но встречали вы нас,
Непреклонные, строгие,
Как хозяйева
Кровью политой земли!
Согревали вы нас
Своим телом израненным,
Укрывали от пуль
И снарядов врага,
Ваше сердце стучало
Под пеплом в развалинах,
В нем не гасли любовь
И добро очага.
Вы нас звали на бой,
Почерневшие, вечные,
И обугленный крик ваш
К отмщенью взывал,
Вы солдатами были,
Русские печи,
Подставлявшими грудь
Под огонь и металл,
Память прошлой войны
Навалилась на плечи,
Вспоминаются мне
Каждый час, каждый день.
Я в долгу перед вами,
Русские печи,
Обгоревшие печи пепелищ-деревень...

Перевод Николая ЛЯТОШИНСКОГО

ВСПОМИНАЕТ ЛИ!

Густой еловый лес
У города Волынска,
При входе в этот лес
Опушку огляди,
На перекрестки троп,
Склоняя ветви низко,
Березонька стоит

Со шрамом на груди.
Когда была война,
В июльский день однажды
Израненный боец
Под деревом лежал,
Он долго шел к своим
И мучился от жажды,
И вот тогда сверкнул
В руке его кинжал.
Сверкнул и по груди
Молоденькой березки
По капелькам вода
Как слезы потекла.
Солдат приник к стволу
И, как дитя из соски,
Напился — и его
Надежда повела.
Он шел своим путем,
А деревце осталось,
По белому стволу
Струилась вода...
Ты помнишь ли, солдат,
Ту жажду и усталость,
И деревце, что так
Спасло тебя тогда?

НА БЕРЕГУ ДНЕПРА

Иду по равнине,
А путь бесконечен,
Как красками
Берег днепровский богат!
Сгущается мгла,
Надвигается вечер,
А волны багрянцем
Окрасил закат.
Апрельские сумерки,
Говор гармонии
И юности голос
За дальним бугром,
И сердце бессильно
Все высказать в стоне,

Звенит над вечерней рекой
Серебром.

Вновь музыка болью
Скользнула по нервам,
Слова о любви
Вновь донес ветерок,
Эх, юноши, девушки,
Здесь в сорок первом
Мы насмерть стояли
За тот бугорок.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

У Одера, в покинутой траншее,
Набрали мы немецких сигарет,
Но я не стал закуривать трофея,
А развязал с махоркою кисет.
Потом достал я старое огниво
С кусочком поистертого кремня,
Из дома всю войну без перерыва
Оно огонь хранило для меня.
Оно благословение хранило
И душу согревало, и в бою
В нем скрытая неведомая сила
Рождала смелость гордую мою.
Я высек искру. Горечь самосада
Втянул в себя с усердьем молодым.
Чужого мне и золота не надо, —
Отечества благословенен дым.

ГДЕ ВЫ ТЕПЕРЬ!

Мог ли я знать настоящее братство,
Локоть товарища, дружбу солдата?
Вы помогли мне во всем разобраться,
Где вы теперь, отзовитесь, ребята!

Мог ли я знать настоящую радость,
Чудо улыбки простой, сокровенной,
Холод и оттепель, горечь и сладость,
Гул и молчанье огромной вселенной.

Мог ли я знать, как проносится ветер,
Дождь проливается, звезды играют,
Росные травы на зыбком рассвете,
Миг перед боем — душа замирает.

Мог ли понять я, что это такое —
Смелость стоящего насмерть солдата,
Если бы сам я своею рукою
Не ощущал теплый ствол автомата?

Жил я до этого в маленьком мире,
Детство, казалось, все длилось и длилось,
Но над землею гроза прокатилась,
Взору предстали бескрайние шири.

И ощутил я биение ритма,
И увидел вдруг земные богатства,
Время настало — и сердцем открытым
Понял я суть настоящего братства.

Твердо усвоил я эти понятия —
Дружба, любовь, честь и совесть солдата,
Где ж вы, мои фронтовые собратья,
Где вы теперь, отзовитесь, ребята!

НОЧЬ НА МЕЛЬНИЦЕ

(Воспоминание)

О, как падает снег!
Как пушистые стрелки, мелькают
Мириады снежинок,
Как поля печален простор!
Эта зимняя ночь
Меня снова в окно окликает.
Я на мельнице.
Мельник
Со мною ведет разговор,
Я в плену его речи,
Пылают большие поленья,
И не страшен нам ветер
И скопище странных теней.

Водяной из воды
Вылезает, сгибая колени,
Жернова поворачать
И силой похвастать своей.
О, я помню стеллаж,
Весь засыпанный снегом-мукою,
Удивительный сумрак
И мельницы старой чертог,
И огонь в очаге,
И волшебное чувство покоя,
Где мне мельник найти
Силу тихого слова помог.
Сладкий запах пшеничный
И то задушевное слово
Я впитал всей душой
И навеки храню с этих пор:
Как пушистые стрелки,
Снежинки проносятся снова,
И со мною всю жизнь
Старый мельник ведет разговор.

Перевод Марка РИХТЕРМАНА

НА БЕРЕГУ БУГА...

Там, где Буг замедляет течение на миг,
За крутую лесистой излучиной,
Пограничника вражий осколок настиг, —
Он со смертью боролся, измученный...

Глохал обожженный, обугленный склон,
Пить хотелось герою отважному,
Но река не поднимется в гору, а он —
Он не спустится к берегу влажному...

Не хотел он смежать немигающих век
На пороге земной бесконечности;
Вышло солнце и замерло в небе навек,
Для него — до скончания вечности...

И теперь, вместе с солнцем, погожей порой,
С берегами, отрадою полными,

Вспоминает река, как сражался герой,
И — скрывается берег под волнами...

Перевод Натана БААЗОВА

ВИШНИ ВОЛЫНИ

Нет, не медом пахли травы —
Кровью, порохом и дымом...
Я ли парень тот кудрявый
В далеке необратимом,

Мне ли потрясает душу
Тот цветущий сад вишневый?
Верил сад: я не нарушу
Жизни главные основы,

В растушевке плавных линий,
В пенно-розовом кипенье —
Вишни вешние Волыни,
Гармоничные, как пенье...

Чуть затихнет канонада —
И мои однополчане
Пили всей душой, как надо,
Солнце, лепет и молчанье,

Расцветающие вишни
Схожи с пламенем и песней —
Не сумел бы сам всевышний
Сотворить красу чудесней,

Как указы наградные,
Осенили вы Победу —
Я приеду к вам, родные,
Обязательно приеду,

Через смерть дорога к дому
Навсегда в душе осталась —
Я клянусь себе, седому,
Что увижу вашу алость!

Перевод Глана ОНАНЯНА

БАТУМИ

Черный кофе. И белые лебеди.
Белые розы. Белое лето.
Листья лениво шевелятся в лепете,
И осыпается пепел — рассвета.

Порт. Силуэт теплохода изящный,
Тихо скользящий вдоль сонного пирса.
Пристань. И женщина в платье летящем.
И удлиненная тень кипариса.

Ранний Батуми. Поклон его небу.
Нега морская — небес продолженье...
Белый Батуми. И была он, и небыль.
Нежность моя, и мое вдохновенье...

Гул пробужденья. Тельняшки, бушлаты,
Тяжесть шагов. И плесканье сирени.
Черного кофе дымок горьковатый,
Пляжей оживших жужжанье, гуденье...

Улицы утренним светом залиты.
Жгут белизною девичьи колени...
Белый Батуми, дождями омытый, —
Долгих печалей моих утоленье.

Мой талисман. И обитель. И вера...
Как он лелеял и строчки и думы!
Я и живу оттого лишь, наверно,
Что существует на свете Батуми.

* * *

Я хочу, чтобы это было —
чтоб сквозь тысячу километров
мне улыбка твоя светила,
согревала далеким светом.

Перевесила чаша весов,
тяжела от вины томящей...
Все исправить могла б любовь —
на второй, пустующей чаше...

Но она не пуста, не пуста,
хоть не веришь тому, что в чаше...
А разгадка чаши проста:
я не тем заполнял ее раньше.

Мне не веришь...
Я этому сам
и причина и следствие разом.
Что ж, судьбу я доверил весам.
Недоверьем твоим наказан.

Ни о чем больше не говори.
Протяни только дружески руку.
Целый день — вслед за вспышкой зари.
А у нас — целый век за разлукой.

Как боюсь я тебя потерять!
Но теперь за любовь я в ответе...
И все чаще мне снится опять,
что улыбка далекая светит...

* * *

Зовут меня деревьев голоса —
Охрипший крик повсюду настагает...
Он болью отдается в небесах,
Любовью затаившейся пугает.
Зовут меня
И травы,
И цветы —
Бессильные, они сильны по сути...
И посреди всемогущей суеты
Они меня и пестуют и судят.
Зовут меня —
На улицах,
В лесах...
Я слушаю, как жарко они дышат...
Зовут, зовут...
И эти голоса
Не дай мне бог однажды не услышать...

Безмолвная высокая луна
Голубоватый свет несла над нами.
И все вокруг поила тишина —
И ночь,
И луг,
И дерево,
И камень...
Мы вслушивались в эту тишину —
Безмолвие переполняло душу...
И так хотелось прятуть в вышину,
Но страшно было тишину нарушить.

ВСТРЕЧА

Анне Каландадзе

Меня молитва мамы провожала,
Родные руки, седины сиянье...
Нахохлившись, мечта моя стояла
В дверях Тбилиси, в смутном ожиданье.

Цвели платаны, облаком дымились.
И все, казалось, на меня смотрели...
Моим глазам, наверное, дивились
Мамадавиди, камни Руставели...

А я остановилась у Метехи —
Там пели стены древние и листья...
И я тихонько, опустивши веки,
Приветствовала первого тбилисца...

Перевод Людмилы КУДРЯВСКОЙ

МАМА АЙШЕ

Посвящаю Амирану Пагава, коренному жителю села Королистави.

КАК-ТО мой друг пригласил меня в горное село Королистави в семью зятя. Гости на трех машинах въехали во двор, в глубине которого стоял двухэтажный каменный дом. Угощать здесь, видимо, собирались на славу — запах жарящегося на вертеле барашка забивал стойкий аромат персиков и апельсинов.

— Эх, сейчас бы влюбленных, вот бы повенчали их, — сказал я другу, поднимаясь по каменной лестнице в гостиную.

Стол был уже накрыт, чего только на нем не было! В бутылках искрилось золотистое вино, свое, собственное. Пожалуй, здесь покупали для стола разве что только соль.

Главе семьи, стройному человеку с живыми глазами и мозолистыми руками, лет тридцать. Говорят, мотыгой владеет не хуже, чем ручкой, а ведь он самый почитаемый учитель во всей деревне. Тамадой он назначил шурина — тот хорошо знал почти всех гостей.

Ростом (так звали шурина) поднял полный глиняный сосуд — пиалу.

— Друзья! — сказал он, и гости тотчас повернулись к нему. — Позвольте мне почтить традицию наших хозяев — семьи Пагава. За память мамы Айше. Да будет светлым ее имя! — Тамада не успел поднести пиалу ко рту, как гости стали перешептываться.

— Мама Айше? Это чья же мама? — спросил Саша Поцхишвили, специалист по грузинскому языку, у сидящей рядом, вечно улыбающейся Натэлы, стоматолога.

— Не знаю, — сказала Натэла и громко спросила: — Чья это мама?

— Чья?

— Чья мама?

Мать хозяйки — красавица Улпети приехала из Батуми, она сидела за столом, а свекровь хлопотала внизу, и с ней мы уже познакомились. Так что гости за столом справедливо удивлялись.

— Кто такая мама Айше?

— Может, это чья-то бабушка? — не мог успокоиться Саша Поцхишвили.

— Не бабушка, а мама! — твердо произнес тамада. — Такие матери, к сожалению, раз в век рождаются.

— Раз в век рождаются гении, — не унимался Саша.

— Нас, гениев, по горло!.. — ответил кто-то, и все начали философствовать, все смешалось, у тамады опустились руки, и он беспомощно посмотрел на хозяйна.

— Надо же было тебе начинать с этого?! Этот тост пьют близкие, во всяком случае мог произнести его в конце, — сказал Ростому хозяйин.

Во всех проснулось любопытство, у внуков Пагава засняли лица. Лиана стукнула Нодара по голове, хозяйин дома решил, что несерьезным членам семьи нечего сидеть за столом, и послал их вниз, посмотреть за барашком.

Все умолкли. У Левана, доцента политехнического института, специалиста по сопротивлению материалов, рот так и остался приоткрытым. Видны его неровные зубы. Он точно так слушал еще в школе. Стоматолог Натэла вертит в руке вилку. Иосиф Чхиквишвили, старый ветеран Чохатаурского ревкома, моргает карими глазами.

Наконец Ростом завладел вниманием гостей. По выражению его лица я понял, что он собирается рассказывать долгую и, вероятно, невеселую историю.

— Слушай, если это грустная история, лучше не расстраивай гостей, — шепнул я ему.

Натэла, словно коршун, набросилась на меня. Она любит слезливые истории, ей лишь бы посочувствовать несчастным.

- За память Большой Айше!..
- Недавно ты говорил — мама Айше, — поднял голову Саша.
- Какая разница?
- Можно быть матерью и не быть большой.
- Или наоборот, — вставил доцент по сопротивлению материалов.

Философия языка заела людей. В расселину тишины тамада, словно кол, воизил свое слово. В конце концов ведь должны слушать, тем более такого искусного хирурга, как Ростом. Среди своих коллег Ростом выделяется и прекрасным тембром голоса, в школе сперва Гайавату читал, затем Хаджи-Мурата, был неподражаемым исполнителем монологов Отелло и Яго. Сейчас, словно готовясь к операции, он распустил галстук, повесил пиджак на стул, засучил рукава и стал рассказывать.

Было время, когда в Аджарии чадра держалась, как долгая зимняя ночь. Но в этом был смысл. Красива была аджарка, и прятали под чадрой ее красоту от турков. А враг упрямо и упорно насаждал здесь свои законы, но столь же упрямо и упорно не уступал аджарец — не променял свой башлык на турецкую феску.

Не радовался аджарец рождению дочери, знал, с ней в дом приходит горе. Айше и дочери была бы рада, но не суждено ей было испытать материнство.

Что делать Айше? Тихо у нее в доме и во дворе. Тихо и сиротливо во все времена года. Муж молчит, но ведь Айше все видит, все понимает. И вот однажды, скрыв лицо под чадрой, она, словно услышав какой-то тайный зов, ушла из дома. Она переходила из одной деревни в другую. Ее большие голубые глаза всюду встречали улыбку, сочувствие и удивление. Тяжела ноша этой худенькой маленькой женщины, ну как не посочувствовать ей? Ходит с горы на гору, из одной рощи в другую, от одной двери к другой. И движет ею одна-единственная страсть — любовь к мужу. Крутыми дорогами обошла она землю и нашла то, что искала. И воротилась домой, но уже не одна... Осмотрела затемненный дом над Королиставским водопадом.

— Иди за мной, — сказала она ласково другой

женщине. За Айше по пробудившейся траве шуршит шелковое платье. Айше подошла к забору. Вздохнула, усталыми голубыми глазами улыбнулась двору слышно ни звука. Из пересохшего горла Айше вырвался крик:

— Аслан!

Обрадовался Аслан, ожил, он ведь уже не надеялся увидеть Айше.

— Айше!.. Где же ты пропадала!

— Жену тебе привела! — сказала Айше, не глядя на мужа, одним движением руки сняла со спутницы белое покрывало: под густыми сросшимися бровями видны длинные, как стрелы, ресницы, встречающие только семнадцатую весну, черные глаза блестят, тонкое платье облегает стройное тело.

— С ума сошла, Айше, — выдавил ошеломленный Аслан и повернулся к обеим спиной.

— И ее Айше зовут, Аслан!..

Он замер. Голос у жены строгий, настойчивый.

— Тебе говорю, ее тоже зовут Айше.

В тот день Аслан не выходил из комнаты.

Айше прибрала верхний этаж — свадьба у них, она мужу молодую жену привела. С нижнего этажа убрала телят, кухню переделала, пристроила хлев. Работала с душой, полная надежды — скоро, совсем скоро оживет их тихая обитель. У Аслана родится ребенок!

И стали Айше с тех пор называть Большой Айше.

День идет за днем. За летом последовала осень. Вот и дым повалил из труб. Вторая жена Аслана скоро родит им ребенка. Будет мальчик или девочка, не все ли равно, главное, дом станет домом. Ну какой же это дом, если в нем не слышится звонкий детский смех!

Но вдруг взыграла кровь в Аслане. Большая Айше — первая жена, маленькая Айше — вторая. У второй жгучие черные глаза, у первой — голубые, красивые, уставшие, добрые, — думает Аслан. Мысли эти вывели его в ночь. Он осторожно спустился по ступенькам, могучей рукой оперся о дверь комнаты Большой Айше, приоткрыл ее.

— Что, Аслан, что случилось?

— Жена ты мне, Айше!

— Жена есть у тебя, Аслан, я сама привела ее.

— Коран дает право, Айше...

— Причем коран, Аслан, у нас своя совесть.

Думбадзе, ты Пагава.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не грешни, Аслан...

— Не сердись на меня...

Аслан тихо закрыл дверь.

— Большая Айше!.. Большая Айше!.. — бормочет стоящий на лестнице Аслан.

Предалась забвению их совместная жизнь — у маленькой Айше родился сын!

Прошло время. За вторым последовал третий. У Аслана Пагава было четыре сына и три дочери. Большая Айше весь день веретеном крутится, и первое слово всегда за ней. Когда дети подросли, они не сговариваясь называли Большую Айше самым дорогим словом — Мамою Айше.

В Чаисубани открыли школу, в Батуми — институт. Мама Айше трезво оценила это.

«Дети должны учиться!» — постановила она. И всюду успевала, всех вывела в люди. Была она и покровителем и судьей детям. Худенькая, с пригожим лицом, голубоглазая, она была настоящей матерью для всех семерых детей, живущих в разных уголках Аджарии. Теперь уже в их гнездах вылупляются птенцы и чирикание их слышится в небе Грузии. На возвышенностях Чаисубани, выше водопада, или в приморском Батуми тост за Маму Айше звучит как легенда. Так выпьем и мы!

Тамада умолк. Иосиф стоял на ногах. Мы тоже встали. Молча осушили пиалы. Никто не проронил ни слова. По полным щекам Натэлы одна за другой текут слезы. Леван уставился на подсевшую к столу женщину в платке. Седая, с опаленным лицом, она провела по глазам отяжелевшей с годами левой рукой, что-то пробормотала, прикоснулась губами к полному стакану — словно к иконе припала. Окаймленные длинными, как стрелы, ресницами ее черные глаза блестя так же, как тогда, когда ее привела Мама Айше...

Перевод Лали ХУЧУА

МИНИАТЮРЫ

1. ПОРА ЛЮБВИ

Я ЗНАЮ, ты нравишься многим... Иначе и быть не может! Ты красив, высокого роста, одеваешься изысканно, держишься с достоинством. А в синеве твоих глаз сияет застенчивая улыбка.

Но мне больше нравится твой голос, низкий, теплый, бархатный...

И еще нравятся твои рассказы. Когда я читаю их, море кажется мне более спокойным, ветерок — таинственным, солнце — ласковым, точно младенец. Так хочется нарвать много-много цветов и одарить ими этот ветерок, море, солнце, землю, небо, звезды, людей...

Мы познакомились с тобой в прошлом году, но я давно знала тебя. У меня даже хранилось твое фото, которое я просто-напросто украла в ателье, единственный раз в жизни совершила кражу — похитила тебя!

Ты помнишь нашу первую встречу?

Наши взгляды встретились, и мы оба зарделись, словно маки...

— Вы мне напоминаете эвкалипт, — произнес ты нерешительно.

— Эвкалипт?...

Я знала, о каком эвкалипте ты говорил. У него белая кора и голубовато-зеленое одеяние, а верхушку венчает корона, позолоченная солнцем. А на мне в тот день было голубовато-зеленое платье...

Потом?..

Потом, сама не знаю как, очутилась у того эвкалипта — в парке у озера. Ты заметил, какой он кокетливый? Все любит себя собою в зеркале воды.

Я прижалась к его стволу и замерла. Сколько ласковых слов наговорили мы тогда друг другу!

А на следующий день я должна была играть на концерте учащихся музыкального училища. Чайковского... Я ждала тебя, если бы ты тебя ждала!..

И ты пришел.

— Бойтесь? — спросил ты.

Наши взгляды встретились. Улыбка твоих добрых голубых глаз... я чувствовала, как погружаюсь в нее.

Я играла только для тебя, каждый звук был мне родным и близким, потому что в эти минуты я говорила с тобой, я жила этими звуками.

Ты слышал их?

Мне аплодировали, даже преподнесли цветы. Я обняла моего преподавателя. Она сказала: «По правде говоря, не ожидала, что ты так сыграешь. Молодчина!»

Но меня интересовало лишь твое мнение, оно сейчас было для меня дороже жизни!

— У вас прекрасная техника... К тому же вы хорошая актриса!

Актриса?!

Все рухнуло!.. словно с огромной высоты летела я в пропасть.

Ты не заметил моих слез. С тех пор я долго избегала тебя. Завидев издали, переходила на другую сторону улицы. Я боролась со своими чувствами, но тщетно... Я по-прежнему любила тебя. Но я была одна со своей любовью. Каждый твой новый рассказ я читала моему эвкалипту. А по утрам, едва проснувшись, я украдкой смотрела на твое фото, молча беседовала с тобой и наконец так привыкла к этим беседам, что говорила уже вслух.

Бывало, я даже спорила с тобой.

...То утро было особенным. Я будто впервые слышала соловья и таинственный шепот ветерка:

В то утро мы уж не спорили. Я позавтракала и поспешила к газетному киоску — мне отложили журнал с твоим рассказом.

Потом я побежала к озеру.

Еще издали услышала знакомый шелест эвкалипта.

— Посмотри, что я тебе принесла! — Я в восторге обвила его руками.

Я села на берегу озера на камне и раскрыла журнал.

Это была сказка о златокудром юноше-мечтателе с голубыми глазами. У него был звонкий и теплый голос. Когда он пел, вокруг расцветали розы и ромашки, орел оставлял свою жертву, бушующее море укрощало свои страсти... Но вот юношу одолело чувство, доселе ему не знакомое. И стал он печальным и замкнутым. Не слышно было его пения. Понурился, бродил он в одиочестве у озера, где росло одинокое дерево с белоснежной корой, голубовато-зеленым одеянием, а верхушку дерева венчала золотистая корона. Каждое утро приходил он к нему и рассказывал о своей мечте. А дерево, словно чувствуя его печаль, трепетало, шелестело, дрожало...

И вот однажды утром в шелесте дерева ему послышались знакомые звуки...

То утренний ветерок пробегал по долине с дивными цветами, где-то дрозд пел гимн восходящему солнцу...

Юноша вскочил... Трепещущими руками обнял дерево.

У пастухов пальцы застыли на свирели, цветы приподняли горделивые головки, море замерло...

Юноша пел о златокудрой девушке.

2. ПОЭТ

— ЭТО тебе на память, — сказала она и, сняв с пальца кольцо, надела ему на мизинец. — Но поклянись, что снимешь его лишь только если разлюбишь!

— Клянусь! — ответил юноша, пожалев, что ему нечего подарить ей.

Юноша был поэтом и когда по ночам он сидел у открытого окна своей комнаты, любовался сиянием далеких звезд и слагал стихи о ее глазах цвета ночи, ему казалось, что камень в кольце искрится радужными лучами, которые, сливаясь с его чувствами, придавали стихам особую магическую силу.

Однажды к поэту приехал друг юности. Они обнялись, поцеловались, посмотрели в глаза друг другу, и друг воскликнул:

— Да ты молодчина, совсем не изменился!

«Поседел, однако», — отметил про себя поэт, глядя на друга.

Они зашли в кафе, где было шумно и накурено, осушали бокал за бокалом и вскоре захмелели.

— Ты настоящий друг, — сказал гость поэту и, сняв с пальца перстень, протянул ему в знак вечной дружбы. Поэт покраснел, ему нечего было подарить другу. И тут внимание его привлекло сияние камня в кольце, подаренном возлюбленной. Он, не задумываясь, снял его и отдал другу.

На руке нового хозяина камень в кольце вдруг перестал сиять, и в душу поэта закралось сожаление...

На другой день возлюбленная уезжала.

В аэропорту дул ветер. Вот подъехала белая «Волга» и остановилась. Из нее вышли молодая черноволосая девушка и полноватый мужчина в черном костюме. Это была Она.

— Она уезжает, это ужасно, — сказал поэту друг.

— Она уезжает... — поэт в оцепенении уставился на девушку. — Это ужасно...

Девушка остановилась, оглянулась и, завидев друзей, подошла к ним. В ее печальных глазах вспыхнула радость.

— Она тебя любит, ты счастливый человек! — с завистью сказал поэту друг.

Но вдруг Она замерла и побледнела.

— Обманщик! — воскликнула Она и к глазам подступили слезы. — Я еще не уехала, а у тебя уже кольцо, подаренное другой женщиной. А я, глупая, верила...

Она повернулась и ушла, прежде чем он успел ей сказать что-нибудь в свое оправдание.

Спустя несколько минут серебристый лайнер взвился в воздух, и поэт с грустью поглядел ему вслед...

В О Р Ы

ОН ПРОСНУЛСЯ среди ночи и никак не мог уснуть. Хотелось пить, но было лень вставать с теплой постели.

Не спится, можно было бы книгу почитать, книжный шкаф в двух шагах, но все-таки придется встать.

Он повернулся на бок, смежил веки. И тут в памяти неожиданно всплыла картина далекого детства.

С чего бы это?

Он лег на спину, уставился глазами в темный потолок. «Постарел, братец, — подумал он, — и одиночество, увязавшееся за тобой, словно голодный волк, шелкает зубами у твоей шеи. С перепугу ты все это вспомнил... Чего тебе не хватает? Квартира — есть, книги, деньги, боржом в холодильнике не переводится, а встать и промочить горло лень».

А тогда? Тогда, наверное, не поленился бы?

Он улыбнулся и вдруг захохотал, да так заразительно, как если бы в его темной комнате был кто-то другой, кому он все это рассказывал.

...Нет, тогда не поленился бы, тогда все занимали друг у друга кто кукурузной муки, кто денег... и еще надежду. Надежду занимали друг у друга, она была всем нужна, особенно же тем, у кого появились свои проблемы и заботы.

А они были именно в том возрасте, когда наступает пора проблем и раздумий, — они заканчивали десятый класс. Отцы были на фронте, и дети щедро раздавали друг другу взаймы надежду на их возвращение. Хотелось есть, и они не скупились на накрытые столы друг для друга. Они заканчивали десятый класс. А какое же окончание школы без застолья, говорили они, словно в их семьях был полный достаток.

Нет, нельзя без застолья, — твердо решили они и условились...

Он опять заразительно рассмеялся.

...Тихо перелез он тогда через забор, благодаря бога за то, что злая собака сейчас спит крепким сном. «Дверь деревянной кухни ты легко отворишь, — сказал ему Отари. — Она закрыта на простой засов». Он улыбнулся в темноте: а сейчас Отари наверняка крадется к их курятнику, зная, что там его ждет десяток яиц.

Завтра он принесет в школу муки столько, чтоб испечь пять штук мчади, Отари принесет десять яиц, да и другие не поспекутся.

Осторожно снял он засов, приоткрыл дверь. Слава богу, дверь не скрипнула. Молодчина, Отари, смазал петли! — подумал он и в темноте повернул направо. Ощупью нашел полку с мешком муки. Но в тот же миг кровь застыла в жилах. В крошечной тьме засветила свеча. Примирившись с судьбой, он медленно повернулся. В дверях стояла мать Отари.

— Возьми, детка, мешочек, пересыпь в него...

— Тетя!..

— Бери мешочек, детка, но не забирай всю муку, оставь немного для Гивы и Нодари.

И тут он, не сдержавшись, всхлипнул в кулак.

Женщина быстро подошла к нему, прижала к груди.

— Тише, услышат Анзори и Темури, они сейчас, как им кажется, воруют у Германэ и Ивлианэ, не спугни их.

И куда только подевались слезы!

— Но вы-то откуда знаете?

— Э-эх, детка, разве что скроется от материнского сердца? Мы все всё знали... Я не хотела тебе мешать, но испугалась, как бы ты нас вовсе без муки не оставил...

...Он уже не смеялся. У него что-то болело, не сердце, нет, не душа, а где-то за пределами его пустоты и одиночества болело что-то...

«Моя мать тоже знала, что Отари крадется к нашему курятнику, и Анзора, и Темура, и Сандро матери тоже знали...»

...Разве что скроется от материнского сердца...

Он резко откинул одеяло, открыл холодильник, жадно припал к горлышку бутылки. Не зажигая свечей, лег.

«Завтра поеду к маме», — подумал он. И чувства одиночества как не бывало.

Александр САМСОНИА

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

В ОДНОМ учреждении работал хороший человек. С кем бы он ни говорил, он непременно заканчивал разговор словом «дорогой». А все потому, что был он хорошим человеком, сердце имел доброе, а уста его источали мед. Кто-то из мудрецов изрек: сделай добро, оставь его на камне и иди дальше, на обратном пути оно тебе воздастся сторицей. Вот и наш герой творил только добро и камня за пазухой не держал. Он сам не сердился и берег нервы других. Вот почему, несмотря на возраст, сумел сохранить и шевелюру и пост. Словом, он был примерной личностью.

После стольких похвал могут подумать, что речь пойдет о передовом рабочем или же деятеле искусства. Ну что вы! Никогда не стоял он на трудовой вахте, в театре не бывал годами, хотя, признаться, когда-то в молодости увлекался литературой и даже грешил неплохими рифмами.

Ну и что, скажут некоторые, не всем же быть передовыми, вероятно, он один из тихих, непретенциозных тружеников, вносящих скромную лепту в общее дело.

Не знаю, как там насчет скромной лепты, но сам он был предельно скромн. С начальством здоровался первым и в обращении с младшими по-прежнему был очень корректен и вежлив, избегал критики, во время застолий произносил витиеватые тосты о том, что должно жить в мире и согласии и не доводить друг друга до инфаркта.

Доброму оратору нужен добрый слушатель. Однако почему-то пошли о нем слухи, дескать, он труслив, он даже о тбилисском «Динамо» не скажет худого слова, не то что о начальстве.

— Критиковать легче легкого, — вздыхал он. — Попробуй сыграть сам, если это так просто.

Под словом «игра» он разумел не только футбол. Жизнь для него тоже была игровым полем, на котором также следует избегать запрещенных приемов.

— В человеке надо видеть только хорошее, — любил повторять он, когда его упрекали за то, что он всегда молчит. — Я никогда никому не завидовал, и тщетно пытаюсь заставить меня сказать о ком-то плохое.

Но не будем многословны и скажем лишь, что быть хорошим человеком стало его профессией, дающей ему хлеб насущный, но...

Но вдруг сгустились тучи — в учреждение пришел новый начальник и потребовал от хорошего человека работы. А хороший человек умел все, но работать он не умел. И несмотря на все его сладкоречие, начальник предупредил его, что так продолжаться не может.

Забеспокоился хороший человек, новый начальник оказался странным человеком, говорит о какой-то работе, нервничает, того и гляди заболит, а он, хороший человек, будет виноват.

И, недолго думая, принес начальнику заявление об уходе по собственному желанию. Просьбу его уважили, ну разве можно такого безобидного человека обижать из-за эдакой мелочи.

— Наконец-то и сам хороший человек сделал доброе дело, — признали злые языки.

ХРУСТАЛЬНАЯ ЛЮСТРА

ЖЕНЩИНА лежала на диване, равнодушно глядя в потолок. Тишину, царившую в комнате, вдруг нарушил звук отпираемой входной двери.

Женщина не встала, не произнесла ни звука и даже попыталась подавить любопытство. Шаги мужа она узнала тотчас, дождалась, пока он окликнул ее.

— Тамара!

Решив, что муж пришел с покупкой, она непроизвольно вскочила, надела домашние тапочки и направилась к двери, медленно отворила ее, словно прячась от мужа, украдкой выглянула за дверь и застыла... Муж что-то искал в кармане пиджака, и руки его были пусты.

— Ты моего паспорта не видела? — спросил он.

Она в ответ повернулась, захлопнула дверь. Она ничего не видела, глаза ее покраснели; брызнули слезы.

— До каких пор это будет продолжаться?! Боже мой!

— Что случилось?! — Он вошел в комнату. Жена лежала на диване, прикрыв глаза рукой. Он весь напрягся в ожидании очередного скандала.

— И ты еще спрашиваешь! — резко повернулась к нему жена.

— Ну не смог я достать...

— Не смог? Постыдился бы говорить такое! Другие могут, а ты что, хуже них? Я во всем виновата! Одна я!

— Да не убивайся ты так, куплю тебе!..

— Мне?

— Кому же еще, меня все эти твои вещи вообще не интересуют.

— Хм... поглядите-ка на него!.. А что же тебя интересует — керосиновая лампа и брюки с латками на коленях?! Довольно, сколько терпела, наконец-то мы чего-то добились, а ему, оказывается, это и не нужно!

Он посмотрел на нее сузившимися от злости глазами. Неужели это та самая красивая, добрая девушка, на которой он когда-то женился?

— Где люстра?

— Принесу! — ответил он, выдвигая ящик гардероба. Паспорта там не оказалось.

— Хватит мне пустых обещаний! Зачем я вышла замуж, если сама должна обо всем беспокоиться? Уж лучше было бы быть одной...

— Может, ты и права, было бы лучше, — проговорил он. — А я помню, какая ты была тогда! Я даже не представлял, что ты можешь так кричать. Когда я купил тебе первое платье, ты глядела на меня глазами, полными любви, и даже не осмелилась надеть его. Ты тогда сказала, что не это главное... И жили мы с тобой в маленькой комнатке, где стояли стол и железная кровать, а как мы радовались каждому новому дню!

— Довольно! — воскликнула жена.

— Эх, вот когда у нас был полный достаток, когда душа была полна! — Он оглядел комнату, разводя руками — о чем это он вообще говорит?! — Вспомни, когда мы получили квартиру, нам даже нечего было в ней поставить, и мы по-прежнему ютились с нашей дочуркой в одной комнате... Ты и девочку нашу погубила.

Женщина в ярости присела на диване и уперлась руками в бока.

— Я?.. Я выдала ее замуж, как полагается. И какое приданое дала! Это все твой хваленый зять!..

— Разве дело в приданом?!

Он стоял у дверей, пытаясь скрыть волнение. Первая атака жены заставила его забыть о том, что он был голоден. Странно, такое ощущение, будто он не ел несколько суток. Он сердито тряхнул головой. Неужели так и будет он доживать свой век?

Повернувшись, он вышел на кухню.

— Конечно, ты кроме себя никого не помнишь! — крикнула ему жена вдогонку.

Он достал хлеб, налил в тарелку холодного супу и подсел к столу.

— Э-э-х, — вздохнул он, — даже обеда не смогла разогреть?

Он и не услышал, как жена вошла в кухню. Она поставила кастрюлю на плиту.

— Нет, чтоб попытаться сохранить девочке семью, — ворчала жена.

— А причем тут я? — Он уже забыл о паспорте.

— Надо было машину купить!

— Не понимаю, ему нужна наша дочь или машина?! — рассвирепел он.

— Хм! Ты просто слеп! Жизнь изменилась, и только красотой жены сегодня уже не довольствуются. А вот если родители жены купят машину, разве это не вызовет в нем чувства гордости, или он хуже других?

— Настоящий мужчина не сядет в машину, купленную тестем! Это стыдно!

Жена выключила газ и вышла из кухни. Он уже не мог ничего есть.

Как это все случилось, когда, в какой период их совместной жизни? Скорее всего тогда, когда в первый раз исполнил ее каприз. Теперь уж поздно!.. Он шел на все, лишь бы удовлетворить честолюбие жены и сесть в кресло управляющего. Он научился не только брать деньги, но и давать их. Деньги превратили его в лицемера и лгуна.

«Все суета сует!» — думал он, входя в кабинет с арабской мебелью. Он сел на диван, прислонился к спинке и, кажется, даже вздремнул. Но мысли беспокойно роились в голове. Когда, когда он упустил самое главное в жизни и докатился до такого?! Он не почувствовал, как уснул. Но и сон его был беспокойным, тревожным.

На рассвете он проснулся от холода. Оказываясь, он спал одетым. Он встал, пошел на кухню. Жена еще спала. Он вскипятил чай, выпил и только собрался было уходить, как в дверях появилась жена в халате.

— Удираешь?!

— Опаздываю на работу! — Он опять вспомнил о потерянном паспорте, стал искать его в ящике стола.

— Что ты намерен делать сегодня?

— Попытаюсь...

В ящике стола паспорта не оказалось...

— Хм, попытаюсь!.. Подумай и о машине...

— Из-за всякого подонка позориться не собираюсь, и потом машина не носовой платок, чтоб пойти в магазин и купить! К тому же, — теперь настал его черед возмущаться, — не могу же я заставить весь свет судачить о нас!.. Я тоже человек!

— А я не человек? Я всю ночь глаз не сомкнула, а ты даже не поинтересовался, как я спала!

— Ну, что ты еще скажешь?! — Он вышел из дому.

— Чтоб сегодня же была люстра! — крикнула жена ему вдогонку.

Весь день она места себе не находила. Эту несчастную люстру увидела она у одних своих знакомых, но гордость не позволила ей спросить у хозяйки дома, где она ее купила. Было время, когда хозяйка дома, где нынче висела роскошная люстра, не имела сменного платья, а теперь? Так чем же она, Тамара, хуже нее, почему у нее в квартире не должна сверкать такая же люстра?!

В полдень она постаралась уснуть, но тщетно. В мечтах своих она видела прекрасную хрустальную люстру, которая свисает с потолка и сверкает, как в театре. И вот она отодвигает занавеси, чтоб не только прохожие, но и соседи из дома напротив могли ею любоваться.

— Тамара!

Как же это она не услышала, как муж отпирает дверь! Она как девочка соскочила с дивана и бросилась в прихожую. Муж стоял в дверях, у ног его лежала картонная коробка.

— Принес... — выдохнул он.

Она помогла ему внести коробку в комнату, ножницами разрезала бечевку, люстра была упакована в мягкую белую бумагу. А вдруг это не такая же люст-

ра, вдруг... — думала она беспокоино, разворачивая бумагу. Она! Точно такая же!

— Беги за монтером! — приказала она мужу.

— Может быть, сперва ты меня накормишь?

— Ты только о себе и думаешь!

— Послушай-ка! — начал было он и тут почему-то снова вспомнил про паспорт.

— Ну, ладно, я сама пойду за монтером!

Монтер жил по-соседству, в нижнем дворе. Он по-видал на своем веку немало люстр, но эта красавица вызвала у него нескрываемое восхищение. Около полудна возился он с ней и вот, наконец, ввинтил лампочки. Жена направилась к выключателю, но у нее не хватило решимости нажать на кнопку: а вдруг... Она на секунду зажмурилась, как будто за нажатием кнопки выключателя должен был последовать взрыв...

И вот люстра горит! Комната, залитая океаном светящихся лучей, словно стала больше, просторнее.

— Молодчина! — сказала она монтеру и сунула ему в карман 25 рублей.

Муж ждал, что она хотя бы взглянет на него с благодарностью, как это бывало прежде, но она даже не подумала о том, что муж просил поесть. Сейчас; в эти минуты, все ее мысли были заняты только люстрой. Тишина, царившая в квартире, заполнила их сердца, и им уже не хотелось говорить друг с другом, они только чувствовали обоюдную неприязнь. И муж подумал, что чем богаче они становились, тем больше отдалялись друг от друга.

— Мама!

Они не слышали, как дочь отперла дверь.

— Ты пришла? — заглядывая в глаза дочери, спросила мать. — Ну что?

— Ты спрашиваешь? Конечно же, ушел.

— Будь проклят час моего рождения! — Жена заметалась по комнате. — Ты, это ты погубил мою дочь! — вопила она.

— Я? — переспросил он безучастно, продолжая машинально думать о том, куда мог подеваться его паспорт.

— Да, ты! — Женщина стояла посреди комнаты в позе борца, вступающего в бой. — Не мог единственную дочь осчастливить!

— Куда он девался? — спросил он.

Дочь стояла в беспечной позе, упершись плечом в дверь. Она только равнодушно дернула плечом.

— Не хватало, чтоб моя дочь этим интересовалась! — крикнула жена.

— Сами выбирали! — произнес он равнодушно.

— Ну, я пошла! — сказала дочь.

— Куда ты, детка? — прослезилась мать. — Может, пообедаешь?

— Будьте здоровы! Не огорчайтесь!

Дочь повернулась и, хлопнув дверью, вышла. То ли от сквозняка, то ли еще отчего, неизвестно, но люстра вдруг закачалась... и комнату потряс звук бьющегося стекла. Воцарился мрак.

— Тамара!.. — тихо окликнул он жену.

Женщина качнулась.

— Акакий! — так же тихо отозвалась она. — Ты где?

— Я тут! — Муж в темноте протянул руку, нащупал руку жены и замер. Они прижались друг к другу, чувствуя, как тепло разливается по телу.

— Может быть, открыть дверь, станет светлее, — сказал он.

Они медленно, на ощупь направились к дверям.

— Где лампа?

— Наша древняя лампа?

На ощупь они подошли к двери и открыли ее, но и на лестничной клетке было темно.

— Ты тут подожди, я принесу лампу!

— Мне что-то страшно, ты скоро?

И тут он вдруг почувствовал, что в эту минуту с ним говорит его прежняя Тамара.

— Нашел?

— Да, — ответил он, уже не думая о паспорте.

— Не оставляй меня!

— Не бойся, осторожнее, иди к столу.

Муж чиркнул спичкой и зажег старую лампу. Слабый свет разлился по комнате. Они уселись на диван и прижались друг к другу, как в доброе старое время.

Перевод Ирины ВОЛКОВОЙ

Сосо СИГУА

МИФ И ЛОГИКА

МИФЫ — колыбель культуры. Созданные наивным сознанием, они являли собой одновременно искусство, науку и религию. История духа всех народов берет начало в мифах, за пределами которых — мрак, бездна, вечная ночь. Мифология — фантастическое отражение мира пробудившейся человеческой мыслью, водораздел между варварством и цивилизацией. Миф и язык воссоздают картину изначального единства, с которой начинается история. В мифах слито воедино человеческое и божественное, как преходящее и вечное. Земные тени, устремившиеся к небесному, навсегда застыли божественными иероглифами. Для художника мифы стали вечным ферментом эмоций, источником материала и вдохновения.

Мифические персонажи, сам дух мифов, в той или иной форме, с той или иной интенсивностью, с теми или иными коррективами, просуществовали с античности до нового времени. С XIX века начинается их возрождение и новое осмысление. Классические мифы создало Междуречье, Греция и Рим. Однако каждый народ имеет свою собственную модель восприятия мира, воплощенную либо в мифах, либо в анимистической религии. Искусство разрушает границы логического, оно и библию воспринимает как собрание мифов. Позиция художника не отличается научной строгостью и устойчивостью. Он может омифизировать историческую личность или воспринять конкретное явление как мифическое, т. е. субъективно интерпретировать факт, соотнести его с вечным архетипом. Писатель сам творит мифы. В искусстве происходит скрытый процесс мифотворчества. Миф — символический образ бытия, неизгладимый шифр сегодняшней действительности. Поэтому, равно как и сами мифы, отношение к ним

Глава из книги «Миф и логика. Структура прозы Константина Гамсахурдиа», которая выйдет в 1982 г. в издательстве «Мерани».

является алогическим феноменом — безграничным и бесконечным. Дух мифов и мифологический материал приобщают нас к вечно-человеческому первообразу, первопространству, первоявлению. Это естественный, ничем не омрачаемый праздник бытия...

...Недоверчиво относясь к логическому миропорядку, человек устремляется к отдаленному пространству. Он истосковался по влажной от росы траве, по живительной голубизне неба. Однако миф воспринимается не только как миф. Срастаясь с повествованием, он образует в нем новый, невидимый пласт. Будто все происходит на наших глазах, будто действие разворачивается сегодня. На самом деле все это уже было, уже существовало, уже происходило. Архетип конкретного персонажа или явления берет начало в мифической структуре. Этим подчеркивается тождественность мифа и человека, их одновременность, вечное повторение, изначальное единство. Так происходит мифологизация образа, его мифотворчество.

В «Улиссе» Дж. Джойса деградированный современный человек предстает в свете мифологии. Леопольд Блум — в основном Одиссей, Стивен Дедалус — Телемак, Молль — Пенелопа (хотя каждый из них имеет другие ипостаси). Но современные дублинцы — это антигерои. Мифический план нужен Дж. Джойсу, чтобы показать измелъчание, упадок современного человека. Поэтому мифологический план образа носит пародийно-иронический характер. В «Кентавре» же Дж. Апдайк наоборот — мифология использована для возвеличения человеческого начала. Учитель Джон Колдуэлл — кентавр, его сын Питер — Прометей и т. д. Первая же фраза романа имеет мифологическое прочтение: «Едва Колдуэлл успел повернуться, как ему в лодыжку впилась стрела...» Миф, таким образом, является потенциальным носителем прогрессивных и консервативных тенденций. Миф может проявиться как образ-символ как поэтическая концепция, материал, творческое начало, норма жизни и ее форма. Он может быть представлен, как экстаз устремления и обретения или же как ритуал смерти и погребения. Национальные мифы — первобытное выражение целостности и независимости, через них сознание человека постигает смысл единства личности и мифа, канувший в воды Леты. Древнейшее — всегда современно, тогда как вчерашнее уже устарело, ибо смысл бытия — цикличное движение, гибель и возрождение, обновление. Это закон существования материи. Народ, у которого нет своей мифологии, — не нация, а сборище людей, живущих на одной территории и подчиняющихся одним законам (М. Каули). Центростремительные устремления гения концентрируются в одной сфере. Мифы — та вечная первооснова человеческого духа, постижение которой означает включение художника в круг общечеловеческих структур.

В «Табу» Константинэ Гамсахурдиа раскрывается темный образ мифа. Эта новелла — произведение аллегорическое. Вражду между семьями Бискай (князя) и Харбедия

(крестьяне) посеял сам «краснобашлычный» сатана, от которого Хварамзе родила скорпиона. Сатана разорил деревню, и люди по сей день называют ее «Начкведи» («Выморочной»). «Табу» — иллюстрация воззрений К. Гамсахурдиа 20-е годы, когда писатель с недоверием относился к советской действительности. Дьякон Натие рассказывает средневековую легенду, олицетворяющую собой тенденциозное и субъективное выражение современности. К. Гамсахурдиа называет «мифом», но при этом «светлым мифом», основную линию «Десницы великого мастера». Так выделяются из материала, залегающего в глубочайших пластах истории, мифы темные и мифы светлые. Внося мифы в свои произведения, К. Гамсахурдиа сам является мифотворцем. Это основа мифологизации жизни героев, посредством которой в их характерах проявляется вечная идея.

АРХЕТИП И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИПОСТАСИ

К. Гамсахурдиа дает чрезвычайно точное и реалистичное понимание архетипа. Архетип — первичная модель психики персонажа, гены его бесконечно и непрерывно повторяются в потомстве. Это постоянное преобразование, смерть и воскрешение, возвращение к прошлому — принцип мифологического мышления.

В 20-х годах тяготение к мифам усилилось в результате урбанизации и всемирного кровопролития. К. Гамсахурдиа неоднократно обращается к Апокалипсису, к мистическому иррационализму, отвергает Христа. Чем глубже проникает писатель в психику народа, в его историю, в его характер, тем больше познается общее, поскольку общечеловеческие мотивы — бесконечное сферическое развитие исходной точки. Проникновение вглубь приводит к древнейшей модели, к изначальному архетипу: Саварсамидзе («Улыбка Диониса») — св. Константин, Тараш — Эрамхут, Давид — Баграт IV, Мариам — Горгона, Арсакидзе — Иаков, Вахтанг — Кимоте и т. д. Это стремление к уподоблению и отождествлению. Сущность — неизменна, изменчиво время. Поэтому герой не может смириться со своей эпохой. Все идущие с поверхности к центру лучи сходятся в одной точке.

Саварсамидзе с детства питает любовь к св. Константину, владельцу Аргвети, пытается походить на своего отдаленного предка. Не случайно он носит имя Константина. В детстве над его кроваткой висели портреты Давида и Константина. «Я — св. Константин на белом коне, соломинки — бесчисленные враги Грузии», — мечтает мальчик. Позднее мать ведет его пешком из Кутаиси в Моцамета. Навсегда останется в памяти ребенка белый монастырь. Вся его жизнь отныне по примеру св. Константина будет отдана подвижничеству, мученичеству во славу родины. Его ведет за собой бесстрашный рыцарь с копьем и щитом в руках. Поэтому через все произведение лейтмотивом проходит имя св. Константина: «Величественный призрак владельца Аргвети всег-

да сопутствовал мне в неравной борьбе»; «Грозные брови владетеля Аргвети хмурились на моем лице»: «Нисхсе, смилуйся над Константином Саварсамидзе! Может, это по вине владетеля Аргвети сошел он с пути истинного; не приобрел он в этой юдоли ни жены, ни сына, ни добра, ни имени, ни чести, ни славы»; «Взял я в руки меч владетеля Аргвети» и т. д. Св. Константин для Саварсамидзе — не страдалец за веру. Он — рыцарь, принявший муки за родину. По его словам, христианство явилось для грузин скорее средством защиты, нежели собственно религией, поскольку и по сегодняшней день грузин в душе — наполовину язычник. С помощью приема лейтмотивации выявляется и утверждается в нашем сознании архетип Саварсамидзе — св. Константин.

В 736 — 738 годах в Грузию во второй раз вторглись арабские полчища, предводительствуемые Мурваном Глухим. Во время битвы были взяты в плен владетели Аргвети — Давид и Константин. Мурван Глухой попытался обратить их в магометанство, но аргветские правители предпочли веротступничеству мученическую смерть.

Саварсамидзе — это св. Константин, Дионис, Антихрист (или новый Христос), св. Георгий, апокалипсический всадник.

Эрамхут Эмхвари («Похищение луны») не имел ни жены, ни детей. Его снедала черная меланхолия. Он был молчалив, не отпускал от себя молочного брата. Его одиночество, собственные ему странности приводили окружающих в замешательство. Время от времени Эрамхут куда-то исчезал; выяснялось, что он был у черкесов, помогал Шамилю. Однажды, почувствовав приближение смерти, он призвал священника и попросил прочитать псалмы царя Давида.

Эрамхут намеревался принять участие в газавате, однако перед самым отъездом явился управляющий округом с известием, что его выезжают в Петербург, к царю. Спротивляться было бессмысленно: молочного брата рядом не оказалось. Молча застегнул Эрамхут на все тридцать две пуговицы свой архалук и последовал за непрошеными гостями, взяв с собой кречета цвета стали. «В Одессе, ступив на сушу, отпустил кречета на волю. Вернулся кречет цвета стали в окумский дворец, уселся на свою жердочку, и с тех пор никто никогда не слышал в семействе Эмхвари о его пропавшем хозяине». У матери Тараша сохранился выполненный каким-то французом портрет Эрамхута, на котором он напоминал выходца из мира теней.

Тень Эрамхута преследует Тараша всю жизнь. Тараш почитает дядю, ему приятно, когда его сравнивают с ним. Имя Эрамхута стало в народе легендарным, о нем даже сложили стихи. Тараша всегда волнуется, когда при нем произносят это имя. Собираясь на скачки, Тараш снимает европейский костюм и облачается в грузинский национальный наряд. Тараш замечает, что он «поразительно похож на Эрамхута». В детстве Тараш старался подражать Эрамхуту. Гарцуя верхом на палке, он воображал себя Эрамхутом, борющимся на стороне черкесов, лезгин и чеченцев против кро-

вавого царя. В тяжелые минуты он обращался к тени почитаемого дяди. На мельнице Зосимиа ночью из своего укрытия выползает змея. В темноте Тарашу мерещится, что она ползет прямо к его изголовью, явственно слышится тихий, наполняющий его мертвящим ужасом свист: «Он вспомнил мать, одиноко живущую в Окуми, несчастного отца с расщепленным лбом, брошенного в стылой французской земле. Эрамхут Эмхвари предстал перед ним, бледный как сама смерть». Тараш считает Эрамхута своим духовным отцом. Вернувшись домой «блудный сын» рассматривает портрет этого рыцаря. Мать в своем предсмертном письме с мольбой предостерегает сына: «Моя единственная просьба, сынок, — не обрывай старинного рода Варданидзе-Эмхвари, не уподобляйся Эрамхуту, от которого только и осталось, что окосевшая борзая и стального цвета кречет». Направляясь к Ингури, Тараш вспоминает людей, которым удалось одолеть взбесившуюся реку. Среди них и Эрамхут. В тяжелую минуту пришел ему на ум Эрамхут Эмхвари «с его несравненным мужеством: с горсточкой черкесов вступил он в бой с целым батальоном казаков».

Жизненный путь Тараша определяет его духовный архетип — Эрамхут Эмхвари. Такова воля рока. Не уйти от судьбы герою «Похищения луны».

У Тараша есть и более отдаленный предок — Вардан Эмухвари, основатель рода Эмхвари, проклятый католиком. И его нередко вспоминает Тараш. Сидя в сумерках у горящего камина, ребенок играет своими пальцами, каждый из которых кого-то изображает: «Большой палец — это прославленный рыцарь Вардан Варданидзе». Впоследствии он находит в доме грамоту царицы Тамар, даровавшей Вардану Эмухвари «земли западнее реки Эгри до самого Келасури». Ему удастся обнаружить и пергамент католика всея Грузии, предавшего некогда анафеме весь род Варданидзе-Эмхвари, над которым с тех самых пор и тяготеет страшное проклятие сто восьмого псалма. Спустя 800 лет то же проклятие посылает на голову последнего потомка Вардана Таризэл Шарвашидзе, дед несчастной возлюбленной Тараша. Летопись рода Эмхвари идет от Вардана и обрывается на Тараше. Начало и конец этой летописи заклеены проклятием.

Вардан — герой, участвовавший во взятии Карну, — архетип всего рода Эмхвари, гены которого на протяжении веков почти не претерпели изменений: все Эмхвари так же непохожи на других, как и Вардан. Имя Эрамхут по-мегрельски произносится как «Арам хуту». Эрамхут — литературная форма народного имени. Как известно, мифический Амиран — этот грузинский Прометей — в мегрельских версиях называется «Арамхуту» (М. Чиковани). Таким образом, ассоциативные поиски истоков характера Тараша приводят нас к мифу об Амиране. В Сванети Тараш чувствует, «как его руки наливаются силой Амирана». Окончательный приговор своему герою автор выносит в следующих словах: «Еще вчера он мнил себя Амираном, хранившим силу в темной

пещере», «Наш Амиран не нашел пещеры, где спрятал силу про сегодняшний день». В прощальном своем письме к Вахтангу Яманидзе Тараш отрицает свое сродство с Амираном. Здесь следует вспомнить, что, по словам Акакия Церетели, «Амиран — это сама Грузия, враги же ее — черные вороны». Амиран — поэтическое олицетворение вечных мук древней Грузии и ее вечной борьбы. Всеми струнами своей души Тараш связан с этим далеким символом, ибо сама суть его образа навеяна прошлым. Амиран потерпел поражение в противоборстве с Христом (Д. Шенгелая), Тараш же

— с новой действительностью. Возлюбленная Тараша носит имя Тамар — древнейшее, можно сказать, самое распространенное в Грузии женское имя. Но Тамар — это та же Камар, которую похищает Амиран. Красивейшая принадлежит храбрейшему. «Ведь имя Тамар на протяжении веков звучало в сознании Тараша — красивое, благостное, озаренное мифами. Это имя некогда украшало крепости, замки, фрески, мосты, людей и деревни: овеянное бессмертными легендами, полное солнца и света. Таким когда-то было для него это имя». «Когда-то»... т. е. тогда, когда он мнил себя Амираном. Слова же «на протяжении веков» означают, что имена Амирана и Камар носили в своем сердце многие поколения влюбленных. Ведь символически Тараш вмещает в себя целые века — от первого сотворенного богом человека до современности. К этому надо добавить, что Амиран не выносит женщин, он борется с ними и губит их (Е. Вирсаладзе). Тараш также несет женщинам гибель. Однако «Камар» по-арабски означает луну. Поэтому в любви к Тамар проявляется древнейший грузинский культ луны — божества, отнятого у Тараша волнами разбушевавшегося Ингури. Для Тараша древний мир воплотился в образе луны, метафорой которой стала Тамар Шарвашидзе.

К. Гамсахурдиа создает миф жизни Тараша. Поэтому образ Тараша понятен только в свете мифологии. Благодаря непрерывной, хотя и скрытой мифологизации психики и жизненного пути персонажа складываются многочисленные ипостаси образа. Реально Тараш — человек 30-х годов, символически же он — вышедший из мира теней Эрамхут, Амиран, евангельский «блудный сын», шекспировский Ромео, библейский Авель, охотник Беткили, «батонеби», Эрос, апокалипсический всадник.

Так создаются мифологические ипостаси полифонического характера. (Ср.: в «Улиссе» Дж. Джойса Блюм является одновременно лордом Биконсфилдом, Байроном, Уоттом Тайлером, Ротшильдом, Мендельсоном, Робинзоном Крузо, мифологически же — Одиссеем, Адамом, Моисеем, Христом; Молль — в одно и то же время — Каллипсо, Пенелопа, Ева, Гейя, дева Мария и т. д.)

Образ Тараша разворачивается в девяти различных планах. 9 — число сакральное. Каждый из девяти планов (ипостасей) — олицетворение божественного начала. По этой же причине мифологические дэвы бывают о трех, пяти, семи, девяти головах. Дэв — языческое божество, превращенное

Архетип взаимоотношений Тараша и Арзакана идет из Библии, Тараш — Авель, Арзакан — Каин, Кац — Адам (по-грузински «Кац» — человек), детство — райский сад, Эдем. Примечательно, что «Авель» по-еврейски означает плач. «Каин» же — наживу. В «Поминках по Финнегану» Дж. Джойс разрабатывает ту же модель: по библейско-мифологическому коду Шем — Каин, Шон — Авель. Им сопутствуют противоположные ипостаси — Люцифер и архангел Михаил, Брут и Кассий, Веллингтон и Наполеон (В. Ивашева).

Арзакан, уступив Тарашу Арабию, посылает его на гибель. Арзакан — это Эдип и Каин (комплексы которых заложены в бессознательной психике и проявляются таким образом, что сам Арзакан не подозревает о них. Ведь Арзакану по должности полагается бороться с враждебными элементами). Прежде чем мы заметим вражду между героями, перед нами разворачивается символическая картина: Арзакан смотрит на собаку, облепленную жадно сосущими щенятами. Щенята стараются отпихнуть друг друга. Особенно усердствуют двое — иссиня-черный, как чернослив, и кремовый. Сука, лениво взглянув на них, продолжает дремать. Арзакан усмехается, отметив про себя, что и эти едва открывшие глаза существа уже враждуют между собой, и эта вражда не что иное, как проявление борьбы за существование.

Арзакан, как уже говорилось, — Эдип. Однако в политическом аспекте Эдип превращается в Юлия Цезаря (С. Аверинцев). Перед переходом через Рубикон Цезарю приснился страшный сон: «...будто вступил он в противоестественную связь с собственной матерью» (Плутарх). Сон означает, что повинен он в незаконном захвате, узурпации власти. Арзакану присущи стойкость духа и мужество воина, прямота и бесстрашие. Убийством отца он окончательно порывает со старым, так сказать, переходит свой Рубикон. Вскоре ему дают повышение по службе и переводят в центр. В нем усиливается инстинкт подавления окружающих, подчинения их себе, что обусловлено волей к власти. Арзакан — перевоплощенный Цезарь. Его жизнь — цезарева одиссея. Вековое смирение, вековая терпимость Звамбая изверглись лавой. Теперь они выходят на широкую арену, неприметное, растительное существование подошло к концу. Арзакан получает повышение в день гибели Тараша.

У Константина Арсакидзе также есть духовный предок — это борющийся с богом и со смертью Иаков. Повторяется символический миф, как вечный шифр жизни художника. Ситуация осознана. Арсакидзе пишет картину, изображающую схватку Иакова с богом. Прототип первого — сам художник, второго — католикос Мелхиседек. Но Иаков в то же время — архетип самого писателя, всю жизнь борющегося с христианским богом.

Архетип книжника Миха — Иоанн Килиптари, мцхетский сахлтухупеси. Взор старика обращен в глубь истории, ибо «и собственную жизнь он считает проигранной, подобно бесчисленным войнам Грузии». Период после 1801 года, по

мнению Миха, вычеркнут из истории грузинского народа. Тайно читает он отроку Сосо завещание Иоанна, в котором тот рассказывает о своем несчастье. И у него, как у Михаила, погибли дети и близкие. Скорбь сближает Миха с дедом — предком, трагическая судьба которого повторилась в его судьбе. Однако архетип всего рода — Шио, в свое время спасший Давида Строителя и вознагражденный за это потомственным званием сахлтухуцеси.

Баграт IV отдал всю свою жизнь борьбе с внешними и внутренними врагами страны. Он дважды брал Тбилиси, но удержать город не сумел. Ему не удалось претворить в жизнь национальные чаяния грузинского народа. Георгию II не под силу оказалось продолжить начатое отцом. Очередь была за Давидом. Перед ним стояла задача объединить Грузию, искоренить партикуляризм феодалов, справиться с самоуправством духовенства, освободить Тбилиси, в течение 400 лет пребывавший в руках арабов, изгнать турок-сельджуков из Закавказья. Для выполнения своей великой миссии он обращается за помощью к тени деда — Баграта IV. При царском дворе Баграта поминают с великим почтением и любовью. Чувство восхищения им привил молодому царевичу Махара. Для Георгия II, царицы Мариам, Махара Баграт — предмет поклонения. Лицемерное уважение к нему неоднократно выражает Липарит Орбелиани. Для Давида имя Баграта олицетворяет идею национального объединения. Духовное сходство между внуком и дедом проявляется с самого же начала. Махара врывается в залу и сообщает Давиду, что умирает Куджай, конь Баграта Курапалата. Царевич глубоко опечален. Его везде преследует предсмертное ржание Куджая. Он приказывает конюшему переименовать в Куджая своего коня. Однажды ночью Гегутский дворец сотрясает землетрясение. Махара спит в это время в зале Баграта. Южную стену залы украшает фреска, изображающая Баграта Курапалата, восседающего на коне. Во время землетрясения Куджай с фрески начинает ржать. Это ржание не умирающего, а боевого коня, рвущегося в битву. Сходство между Давидом и Багратом с удовлетворением отмечает царица Мариам.

Дворцовая церковь царя Ираклия напоминает Вахтангу Коринтели предков. На протяжении веков они были в этой церкви дьячками. Вахтанг рассматривает выцветшие от времени портреты на стене: здесь мать, маленькая сестренка, трое дядьев, отец Вахтанга Ростом — четыре поколения смутно проступают из глубины веков. Сознание прерывается на прапрадеде Кимоте.

Таким образом, найден и лейтмотивом проходит духовный архетип персонажа, чей мифологизированный образ рассеивается по всему повествованию и объединяет его в единое целое. Читателю приходится находить его вторично. Архетип определяет характер героя, его склонности, его образ жизни, свидетельствуя о том, что все в мире изменчиво, однако суть его — духовные или биологические гены — сохраняется, почти не поддаваясь социальной или наследст-

венной мутации. Устремления личности носят на себе отпечаток того, о чем мечтали, к чему стремились далекие предки. Человечество повторяет самое себя. Архетип раскрывает генетический характер человеческих достоинств и недостатков. Архетипы идут из глубочайших пластов времени и увязываются, с одной стороны, со св. Георгием, являющим собой первоначало национальной веры героев К. Гамсахурдиа, с другой — с Дионисом, возрождающим и утверждающим эллинский строй жизни, созвучный древнему колхско-иберийскому миру.

ТОТЕМ И ТАБУ

По древнейшим верованиям грузин, каждый предмет имеет своего духа. Таких духов христианство называет ангелами. Дух охраняет предмет и покровительствует ему. У человека есть и внешние духи, живущие в дереве или в животном. Поэтому жизнь человека связана с этими предметами. Если убивают животное или срубают дерево, человек умирает. Эти представления сохранились частично до наших дней. Уже в советское время в ущелье Тедзми, около деревни Риони, возле церкви Богоматери стояла липа, которой поклонялся род Джавахишвили. Между священным деревом и родом существовала некая мистическая связь (В. Бардавелидзе), род Джавахишвили будто бы происходил от этой липы. Внешний дух мог вселиться и в птицу. Этот дух являет собой тотемистическое представление, которое широко использует К. Гамсахурдиа. Человек имеет предков в лице животного, птицы, растения, которых он считает божествами. Этим божествам вверена душа человека.

Вначале тотем племени передавался потомкам по материнской линии. Существовали и индивидуальные тотемы, связанные только с одним человеком. Животное или растение, являвшееся тотемом, нельзя было убить или съесть. Принадлежавшим к одному тотему запрещалось вступать друг с другом в брак или в половую связь (З. Фрейд). Тотем создавал родственное по крови, родовое племя. Древнейшие имена и фамилии берут свое начало именно с этих времен, сохранились как пережитки тотемизма.

I. Тотем. Тараш сравнивает людей с животными, выискивает их тотемы. Участь, выпавшая на долю животного или растения, постигнет и человека, поскольку человек — неотъемлемая часть мира. Однако современный человек позабыл язык природы и не может понять ее своими инстинктами (например, изменение погоды, землетрясение животные и птицы чувствуют заранее).

Тарашу Джамлет Тарба напоминает коршуна, этот образ не выходит у него из головы, настроение портится, интерес к ритуалу скачек пропадает. Через несколько часов он убивает Джамлета. Этот образ основан на вере в переселение душ. В Сванети во время охоты его пуля попадает коршуну в горло, и перед его глазами мгновенно возникает Джамлет.

Призрак преследует его, не дает ему покоя и ночью, будто убитый им человек действительно превратился в коршунa и он убил его вторично.

Писатель сравнивает тура с Эросом, сбросившим своего соперника в пропасть. Эта фраза заставляет невольно вспомнить легенду о Беткили, которую сам автор рассказывает Тарашу. Охотника Беткили полюбила Дали — богиня охоты, Беткили же любит свою невестку Тамар (ср.: Арзакан и раньше любил Тамар, которая, таким образом, приходится Тарашу невесткой), соблазненную им в ночь перед Ламариоба. Чтобы отомстить Беткили, Дали являет ему белого тура (который может быть как самцом, так и самкой). Во время перхули тур проскальзывает между ног охотника (в легенде попеременно фигурируют белая серна, белый олень, белая лань и тур). Охотник бросается за осрамившим его животным. Тур завлекает Беткили на край бездонной пропасти и сбрасывает его вниз. Пока автор рассказывал эту легенду, его трижды прерывали, и трижды же по настойчивой просьбе Тараша он возобновлял свой рассказ. Тараша недаром интересуется судьба Беткили. Легенда о Беткили нашла отражение в его судьбе. Родственницу Беткили, которую он соблазнил, также зовут Тамар. У Тараша также отрезаны пути к отступлению, и удел его — одиночество. Эрос явился Тарашу в лице белого тура. Как-то раньше Тараш, беседуя с Каролинй о белой косуле, назвал ее «воплощением добродетели». Каролина удивилась: «Разве бывают белые косули?». Тараш сбъяснил ей, что белая косуля — уникальное явление природы. На самом деле белой косули не существует. В этом случае в нее вложен символический смысл. Через какое-то время после этого разговора Тараш и Тамар остались одни в купе. Дрожащая, плачущая Тамар напоминает Тарашу бьющуюся в агонии белую косулю. И здесь белая косуля олицетворяет Эроса, соблазняющего человека, обещающего ему высшее блаженство. Белая косуля означает начало любви, конец которой символизирует свирепый заматерелый тур. Обоих объединяет белый цвет. Несчастный Эрос, требующий ласки, нежности, сочувствия — весь беспомощность и одиночество, — неожиданно обрушивается на человека свой гнев, становится беспощадным, яростным, свирепым. У него отнюдь не «розовые пальчики», его стрелы наносят неизлечимые раны. Явившийся Тарашу Эрос меняет свой лик, и Тараш охладевает к Тамар. Вначале Эрос несет радость, затем же — смерть. Для Тараша Эрос перевоплощается в Тамар.

Этот образ трансформируется и является Тарашу в виде раненой косули. Эмхвари ласкает ее с такой нежностью и любовью, будто перед ним Тамар. Если бы только он понимал язык животных! Весь в крови, он целует прелестное животное в мордочку. Именно эту косулю убивает Темур. Тараш осмеливается упрекнуть старого охотника. Темур оправдывается: «Я заметил, что она ранена, но что было делать — есть-то надо?» Но почему же все-таки Темуру попала именно эта косуля? Мотивировано и это: Кац Звамбая расска-

зывает Тарашу, Арзакану и автору: «Олень сбрасывает рога по осени, а зимой они отрастают у него снова. Как только олениха зачинает детеныша, она уходит от самца. А самец носится по лесу, и если где встретит самку, бьет ее рогами, норовя вспороть брюхо; бывает, что и детеныша прокнет рогами». Не следует забывать также, что Тараш называется Темура туром. Темур так же свиреп, как самец тура. В этом прозвище раскрывается тотем Темура.

С косулей погибает тотем Тамар, а вскоре умирает и она сама (белый конь, белая самка тура, белая раненая косуля — три разновидности одной идеи). Возникает вопрос — какая реальная связь существует между Темуром и смертью Тамар? Как известно, Темур предлагает Тарашу в жены свою дочь Ламарию. Тараш соглашается и сообщает об этом в письме к Каролине. Темур становится между Тарашем и Тамар. Поэтому неудивительно, что по воле автора именно от руки Темура погибает тотем Тамар.

Для Тамар сам Тараш — Эрос. Друг в друге находят они этого бога любви. Создается новая модель взаимоотношений: Эрос — Психея, где Тараш — Эрос, а Тамар — Психея. Психея является Эросу бабочкой или юной девушкой с крыльями бабочки. Эрос завязывает с ней любовные отношения. Он ставит перед возлюбленной условие — Психея не должна видеть его при свете дня. Поддавшись любопытству, Психея нарушает условие и теряет Эроса. Она горько оплакивает утраченную любовь, но неумолимый Эрос исчезает бесследно. Осмысление этой модели дается в одной из глав романа — «Психея с завязанными глазами». Тамар и Тараш соединяет в конце узы вечной, небесной любви, провидением предначертано им обрести друг друга в мире теней.

Тамар представляется, что душа Тараша живет в платане: Тараш верит, что в природе нет бездушных предметов. Под этим платаном когда-то сидел он и читал Тамар платоновского «Федра». Сейчас с платана опадают листья и мрачное звучание осеннего реквиема заполнило все вокруг. Платан любил древние греки. Тараш же преклоняется перед «греческим эстетизмом». Эмхвари записывает в своем дневнике, что ствол платана покрыт замысловатыми узорами. Некоторые из них напоминают птиц с раскинутыми крыльями, другие — оленя с ветвистыми рогами или причудливые острова далеких морей. Природа Тараша подобна стволу платана — так же сложна и запутанна.

Тараш входит во двор Арзакана: «У него сжалось сердце, когда не увидел во дворе старых любимых деревьев, с которыми связаны самые сладкие воспоминания детства. Инжировые деревья сохранились, гранатовые — высохли, только некоторые покрыты цветами. Столетние ясени вокруг кукурузника, в дуплах которых обитали «демоны», срублены». В «Илиаде» Гомера порубка деревьев предвещает гибель людей. И у К. Гамсахурдиа платан, теряющий листья, и срубленные ясени символизируют смерть Тараша. Характерно также, что сохранились именно инжировые деревья, которые

не могут быть тотемом Тараша, эти деревья приносят плоды. Тараш же — бесплодная смоковница.

Герои «Похищения луны» называют автора, Константи́на Гамсахурдиа, волком. Ему нравится это имя, поскольку он и сам чувствует, что чем-то похож на волка. Сам автор раскрывает перед нами свой тотем — волк. Поэтому в «Молоде женщины» с таким сочувствием обращается он к одинокому, неприютному зверю: «Что ты воешь, несчастный, кого потерял или зовешь кого в этой мрачной пустыне, единственный брат мой, волк?»

И Тараша волнуе́т волчий вой. Но ведь и Тараш — одна из основных ипостасей многоликой души автора. Поэтому любовь к этому храброму зверю есть проявление переживаний самого автора: «Слышится чей-то вой. Кажется, волк! О, как я люблю завывания этого неприкаянного, затерянного в непроходимых ущельях животного! Может, он голоден в этих занесенных снегом ледниках. А может, и не голоден, и не чувствует жажды — просто холодно ему, одиноко и тоскливо. Он жаждет и страдает любви, а мне никого так не жаль, как тех, кто лишен любви». К. Гамсахурдиа и свою собаку зовет «Гери» (например, в новелле «Табу»). «Гери» — по-мегрельски «волк». «Гери» — для него то же, что и любимая собака Шопенгауэра Атия. Собаку Тараша также зовут «Мгеликой» (волчонком).

Тотем и покровительница Керы Махвша и семьи Липариани — змея (Мезир). Смерть Мезира совпадает с приближением взрывов к затерянной в горах башне. Жизненные корни престарелого Керы Махвша подрублены. На второй день после смерти Мезира Махвш умирает. Убив змею, Арзакан тем самым приближает его смерть.

Образ Шоре́ны связан с гепардом и оленем. Преподнесенный инглийцем царю гепард прыгнул со скалы и бесследно исчез. Во время землетрясения олени сломали плетню изгородь. Первой убежала Небиера, любимица и питомица Шорены. Подобно гепарду и оленихе, Шорена бежит в пховские горы. Царь Георгий убивает олениху, цветом похожую на Небиеру. Небиера — тотем Шорены и один из аспектов ее художественного образа.

Тараш видит на шелковице изумрудную квакшу. Он берет ее в руки. Передние лапки лягушки похожи на руки человека. Рот у нее такой же тупой, как у некоторых представителей рода человеческого. Квакша будто вопрошает — кто ты есть? Тарашу приходит в голову: «Кто знает, может, это человеческая душа вселилась в квакшу и в таком обличье сошла в этот мир». Хварамзе удивленно наблюдает, с какой бережностью опускает Тараш квакшу в траву: «Такой славный молодой человек, да, видать, тронулся умом», — думает она, затем вспоминает Эрамхута и заключает: «Видно, это у них в роду...» В этот же вечер Тараш приходит в гости к Шарвашидзе. Прежде чем зайти в дом, он навещает больного Лукайя. Когда Лукайя открывает глаза, Тарашу приходит в голову странное сходство между ним и давешней квакшей: «А глаза, глаза у Лукайя были такие же, как у

холодной, скользкой квакши, и в этих глазах Тараш прочел тот же вопрос: кто ты есть?» Это сравнение будто забывается, но через четырьестраниц, в финале романа, вдруг возникает снова: Лукайя знает, что Тамар не жилища на этом свете. Он навсегда покидает дом священника. Идет по лесу, направляясь к Зосимиа. Вдруг впереди него что-то шлепается на землю. Мальчишка-рыболов, увидев, что на крючок попалась лягушка, наступает на нее ногой. Лукайя потрясен, как будто на его глазах убили человека: «Лягушка была мертва, но еще долго шевелила задними лапками. Потом одна лапка замерла, а вторая продолжала судорожно подергиваться. Лукайя проклял мальчишку, утер слезы и продолжил путь». Старик увидел свою смерть. Это в первый раз он проклял человека, хотя случай к тому представлялся неоднократно. Но тут ему будто растоптали душу, и в нем поднялось неукротимое чувство мести. Придя на мельницу Зосимиа, Лукайя раздражил змею — «ангелозбатони», — и та ужалила его в горло, возле самого адамова яблока. «Сдавленно вскрикнул Лукайя Лабахуа, опрокинулся на мешки с мукой. Несколько секунд корчилось в судорогах его хилое тело, потом нога дрогнула последний раз, как у той раздавленной лягушки, и испустил дух Лукайя». Квакша — древесная лягушка, поэтому различные названия здесь не имеют значения.

Так крепнет связь между лягушкой и «юридивым во Христе» Лукайя. Смерти Лукайя предшествует смерть лягушки — его тотема. Слово «лягушка» в грузинском языке происходит от слова «болото», «трясина». Большая часть мегрельских земель заболочена, это оказывает определенное влияние на формирование личности персонажей. Саварсамидзе по происхождению — житель Колхиды. Вот почему его треплет лихорадка, этот бич мрачных мегрельских болот. Тот факт, что тотемом Лукайя является лягушка, свидетельствует о его происхождении, о том, что с древнейших времен его предки дышали ядовитыми испарениями болот, об их языческом прошлом.

В мифологическом плане Лукайя — жрец и апокалипсический ангел.

Арзакан сидит на берегу реки, наблюдает за полчищами спящих в воде мальков. Неумолчно щебечут птицы. Вдруг раздается пронзительный писк. Два воробья, слившиеся в единый комок пуха и перьев, стремительно падают вниз. Воробьихе удастся вырваться, и она почти шлепается на белый камень. Воробей разворачивается в воздухе и снова налетает на самку, не давая ей возможности ускользнуть. Арзакана смещит эта сценка. Ему приходит мысль о несправедливости природы, создавшей женщину такой беспомощной.

После этого случая проходит девять месяцев. Немало пришлось испытать Арзакану. Наконец в пещере дэвов он случайно убивает отца. Ночью Арзакан возвращается в Окуми, привозит домой останки отца. В доме Арзакана встречается Дзабули, она принимает его за Куджи и не открывает дверь. Ревность и сграсть охватывают Арзакана. Он силой

овладевает Дзабули, даже не помня, что тут же, в хурджине прах отца. Встает на рассвете и, как тогда — 14 августа, идет на берег реки. Вспоминает тот день: «Самец безжалостно клевал самку, и Арзакан усомнился в разумности природы, наделившей самца способностью к насилию».

Эта глава романа называется «Воробыха», таким образом, символ несет определенную нагрузку. Не следует забывать также, что Дзабули — крестьянка, здоровая, добрая, беззащитная, «простая, как мегрельское чонгури». Воробыха ассоциируется именно с Дзабули, поэтому можно считать, что она является тотемом Дзабули, ее внешней душой, с которой произойдет то же, что позднее — с олицетворяемой ею женщиной.

Тотемом же самого Арзакана является Кац Звамбая, его отец, которого он убивает, нарушив тем самым многовековую традицию, по существу, возвратившись к принципу древнейшего клана. Начинается новая эра, окрашенная кровью.

В «Цветении лозы» через весь роман от начала до конца лейтмотивом проходят два оленя — самец и самка. Они увязываются с образами Вахтанга и Суский, хотя писатель не говорит об этом прямо: однажды утром на скале у крепости Мамуки появился олень. Он жалобно трубил. На его рев высypпали полевые сторожа, пастухи, трактористы. Старики дивились — время рева давно прошло. Ниортава настолько растерялся, что забыл про ружье и начал искать камень. Восхищенный Годердзи погнался за прекрасным животным. Перебираясь через бревенчатые мостки, он поскользнулся и упал в овраг. Олень взбудоражил всю деревню. Через несколько дней Годердзи снова напал на след оленя. В лесу он набрел на полуразрушенную крепость. Через бойницу следил за бешеным бегом оленя. Но раздалось два выстрела подряд, и олень, как подкошенный, упал на землю. Оленя убил Канкре. Между ним и Годердзи произошла ссора. Дело дошло до драки. Победенный Канкре пообещал Эланидзе взяться за ум и заняться честным трудом. Когда тамада поднял тост за всех святых, раздался рев оленя. Это ревел олениха, потерявшая самца. После этого эпизода об оленях забывают, но проходит какое-то время и деревня снова просыпается от «жалобного рева».

Коринтели беседует с зашедшим на огонек Ниортава, и в это время со стороны крепости Мамуки снова раздаются олений рев. Гулухадзе рассказывает, что в течение нескольких лет в Гвелети на оленьей тропе можно было встретить неразлучную пару оленей. Этой же весной в Бермуха убили самца. Ниортава не упоминает, что оленя убил Канкре. Об олене опять забывают. Но в день свадьбы Коринтели и Суский он появляется снова. Коринтели с Суский спускаются в сад. Вдруг, сломав изгородь, в сад влетает олень. С удивлением смотрят Коринтели и Суский на застывшего под деревом зверя. «Отчаянно ревел олениха». Появление этого одинокого, потерявшего пару, тоскующего животного как раз в день свадьбы — плохое предзнаменование. Вспоминаются слова воспитавшей Рати Орбелиани горянки Асинети: «У нас

в горах верят: если олень ревет вблизи от человеческого жилья — жди беды).

Перед смертью Сускию будит рев оленихи. За несколько дней до смерти Вахтанга кто-то убивает олениху на болотах. Убивает ее Канкре, который как-то поклялся Годердзи: «Пусть родная мать станет мне женой, если когда-нибудь выстрелю в оленя». Таким образом, одновременно с гибелью самца умирает Суския, гибель самки предвещает смерть Вахтанга. Их жизнь оказывается связанной с жизнью этой пары оленей. На протяжении всего романа писатель подводит нас к тому, что олень является тотемом Вахтанга и Сускии, хотя об этом нигде не говорится прямо. Обоих оленей убивает один человек — Канкре. Канкре, так же как и Абриа, ненавидит новый колхозный строй. Он враждует с Годердзи из-за Нуну. Всеми силами старается он сорвать успешное начинание Вахтанга. Поэтому, убив тотем Вахтанга и Сускии, он символически убивает и их самих. Рев оленей как бы обрамляет собой весь роман. Это не случайно, ибо самец и самка оленя считались в древности жертвенными животными Диониса.

Грузины всегда поклонялись деревьям, особенно дубу. Там, где не росли дубы, поклонение переносили на липу. Культ дуба был распространен по всей Грузии, что находит аналогию в греческой мифологии. С культом дуба связан праздник Мизихту.

Процессию возглавляет восседающий на олене старик, увенчанный венком из листьев дуба. В «Похищении луны» девушки с венками из дубовых листьев на голове приближаются к священному дубу, хранителем которого является Ломкац Эсванджиа. Культ дуба по-мегрельски называют «чкондидоба». Дуб — любимое дерево Зевса. Один из двух прилетевших из Фив черных голубей садится на дуб св. Додоны. Не зря Зевса называют «Тегонайос» — живущий в дубе. Его дуб буквально усеян черными голубями, через которых Зевс возвещает людям свою волю. Тараш объясняется Тамар в любви. Они проходят мимо дуба Додоны. Черные голуби с шумом взлетают и усаживаются на соседнее дерево. Любовь Тараша и Тамар с самого же начала овеяна печалью. Позднее потерявшая Тараша Тамар одна проходит мимо того же дуба. При виде стаи черных голубей сердце ее наполняется еще большей скорбью. Где это слыхано — черные голуби? В церкви ей становится плохо — ей мерещится, что весь божий храм заполнили черные голуби — символ ее несчастливой любви. И Зевс не пожелал стереть любовью вражду между двумя родами.

Арлан Аренба поджег в Дурипши пятисотлетний дуб. По древнему поверью, этот дуб — тотем целого народа, гибель которого неминуемо принесет несчастье. В «Похищении луны» служитель священного дуба — двадцатилетний Ломкац Эсванджиа. Этот дуб являлся его тотемом.

Георгий Чкондидели, как свидетельствует уже сама его фамилия («чкони» — дуб), неотделим от дуба, в дубе живет его душа. Он не только служитель священного дуба, дуб —

его тотем. Больного Георгия навещают его молочный брат Беса и священник Эквтиме. Великий визирь лежит в своей спальне. Местумретухуцеси дважды подходит к дверям и поминает, что обед подан. Чкондидели не отвечает, однако, узнав о приходе Беса и Эквтиме, молча встает с постели. В разговоре с Беса Георгий спрашивает о большом дубе. «Выстоявший вековые бури и грозы дуб по-прежнему величествен». Вспоминает Георгий и о яблоне, вокруг ствола которой обвилась лоза толщиной в буйволиную шею. В яблоню попала молния, и ее срубили. Срезали и лозу, переставшую плодоносить. Георгий вздыхает: «Эх, все, что стало бесплодным, надо предавать огню». Эти слова свидетельствуют, что душа Чкондидели связана также с яблоней и с виноградной лозой. Ведь Георгий неизлечимо болен, семьи же у него нет. Яблоня и виноградная лоза — символы плодородия, достатка, счастья.

Однако все так же непоколебим большой дуб, в котором живет душа Георгия. Георгий поддерживает царя в борьбе за объединение Грузии. Он привил молодому царю собственные идеи, надежды и чаяния, положил конец его колебаниям: «И я был молодым, сынок, и мне были знакомы все человеческие страсти, но долг превыше всего. Жертва должна быть принесена. Лучшего из лучших выбирает господь печья о благе народа. В Чкондиди, там, где стоял некогда дом моих предков, рос единственный дуб. Тысячу лет поклонялись ему отцы и деды.

Поклоняясь, возжигали у ствола этого великана восковые свечи.

Недавно в дуб ударила молния.

Это было единственное дерево в Грузии, носившее мое имя.

А теперь подумай, сынок, сколько дворцов возведено и сколько деревьев посажено в твою честь, которые цветут и поныне».

Вскоре после этого разговора Георгия не стало, ибо дуб, в котором жила его душа, сожгло молнией. Его жизненные корни подрублены судьбой.

В «Цветении лозы» дуб, как и виноградная лоза, изображен тотемом целого народа. Деревня, в которой разворачивается действие, называется Бермуха («Старый дуб»). В окрестностях деревни сохранились места, где стояли когда-то дома, церкви, цвели виноградники. Было время, когда здесь кипела жизнь. В результате всевозможных бед и несчастий, сотрясавших страну на протяжении веков, вымерли люди, пришли в запустение сады, иссякли древнейшие источники, «Оленье озеро» превратилось в трясину. Когда-то деревня называлась «Девять дубов». Восемь дубов погибли от ударов молнии, во время нашествий или просто зачахли от старости. Эти восемь дубов аллегорически олицетворяют Грузию, претерпевшую на своем веку множество невзгод. В затяжных войнах погибло множество людей, страна опустела, как после мора, были стерты с лица земли деревни, церкви, храмы, разрушены города, древнейшие памятники культуры, утрачены две трети территории. Внешние и внутренние враги разо-

рили страну. Если во времена царицы Тамар население страны превышало 5 миллионов (П. Ингороква), то к 1800 году оно сократилось до 675000 человек. Вот о чем повествуют восемь погибших дубов, корни которых остались в земле, как волнение исторических страстей в памяти народа. Но пришла и в Грузию Советская власть, а с ней молодые, энергичные, знающие специалисты, энтузиасты своего дела и патриоты своей страны. Задумали они возродить старую грузинскую деревню, обильную, цветущую. Роман начинается и кончается символическим дубом. «По-прежнему радостно шелестел листвою негнижимый старый дуб, навечно останется он в моем представлении символом бессмертного, неистребимого духа грузинского народа». Дуб олицетворяет силу и физическую выносливость народа. Именно так воспринимает его и Коринтели: «Из своего сада я часто смотрю на старый дуб. Он представляется мне символическим существом. Несмотря на преклонный возраст, его старые ветви каждую весну выпускают новые побеги. Это бессмертный инстинкт вечного обновления жизни». Годердзи и Нуну мы встречаем именно у этого старого дуба. Отсюда уходит Годердзи на фронт. Здесь жарят шашлыки в тот день, когда Годердзи снова обретает дар речи. Дедушка Микела поднимает на руки ребенка Годердзи и показывает его старому дубу и небесному светилу.

Старый дуб — тотем Годердзи Эланидзе.

В прозе К. Гамсахурдиа получают осмысление четыре основных тотема грузинских племен — дуб (могущество), змея (мудрость), лоза (плодородие) и олень (красота). Генетическая связь между человеком, животным и растением, с одной стороны, воссоздает колорит грузинского национального быта, с другой — раскрывает принципы художественного мышления писателя.

Здесь же следует коснуться понятия так называемого мифологического четырехугольника. Год состоит из четырех времен, земля имеет четыре стороны, в основе вселенной лежат четыре стихии, общество подразделяется на четыре социальные касты, круг ближайших родственников складывается из четырех поколений (В. Иванов). К этому надо добавить пространственно-временной четырехугольник, вмещающий все сущее. Галерея персонажей К. Гамсахурдиа создается четырьмя первичными моделями — Фотограф, Наполеон, Дженнет и Окопир. Вне этих персонажей находятся четыре идейных ядра — искусство, политика, любовь, вера. В древнейших верованиях грузинского народа берут начало четыре тотема — дуб, змея, лоза и олень. Соответственно они олицетворяют собой четыре силы — могущество, мудрость, плодородие и красоту. Тотемы и их символы повторяют те же основные мотивы, которые выражают первичные модели персонажей и их смысловые начала: а) Фотограф — искусство — лоза — плодородие; б) Наполеон — политика — дуб — могущество; в) Дженнет — любовь — олень — красота; г) Окопир — вера — змея — мудрость. Таким образом, этот четырехугольник представляет собой первоначало психики и сознания писателя.

Обычно у писателя семья состоит из четырех человек: воспитатель (отец), кормилица (мать), субъект и молочный брат. Это в реальной жизни. В мифологическом плане также можно построить четырехугольную схему — Дионис, св. Георгий, Христос и субъект. Главный герой находится на границе между видимым и невидимым. По этой причине он объединяет собой реальные и мистические триады. Таким образом, в художественной концепции К. Гамсахурдиа нашла бессознательное отражение структура т. н. мифологического четырехугольника (из четырех членов состоит и первая семья — Адам, Ева, Каин и Авель).

2. Табу. Табу — ядро тотемизма. Не убивать (и не есть) тотем, не допускать инцеста — вот первоначальный смысл табуирования. Позднее появился запрет упоминать имена врагов, вождей и усопших. А еще позднее на основе всего этого сложилась целая система табуирования. Сегодня табу означает запрет, основанный на религиозных предостережениях. Эквивалент этого полинезийского слова существует в мегрельском диалекте — это «вашинерс», неперебиваемое на грузинский язык. Это слово, равно как и «вашилебе» (нельзя), выражает запрет. Первое слово накладывает запрет на обычные действия или разговоры, второе же — связано с анимистическими представлениями. «Вашинерс» всегда носит религиозный оттенок значения и произносится в исключительных случаях. В мегрельском два этих слова четко дифференцированы. К. Гамсахурдиа ввел в литературный язык два слова, выражающих анимистический запрет, — «табу» и «вашинерс». Обращение к системе табуирования было обусловлено тем, что она являлась составной частью мифологии и языка. «Нечистая сила никогда не упоминалась из страха накликать беду. Медведя называли «святейшим», шакала — «сбившимся с пути», мышь — «зубастой», муравья — «горбатым», ястреба — «высоколетающим», ворону — «дудуча» (черноголовой), змею — «та, что в черной чохе». Жители села Начкведи не понимали, что «слово сильнее дела». Для них «вашинерс» не существовало. Поэтому и погибла вся деревня. Скорпион появлялся там, где его поминали, и сеял вокруг смерть. Люди умирали, и имя скорпиона было у всех на устах. Дьякон верит, что если бы на скорпиона было наложено табу, деревня уцелела бы. Сколько живых существ было переименовано человеком, чтобы отвести от себя беду!

Первобытный человек верил, что мир населен добрыми и злыми духами (мистическими существами). Злых духов почитать не полагалось, ибо они могли откликнуться на зов и причинить человеку вред. Но и добрым духам не нравилось, когда их поминали всуе. Одно из инфекционных заболеваний (корь) грузины называли «батонеби». (Кормилица считает, что Тamar больна корью — «батонеби»). Во множественном числе, поскольку болезнь распространяла целая группа духов. Подлинное название заболевания забылось, сохранился почти-тительный эвфемистический эпитет (К. Джорджанели). В новелле «Табу» рассказывается о переименованных в соответствии с «вашинерс» животных.

В «Похищении луны» писатель прибегает к «вашинерс» сванских охотников. «Всех нас Темура переименовал. Сам назвался птицей Напооли, меня назвал Волком, Арзана Туром, Эмхвари — почему-то Рыбой, Кац Звамбаядем, Саура — Козулей и т. д. Ружье же должно было называться Тархан-металлическим». Во всех своих произведениях К. Гамсахурдиа обращается к системе табуирования персонажей — к многоименству, до последнего времени распространенному в Мегрелии и Хевсуретии, а в былые времена — во всей Грузии. Таким образом, анимистические представления получают функциональную нагрузку.

ПАРЦИАЛЬНАЯ ДУША

По языческим верованиям грузин, отдельные части человеческого тела также имели свою душу. Парциальны волосы и ногти. Срезание волос и ногтей ассоциировалось с несчастьем. Вернувшемуся в Окуми Мисоусту мать рассказывает слышанную им не раз в детстве сказку, как в Мзетунахави вселился бес, как девица срезала свои золотые косы и как после этого опостылевшая она влюбленному в нее рыцарю. В основе этой сказки лежит архетип, претворение которого в действительность разъединило Тараша и Тамар. Тараш не разрешает Тамар срезать косы, ибо в волосах обитает парциальная душа. Это не известно Тамар, но хорошо известно Тарашу, занимающемуся вопросами колхского фетишизма.

Волосы Сускии красивы неземной красотой, напоминают объятые пламенем обрезки виноградной лозы.

Этот образ проходит лейтмотивом через весь роман. Волосы Сускии излучают жизнь. Своим цветом они напоминают Коринтели виноградную лозу, ибо всю свою жизнь он посвятил выращиванию лозы, о которой мечтали его предки. Виноградная лоза исторически неотъемлема от грузинского быта. Лоза, как и старый дуб, является олицетворением всей Грузии. Дуб — символ стойкости и негибкости, лоза — символ плодородия, веселья, счастья. Именно Суския рождает Вахтангу сына, о котором он мечтал всю жизнь. Нико Мирианашвили Суския напоминает богиню плодородия. Волосы мертвой Сускии уже не кажутся Вахтангу объатыми огнем побегами лозы.

Арсакидзе оступился на лесах, ухватился за бревно и обломал ногти на правой руке. Заметил это он только тогда, когда начал мыть руки. Он наточил нож и решил срезать ногти. Но и в ногтях живет человеческая душа. Срезание ногтей приближает смерть. Арсакидзе повредил ногти на лесах Светицховели. Это символизирует фатальную роль храма в его жизни.

КУЛЬТ СВ. ГЕОРГИЯ

Покровитель Саварсамидзе, Тайя Шелия, семьи Харбедия — суджунский св. Георгий; Фотограф заклинает людей милостью св. Георгия; мать Дженнет поручает дочь заботам св. Георгия; персонажи «Похищения луны» (Кац, Тараш, Та-

мар, Лукайя, Гвандж Апакидзе, Ломкац Эсванджиа) внутренне связаны с илорским св. Георгием. Георгий I перед смертью говорит, что настиг его «гнев змееподобного св. Георгия». В день освящения Светицховели католикос Мелхиседек среди многочисленных икон находит образ св. Георгия, выполненный грузинскими мастерами; именно к св. Георгию обращается он с мольбой «исцелить великого мастера Ареакидзе»; в «Вожде» упоминается горисджварский св. Георгий; в «Цветении лозы» старики молятся св. Георгию Квакаца.

Писатель исходит из того обоснованного положения, что «почти все главные церкви и храмовые праздники в Грузии связаны с именем св. Георгия». В религиозных представлениях грузин «первое место занимает св. Георгий, второе — бог-творец, третье — пророк Илья». «Везде, где жили грузины, сохранились следы поклонения луне; поэтому почитание луны как верховного владыки и божества следует считать древнейшим верованием всех грузинских племен» (И. Джавахишвили).

В грузинском языческом пантеоне солнце — божество женского пола, луна — мужского. Место культа луны занял св. Георгий. В древнегрузинском, мегрело-чанском и сванском календаре понедельник именуется «днем луны». Саварсамидзе вырастил Тайя Шелия. Ему всегда помогает суджунский св. Георгий, во всемогущество которого он безгранично верит. Поэтому «день луны» для него священен: «Поскольку по понедельникам я никуда не хожу, пойдем в Албано во вторник»; «Я никогда не начинаю дела в понедельник и никуда не хожу в этот день». Так же почитают понедельник Кац Звамбая, Тараш, его кормилица Хатуна, Гвандж Апакидзе, Антон Кутатели, Георгий II, Махара, Липарит Орбелиани (А. Цанава). Мать предупредила Арзакана, чтобы в понедельник он никуда не ходил. Юноша не внял предостережению и по дороге едва избежал смерти. В понедельник пропадает сын Нуну — маленький Микела.

По традиции грузины и сегодня считают понедельник днем несчастливым, приносящим неудачу. Бессознательно проявляется страх перед днем луны и связанный с ним запрет, нарушение которого влечет за собой несчастье. Выходным днем у грузин по идее должен был быть понедельник. Так сложилось сакральное значение понедельника, нашедшее отражение в прозе К. Гамсахурдиа.

Душа Тараша Эмхвари исполнена языческой радости бытия. Он поклоняется св. Георгию — древнегрузинскому божеству луны, сохранившему следы языческих верований. Св. Георгий был изображен на знаменах в феодальной Грузии, на гербе меньшевистской Грузии. Похищение луны, давшее название роману и вошедшее в название последней его главы, подразумевает, что луну — св. Георгия поглотил Ингури (с одной стороны — революция, с другой — Ахеронт). Вместе с луной канули в небытие старый мир, языческие ритуалы, радости детства, духовные идеалы. В волнах жизни Тараш потерял ориентир и оказался перед последней чертой в лице бегущей реки. Название романа — «Похищение луны» —

символическое осмысление мифологии, так же как «Улыбка Диониса» и «Цветение лозы».

К. Гамсахурдиа предпринял попытку реконструировать прагрузинское бытие. Стойкий колорит, реальное обрамление анимистических представлений и языческих ритуалов создают этнографические и фольклорные детали, уже простое перечисление которых вызывает определенное впечатление: Калан-доба, Хингкириа, Муркваноба, Малануроба, сглаз, изгнание бесов, рождество, народные сказания, легенды, песни и т. д.

ДИОНИС И ХРИСТОС

Миф — это не только архетип, но и структура. Соединение различных мифов создает символический план. К. Гамсахурдиа проповедует культ Диониса, главное в котором — оргиастический экстаз (В. Иванов), и сопоставляет его с учением Христа, призывающего к самоотречению и умерщвлению плоти. Уже идея плодородия и бесплодия, которой мы коснулись выше, по-видимому, заимствована из мифов о Дионисе и Христе. Вспомним, что мать Диониса Семелу Зевс обратил в пепел, предварительно освободив из ее утробы ребенка и зашив его себе в бедро. Согласно второму варианту, Дионис появился на свет именно в тот момент, когда Семела обратилась в пепел. Несмотря на то, что Дионис олицетворяет собой оргиастический культ, он сам бесплоден, у него нет потомства. Кроме того, Дионис — единороден, так же как и Христос, который был зачат Марией беспорочно. У Христа также нет детей. И Дионис и Христос единородны, исключительны, неповторимы. Единородство Диониса, его бесплодие и его мученичество, гибель и возрождение стали основой общей структурной модели жизни главных героев К. Гамсахурдиа (проза II периода). Эти герои также единородны и бездетны, существа высшего порядка и в то же время мученики.

Следует отметить, что каждому отрезку жизни человеческой, каждой идее и каждой форме можно приискать аналогию в мифологии разных народов. Однако при этом не должен нарушаться принцип историзма, писателю не должно приписывать того, что превосходит его возможности. Между конкретным мифом и произведением должна существовать связь, поддающаяся логическому осмыслению. Типологическое сходство — это одно, генетическое же происхождение — другое. Герои К. Гамсахурдиа посредством мифологических аллегорий выражают вегетационность природы, вечное движение мира, материи. Смерть для природы — то же, что для человека сон, нечто обязательное, естественное и безболезненное.

Христианскому пессимизму противопоставляется пессимизм дионисийский, и миф превращается в высшую форму человеческого творчества. «Знаете ли вы, как страшен поэту кризис? Кризис грубо отрезвляет душу, рассеивает чары мифов и сновидений.

Кризис?

Жизнь без мифов.

Для нас: небытие.

Ходить по земле лишним человеком.

Тебя охватывает непреодолимая лень.

Запах чернил вызывает отвращение, как кахетинское вино в похмелье, и сам удивляешься тому, что когда-то был охвачен желанием слагать мифы и мог словом зажечь людей.

Во время такого кризиса я могу только охотиться.

В начале был миф. Все в нашем мире, если возникло, то возникло из мифа. Миф предшествовал человеческому бытию.

Миф был самым первым замыслом богочеловека и художника, и когда все обратится в ничто, останется, скорее всего, миф...

Взять хотя бы деревню Начкведи... Более тысячи дворов исчезло с лица земли, более тысячи очагов угасло.

Рыси и сычи обосновались там, где стояли дома. Начкведская церковь осталась только в кошмарном сне веков. И от самой большой во всей Мегрелии деревни сохранился только темный миф, да разве один?» («Табу»).

Совершенно разное отношение к мифу проявляется в «Табу», «Красоте» и в «Хогаис Миндиа». «Табу» — новелла экспрессионистическая, воссоздающая атмосферу мифа. В ней нет объективной легенды, истории или изложения. Это лишившийся красок миф, охваченный печалью вымирания. «Красота» и «Хогаис Миндиа» — философско-художественное преобразование существующего материала. К. Гамсахурдиа щедро использует в этих новеллах этнографические детали, фольклорный материал, сказания, называет имена забытых богов. Легендарное, языческое и собственно мифологическое претворяются у него в поэтические мифы. Эта тенденция сближает его с понятием народного, но в первую очередь выражает национальное. К. Гамсахурдиа — писатель национальный, а не народный. Под колхские (Эрге, Очокочи, Агуна, Алишкинтри, Месефы, Жини, Антари), абхазские (Джаджи, Апи — тот же колхский Воби), хевсурские (Очопинтре) или сванские (Дали) ответвления языческого пантеона, под ритуалы Муркваноба, Мезира, Хехуджоба, Амшапа, Тердоба и Малануроба подводится прочное национальное основание.

Родные языческие божества уничтожены богом пустыни Христом. Однако в памяти народной сохранились имена дохристианских идолов (Гац и Гаим, Армази и Задени) и капищ (Гуданис Джвари, Хахматис Джвари, Копала). Язычество, маздеизм, митраизм и христианство переплелись друг с другом, граница между ними стерлась. Сложилась национальная модель христианства. Символом языческих ритуалов и представлений остался св. Георгий, противопоставляемый Христу. Персонажи К. Гамсахурдиа больше придерживаются языческих верований, нежели учения Назарейнина. Даже строителем христианского храма Светицховели у К. Гамсахурдиа становится «язычник-пховец».

Две эти позиции не только противоположны, но и открыто враждебны друг другу. Шавлег Тохаисдзе заявляет: «Крест Христов был главной причиной несчастий нашего народа». Тараш говорит: «Ох, уж этот крест Христов!.. Знаешь, Тамар,

когда я путешествую по Европе и смотрю на эти несметные толчища церквей и храмов, от Дарданелл до границы Исландии, я всегда удивляюсь тому, чем стал этот крест. Рожденный в маленькой грязной Палестине сын плотника, насадил по всей земле целый лес крестов. И наша страна стала жертвой этого креста». Саварсамидзе всегда упоминает христианство со жгучей ненавистью: «Уйдя в свои мысли, я сбился с дороги. На узкой тропинке — Христос, распятый на огромном черном кресте! Сама пустыня взирает на меня с его мученического, искаженного гримасой страдания лица. Его вид вызвал у меня ту же неприятную дрожь, что и в детстве, когда я увидел его впервые. Я замахнулся тростью на бога пустыни, возникшего передо мной в этом изумрудном раю. Распятие свалилось. Гипсовая фигура разбилась на мелкие кусочки. Я наступил ногой на крест и непристойными словами обругал Христа».

Любимый бог героев К. Гамсахурдиа — Дионис (в некоторых случаях он выступает как Бахус — в «Деснице великого мастера» и в «Цветении лозы»). Дионис, как известно, божество умирающее и возрождающееся, являющееся выражением вегетационности природы, ее вечного преобразования и обновления. С мифом о Дионисе схоже грузинское сказание о св. Георгии. Бог расчленил тело этого святого на 360 кусков и разбросал их по всему свету. Там, куда упали отдельные куски, впоследствии были выстроены церкви. Фактически св. Георгий — также умирающее и возрождающееся божество, равно как и Христос (И. Сургуладзе). Поэтому для героев К. Гамсахурдиа смерть — это возможность обновления и возрождения.

Дионис — божество двуполюе, хтоническое, он являет собой диаду, сочетание двух начал (в нем сливаются небо и преисподняя). Он должен был быть распят, поскольку «крест Христов — высший символ». Поэтому писатель называет Ницше «распятым Дионисом». Поклоняющиеся Дионису должны были претерпеть муки, будучи принесенными в жертву гучьту. Культ Диониса и связанные с ним ритуалы породили греческую трагедию. Однако от этих же начал происходит жизненная трагедия вообще, трагедия человека.

После обращения к исторической тематике ненависть к христианству у К. Гамсахурдиа ослабла, будто даже улеглась совсем. Но фактически единственный нарисованный им с любовью образ служителя Христа — это Георгий Чкондидели. Языческо-христианский дух воплощен в св. Георгии и Дионисе, в этом грозном боге вина и веселья. Поэтому в мифическо-языческом плане выделяются два пласта — грузинский и греческий.

По убеждению К. Гамсахурдиа, в представлениях грузин бессознательно соединились язычество и христианство. Это оригинальное сочетание выражено преобладающим влиянием св. Георгия.

В прозе К. Гамсахурдиа Дионис и св. Георгий мирно уживаются друг с другом. Его герои-язычники поклоняются и тому и другому. Св. Георгий — носитель национального на-

чала, ибо олицетворяет собой луну. Дионис же — воплощение уклада жизни, близкого к древнейшему быту колхов и иберийцев. «Дионис — враг Христа». Он в союзе с теми, кто борется против этой ненавистной религии. Дионис и Христос — классическая оппозиционная пара. Христианство — религия пришедшая, пытающаяся объединить в себе национальные черты и быт породившего ее народа. Борьба между Дионисом и Христом проявляется и в аллегории рыбы. Рыба — ипостась Диониса, но символизирует и Христа: Саварсамидзе неоднократно сравнивает себя с рыбой и рыбаком: «Я сам рыба», «Мой любимый двойник — рыба», «Кричу в экстазе: рыба, рыба, рыба». «Ни для кого не тайна, что мы, поэты, схожи с рыбами» и др. Во время охоты Тараша переименовывают в Рыбу.

Саварсамидзе поклоняется Дионису. Этот бог веселья и плодородия предстает перед нами в разных масках. Однако по отношению к другим людям и сам Саварсамидзе — Дионис, излучающий любовь, счастье, эллинскую красоту. Однако все это приносит не радость, а горе, все это безжизненно и бесплодно, как лунный свет, поскольку Дионис — божество свирепое. Мистерия расщепления Диониса на мелкие части, его мук и воскрешения из мертвых повторяется в судьбе персонажей, как непреложный закон изменчивости бытия. Грузинской мифологии также известны умирающие и возрождающиеся божества (например, Амиран, бог-юноша и др.). Мир будто готов к поклонению «терпящему муки, умирающему и воскресающему из мертвых божеству», и мистерия воплотилась во Христе. Саварсамидзе, пройдя через крестные муки, тоже умер (сошествие в ад) и тоже воскрес. Поэтому и в его жизни повторяется дионисийская модель. Ведь и он единороден и бесплоден.

Когда тело Фарвиза приносят в дом к Дженнет, женщина проклинает Саварсамидзе: «Ты разрушил мою семью, ты — злой дух, будь ты проклят на веки вечные, змей, змий!» Бог любви принес с собой ненависть. Женщина ждала от него радости, он же поверг ее в пучину горя и отчаяния. Саварсамидзе видится теперь Дженнет змеем. Дионис являлся людям в разных масках. У него следующие атрибуты и ипостаси: змей, младенец, факел, плуц, олень, козел, дельфин, бык, лоза, рыба, леопард, горный сокол и др. (В. Иванов). Аналогичным образом создает и К. Гамсахурдиа ипостаси своих героев, показывая при этом, что под разными сменяющимися масками скрывается все тот же жестокий бог веселья. Во сне Саварсамидзе видит, как в ложе его ползет увенчанная гребешком змея. Он гонит ее от себя. Змея — олицетворение будущего ребенка, которого Дженнет не дано родить. Теперь змеем или Дионисом является обезумевшей от горя Дженнет сам Саварсамидзе. Но змея — также и грузинский тотем, истоки которого восходят к индийскому миру, Поэтому в лице Саварсамидзе дионисийская Грузия обрушивается свое возмездие на Дженнет, поскольку «грузинская женщина не должна выходить замуж за чужеземца», тем более — за перса. Персы и турки в сознании грузин исторически ассоциируются с извечным, вероломным и жестоким врагом.

К мифам и языческим верованиям еще до К. Гамсахурдиа обращались А. Церетели, Важа Пшавела, В. Барнов, С. Шаншиашвили. Из них только Важа Пшавела создал из жизни своих героев новый миф на основе грузинского материала. К. Гамсахурдиа перенес концепцию Ницше о Дионисе и Христе, о сверхчеловеке на грузинскую почву и, собрав факты, открыл новую оппозиционную систему.

В «Деснице великого мастера» между язычеством и христианством идет открытая и непримиримая война. Талагва и Мамамзе восстанавливают молебни предков, разбивают иконы, вешают попов и монахов на колокольне. Пьяная толпа угрожает занять Мцхета, свергнуть царя Георгия, посадить на престол Чиабера, восстановить Армази и Задени. Языческое движение отмечено печатью партикуляризма. Оно противостоит идее объединения Грузии, абсолютной монархии. Поэтому симпатии писателя на стороне царя и католикоса, ибо родина — превыше веры. Вера царя Георгия также не отличается стойкостью. Для него крест Христов — лишь средство подчинения своей власти непокорных феодалов. Именно с этой точки зрения, а отнюдь не как религию и идеологию, оценивает К. Гамсахурдиа христианство.

К. Гамсахурдиа, так же как и Р. Вагнер, не исходит из мифа и фольклора, а приходит к ним. Изображенные им божества и описанные ритуалы фактически не сохранились в памяти грузин XX века. Мало кто помнит Ламариоба, Малануроба, культ Мезира или Месефов. Забвению не был предан только св. Георгий — тот же Иисус Христос. К. Гамсахурдиа использовал богатый этнографический, мифологический, фольклорный и исторический материал. Установленные научными исследованиями факты, положения, выдвинутые гипотезы он не только соединил с процессом художественного повествования, но и подчинил их последнему. Тем самым он воспроизвел национальный быт, веру, нравы и обычаи, первобытные представления, свидетельствующие о генетической самобытности грузинского народа. Все это стало основой воссоединения в художественном слове этнических, территориальных, культурных, языковых и исторических признаков грузин. Миф, история и современность образовали грандиозное, единое и неделимое целое. Первобытное мышление древних колхов и иберийцев озарилось светом сегодняшнего дня.

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

Время и пространство, как форма существования материи, — сложнейшие философские категории. Начиная с античности, каждая философская школа давала этим категориям собственное объяснение. Марксистско-ленинская философия доказывает объективное, независимое от сознания существование времени и пространства, их относительный характер. Из этих относительных представлений возникает абсолютная истина, к которой неуклонно стремится человеческий разум. Процесс познания безначален и бесконечен. Существование време-

ни и пространства обуславливается материей и ее движением. Продолжительность явления — величина относительная и определяется системой счисления. Понятие времени — пространства вошло в науку как отрицание ньютоновой физики и евклидовой геометрии. А. Эйнштейн создал общую теорию относительности, по которой время и пространство представляют собой четырехмерный искривленный континуум Римана. Пространство безгранично, но конечно (поверхность земли не имеет конечной точки, но имеет законченную сферическую форму, т. е. конечна).

1. Заполнение календарного времени

Искусство основано на субъективном понимании времени и пространства. Логическое понятие распадается, объединяясь со сферой фантазии, желаний, сновидений, в которой предметы меняются в соответствии с волей художника. Роман преломляется через живопись, музыку, скульптуру. Персонаж обретает свое лицо, цвет кожи, прическу, манеру речи. Он перемещается в определенном пространстве. Но он не один. Персонажей много, и все они вступают в определенные взаимоотношения друг с другом. Роман создается как аналог жизни, зрелищный, как театр и кино. Каждое художественное произведение само по себе — индивидуальная модель мира, его образец и в то же время соперничающий с ним двойник. В нем действует истина, обретенная в процессе познания. Каждое произведение — феномен пространственный и временной. Оно — отражение не только определенной эпохи, но и конкретного времени и пространства.

Проза К. Гамсахурдиа также содержит своеобразное, собственное понимание времени и пространства. Между календарным и романским временем нельзя поставить знак равенства, и тем не менее в реалистической и классической литературе эти понятия были соотносимыми. В новейшей философии и науке традиционное время утратило свою конкретность, подверглось скепсису, по сути дела, перестало существовать. Время — плод субъективного воображения. Возникает трансцендентное стремление к преодолению времени и пространства. Эта тенденция иллюзорно воплощается в романе, ибо гораздо легче подчинить себе фантазию, нежели логически упорядочить реальность. М. Пруст создает метод восстановления утраченного времени, ищет в памяти сохранившиеся фрагменты прошедшего. От того, насколько успешны эти поиски, зависит восстановление реального времени. Для М. Пруста действительное время — это бег лет, заключенных в плену искусства (Л. Андреев). Дж. Джойс разрушает логическую границу пространства, создает современную вариацию «Одиссеи». Он стремится уместить вечность в мгновение. На персонажей и их ипостаси возлагается миссия объединить многообразный опыт человечества. Например, Анна Ливия Плурабель выражает карнавальную пестроту, многоликость, многообразие. Она — Деметра, Ева, Изида, Изольда, речка Лиффи, облако, как вечная метаморфоза женской души, как вечная женственность (Д. Жантиева, Н. Михальская). У. Фолкнер пытается

остановить мгновение, сохранить неподвижность. Он знакомит нас с семьей Томпсонов («Шум и ярость»). Повествование сюжетно делится на четыре части. Все четыре передают одно и то же событие. Историю семьи вначале рассказывает глухой немой Бенджи, затем ее излагает его брат Квентин. Третий брат Джессон рассказывает уже знакомую историю в третий раз. Но автору недостаточно и этого, и наконец он подводит итог — сам выступает в роли рассказчика истории семьи Томпсонов. Тем самым Фолкнер восстанавливает модель евангелия — вариационного повествования четвероглава. Ганс Касторп Т. Манна семь лет проводит в комфортабельном санатории в Швейцарии. Эти семь лет как бы выпадают из его жизни, разрушая тем самым пространственно-временную границу («Волшебная гора»). В герметической атмосфере духовная активность рождает самые различные приключения. Простой парень вырастает до фаустовского героя. Впоследствии этот прием был воспринят искусством кино. Ф. Феллини, И. Бергман, А. Рене создают фильмы, действие которых происходит вне локального времени и пространства. Сконцентрированное время сохраняет фрагменты далекого прошлого. Это — новый принцип, породивший бесчисленные вариации. Для К. Гамсахурдиа он не становится непреложным законом повествования. В грузинской прозе параллельные временные пласты, как средство создания сюжетной структуры, возникли скорее в 60-х годах, объединив в единое целое различные произведения. С этой точки зрения представляет интерес проза Ч. Ломтатидзе, в которой фантазия разрушает границу между внутренним миром, миром тюрьмы и внешней реальностью. Продолжительность и частота ассоциаций восстанавливают давнопрошедшее время. Синтез двух новелл дает одно произведение, в котором соединяются отдаленные друг от друга отрезки времени и пространства. Время — мера продолжительности, темпа, ускорения и замедления, пространство же — того материального окружения, в котором находятся персонажи. «Похищение луны» логически уместно в рамки одного года. Действие начинается в апреле 1931 года и заканчивается ровно через год. В экспозиции романа мы видим разбушевавшийся Ингури, паромщика и отца и сына Звамбая, вплавь переправляющихся через бурную реку. Ровно через год тот же бушующий Ингури, тот же паромщик — бывший генерал, но на этот раз в противоборство с рекой должен вступить Тараш — последний отпрыск рода Эмхвари-Варданидзе. Это — логическое время, отражающее изменчивость явлений. Земля, небо, река пребывают вовек, но время течет и вместе с ним меняются и умирают люди. Календарное время вбирает в себя различные притоки, благодаря чему герметическое время традиционной прозы сменяется открытым временем. Если проза И. Чавчавадзе, романы А. Казбеги или «Мачеха Саманишвили» Д. Клдиашвили разворачиваются в настоящем времени, тождественном календарному, то в «Похищении луны» ассоциативно возникают зарисовки европейских городов, впечатления детства, мифы далеких времен, исторические призраки, языческие мотивы и образы. Различные временные пласты

сливаются в единое символическое целое. Писатель не теряет чувства меры. Снимается необходимость противопоставления времен, их четкого разграничения. Прошлое входит в повествование как необходимый мотив, обусловленный внутренней логикой. Ускоренный и драматический ритм самой эпохи создает необходимость временной частоты, благодаря которой конкретное время переживается как вечность. Образы Тараша и Арзакана — это трагическое совмещение различных эпох. Для Арзакана прошлое не существует. Он живет будущим и почти не вспоминает то, что видел, слышал, переживал. Тараш же живет воспоминаниями, ибо в прошлом ищет для себя жизненного пространства. Тараш — человек теоретического склада. Для него течение времени обращено вспять — от настоящего к прошлому.

2. Мифологическое время

Совершенно по-иному вопрос времени и пространства ставится в «Давиде Строителе». Действие в романе замедлено беседами, описанием поступков и взаимоотношений персонажей, охоты, пиршеств. С точки зрения времени «Давид Строитель» — антитеза «Деснице великого мастера». В последнем романе все кипит, все волнуется. В «Давиде Строителе» же автор сознательно прибегает к замедленной съемке. Плавное и медленное течение времени приходит здесь на смену расширенному или суженному мифом и историей времени «Похищения луны». Мариам на десять лет старше Ниани Бакуриани, она дважды была замужем и оба раза за императорами Византии. Однако это не помеха их длившейся многие годы любви. Уже в начале романа царь Георгий и Махара называют пожилыми. Роман начинается с 1089 года, а Махара жив и в 1125 году. Георгий умирает примерно в 20-х годах того же столетия. Стефаноз Цилканский всю свою жизнь посвящает осуществлению замыслов царя. Более чем на 15 лет растянута история любви Дедисимеди и Давида, так и не заканчивающаяся браком. Бесконечно долго ждут Шарганидзе, когда же царь Грузии возьмет в жены дочь половецкого хана. Чрезвычайно долго гостит в царской семье дочь Эристави Гванца. Не стареет куропалатисса Мелита. Вечно юн Нианиа. Долго готовится Грузия к присоединению территории от Никопсии до Дербента. Читатель физически ощущает медленное течение времени. Это ведь время, когда Давид три года ждал ответа от посланных к половцам князей. Сегодня такой ответ можно получить в один день. Писатель стремится придерживаться временных норм описываемой эпохи, не ускорять действия. Нианиа, Джонди, Кариман не жалуются на возраст, для них время как бы остановилось. Зато раскинувшемуся в этом времени пространству присуща чрезвычайная емкость, вместительность. Перед нашими глазами прошествует взбудораженная историческим лозунгом «деус ле вольт» Европа, предстанет покоренный сельджуками и сменившими их невежественными крестоносцами Константинополь, охваченный огнем пожарищ Иерусалим, привольные половецкие степи, роскошные султанские дворцы. Читатель оказывается в гуще собы-

тий, происходящих за пределами Грузии, но так или иначе связанных с ней. Благодаря этим путешествиям, посланиям, впечатлениям вырисовываются различные временные пласты. Они сливаются в общий поток, но оставляют в нем свой след. Например, с локальным временем романа не совпадает участие Джонди в крестовом походе, в частности продолжительность его одиссеи и дата возвращения на родину.

В «Похищении луны» в определенном смысле персонажи не имеют возраста, поскольку мифический герой неподвластен времени. Когда мы знакомимся с Арзаканом, Тарашем, Дзабули, Тамар, им всем под тридцать. Как мы знаем, все четверо росли вместе, их связывает общее детство. Когда отец увез Тараша за границу (1921 г.), мальчик заканчивал гимназию. Проходит десять лет, и время снова соединяет четырех героев. За эти годы Арзакан не сделал своего выбора, по-прежнему колеблется. Тамар уже не называет юной девушкой. Мать Арзакана — почти старуха. Ломкац Эсванджиа умирает в возрасте 120 лет и т. д. Сознательное нарушение временных соотношений и возраста персонажей обусловлено и оправдано мифологической ориентацией. В произведении реалистического плана это недопустимо, ибо оно подчинено строгой жизненной логике.

Мифологическое время — циклично, так же как изменяющаяся природа, сбрасывающая листву и вновь покрывающаяся зеленью. Начало этой изменчивости — умирающие и возрождающиеся боги. Действие «Улыбки Диониса» происходит в течение ровно одного года: в октябре начинается и в следующем октябре заканчивается. Таков же временной ареал «Похищения луны» — с апреля по апрель. В этот один год укладывается микроистория человечества, это завершение одного цикла. Стянутое время этих романов сменяется в «Давиде Строителе» временем рассеянным.

Начало и конец «Похищения луны» увязаны с 23 апреля, днем св. Георгия.

В «Похищении луны» и в «Давиде Строителе» с помощью различных принципов достигается одна и та же цель — исчезает конкретное ощущение времени, утверждается бесконечное мифологическое время.

3. Бесконечное время и прерванное повествование

«Давид Строитель» фактически остался незавершенным. Недостает 5-й книги. К. Гамсахурдиа не закончил «Вождя», «Еврюпу в клетке». «Тамар». Не закончил по разным причинам. Однако мотив незаконченности стал его уделом. Возможно, как проявление структурной параллели бесконечности времени и пространства. Писатель непроизвольно повторил один из тезисов модернистского искусства, согласно которому подлинное произведение только то, которое не закончено (оба романа Л. Стерна, все три романа Ф. Кафки, «В поисках потерянного времени» М. Пруста, «Мой Фауст» П. Валери, «Человек без свойств» Р. Музиля и др.). Незаконченность — выражение непознаваемого и необъяснимого мира, подтверждение его

безграничности, ибо реальная действительность имеет про-
должение, и никто не знает, где ее конечная точка. Однако
К. Гамсахурдиа воплощает этот принцип именно в реализме
своих романах. Поэтому было бы неправомерно расценивать не-
законченность его романов как теоретически продуманную
концепцию, как нарочитый жест — во всяком случае, если это
и прием, то эстетически неэффективный. Правда, он отражает
суть бесконечного и безграничного мира, как закономерность,
существующую независимо от воли и сознания художника. По
сравнению с вечностью жизнь человеческая — всего лишь
миг, вспышка светлячка в непроглядном мраке ночи, тем бо-
лее если человек умирает безвременно.

Константинэ Саварсамидзе пишет книгу «К крови», Та-
раш Эмхвари — научное исследование «О колхском фетишиз-
ме», Вахтаг Коринтели создает капитальный труд «Грузин-
ская ампелография». Никто из них не доводит свой труд до
конца, не достигает основной цели своей жизни, повествование
прерывается на полуслове и преждевременные сумерки замо-
раживают мечты. И фаустовский Коринтели не выполнит ве-
ликую миссию — начнет, но практически не доведет до конца
обновление родного края. Он не сумеет выполнить даже то,
что замыслил и что было в его силах. Миха Килиптари пишет
всю жизнь. Его любовь к Грузии настолько безгранична, что
приобретает оттенок трагичности. И тем не менее он так и
остается на всю жизнь книжником, человеком умозрительным,
рассуждающим, не нашедшим себя в деле. Константинэ Арса-
кидзе успел построить Светицховели, Давид — объединить
Грузию. Перед смертью в нем просыпается поэт, и он создает
свои «Покаянные песнопения». И тем не менее жизнь как од-
ного, так и второго обрывается безвременно. Будто дейст-
вительно сумерки застали их на полпути. Им не суждено до-
жить до старости хотя бы потому, что мифического героя не-
возможно представить себе дряхлым, морщинистым, согбен-
ным.

НОВЫЙ МИФ

К. Гамсахурдиа неоднократно заявлял, что художник сам
является создателем мифов. В «Табу» раскрывается весь ко-
декс нового мифотворчества. В «Похищении луны» писатель
именуется «сочинителем мифов». События, легшие в основу
«Десницы великого мастера», названы «светлым мифом».
«Лбом натываемся мы на новое время. Лучшая эпитафия ему—
время, лишенное мифов», — писал К. Гамсахурдиа в своей
книге эссе «Новая Европа» (1928). Современность должна
опираться на «Элладу» и «Рим». Но жизнь великого челове-
ка — сама по себе миф. Реализация этого положения — его
творчество, в котором теоретический замысел находит практи-
ческое воплощение. Складывается новый трагедийный миф. И
это выражаясь не только фигурально. Еще Фр. Шеллинг го-
ворил, что мифотворчество продолжается и может принять
форму индивидуальной мифологии. В XX веке свое классиче-
ское воплощение эта тенденция находит в прозе Дж. Джойса и
Т. Манна, в грузинской же действительности — в прозе К.

Гамсахурдиа. Писатель не только использует мифы, но и сам создает новую, литературную форму мифа, придавая ей через осмысление старых мифов и романтическое созерцание реальности. В грузинские мифы и языческие представления он вносит свои коррективы, углубляет их.

Главные персонажи К. Гамсахурдиа родственны друг другу, между ними сходство в характере, психике, во взглядах, в биографической схеме. Саварсамидзе и Арсакидзе зовут Константи́нэ — именем автора, Урдоэли и Коринтели — Вахтангом. Гамсахурдиа пользовался псевдонимом Урдоэли. О генетическом происхождении персонажей выше уже шла речь. В «Похищение луны» вставлено народное стихотворение о создателе Светицховели. Поэтическое выражение этой идеи — весь роман «Десница великого мастера». Из произведения в произведение переходят одни и те же фамилии.

Через все произведения К. Гамсахурдиа проходят перипетии борьбы Диониса и Христа, Христа и социалистических идей. Лейтмотивы и символы, равно как и ипостаси автора, не ограничены одним каким-то произведением (например, культ коня и змеи, стихия воды, рев оленя, прегрешения отцов, борющийся с богом Иаков и др.). Сходство и родственность сюжетов, персонажей, идей, мотивов, символически объединенных мифологической структурой, создают в свою очередь новую мифологию. Современность всегда преломляется через призму мифов, в которых заложен архетип сегодняшнего бытия. К. Гамсахурдиа мыслит легендами, преданиями, анимистическими и тотемистическими представлениями, грузинскими, греческими и библейскими мифами. Они отражаются в его творчестве не пассивно — в них коренится первоначало характера героя, ядро сюжета и история персонажа. Складывается понятие полифонического персонажа и его ипостаси. Природа героя через лейтмотив приводит нас к архетипу, к его генетическому происхождению. В сюжет вплетен мотив судьбы, от которой персонажу не уйти.

Эмоциональный — порой патетический, порой же меланхолический — стиль писателя, специфичность его языка — еще раз выявляют замысел — придать творчеству мифический характер, осмыслить поэтическое повествование как мифотворчество, восстанавливающее первозданное единство человека, птицы, зверя, растения и мира в целом.

Так создается единый пантеон мифического мира.

В мифе, как и в библии, вопрос о языке не стоит. Боги, герои и люди легко понимают друг друга. Они не пользуются конкретным языком, поскольку обращаются друг к другу на символическом мировом языке. Так и между персонажами К. Гамсахурдиа нет языкового барьера. Саварсамидзе знает семь языков, Тараш — еще больше. Коринтели также владеет многими языками. Многоязычием отличаются также царь Георгий, Фарсман, Давид, Махара. С представителями разных народов и племен герои беседуют на их языке. Такое многоязычие, истоки которого кроются в биографии самого писателя, создает иллюзию мифологического языкового единства. Более реальный вид ей придает тяготение к прагрузинскому языку.

У К. Гамсахурдиа мифология отражена в названиях романов — «Улыбка Диониса», «Похищение луны», «Цветение лозы» и отдельных их глав.

Название каждой главы — не только метафора, оно содержит и глубокий смысловой план действия. Каждый персонаж, каждый его поступок, каждая ситуация и положение имеют свою первообразу в мифе. Включение мифа объясняет сложную природу бытия и психики, сводит множество неизвестных к известным единицам. С другой стороны, мифологизируется сама реальность. Начинают звучать те тайные струны, которые соединяют современность с далеким прошлым, восстанавливается прерванная генетическая линия.

Мифотворчество определяет прозу II периода и «Десницу великого мастера». Затем точка зрения меняется. Писатель создает мифическое обрамление и довольствуется мифологизацией отдельных мотивов.

Восстановление прагрузинского уклада жизни приобщает нас к атмосфере и аромату мифического мира. Это та среда, в которой обитают сопричастные богам люди. Вначале они — простые смертные, затем — герои и демоны и наконец — боготорцы. Они гибнут, и их место занимают преобразенные души, облаченные новой плотью. Тотемы, архетипы и ипостаси персонажей способствуют мифологизации. Кроме того, эти персонажи однородны, исключительны и трагедийны (одним словом, мученики). Вечное повторение, обновление, сменяющие друг друга приливы и отливы — основной принцип мифа (З. Ницнадзе). Как уже отмечалось, герои рассуждают об обновлении и возрождении через смерть — смертью смерть поправ. Смерть героев — это сошествие в преисподнюю, из которой они возвращаются в масках новых персонажей, чтобы снова кануть в ночь забвения. Стремление к восстановлению прагрузинского бытия проявляется хотя бы в погребении Кац Звамбая. Писатель сам ссылается на Элиана и Вахушти Батонишвили, сведения которых подтверждаются действиями персонажей. По обычаю древних колхов и абхазцев тело покойного Кац Звамбая вешают на огромную ель. Грузины хоронили покойников вначале на дереве, а уж затем, когда труп начинал разлагаться, опускали его в землю (Г. Ниорадзе). К. Гамсахурдиа восстановил прагрузинский обряд погребения.

То, о чем говорилось выше, относится к бытию, однако преломленные через призму сознания и воображения тотем, табу, парциальная душа, языческие представления, культ св. Георгия, Христос, Дионис, божества и ритуалы грузинских племен — все это объединяет древнейшую форму национального бытия с сегодняшним днем. Все это порождено сознанием и превращено в субъективную реальность. Поэтому реконструкция прагрузинского бытия ведет к воссозданию прагрузинского сознания. Два этих феномена неотделимы друг от друга и осмысливаются в мире художественности, поскольку каждая идея проявляется и приобретает очертания только через действие.

ГЛУБИНА И МАСШТАБНОСТЬ ОБРАЗА

Настоящий философский роман — редкость. Сложно объединить в одном произведении поиски человеком собственного «я», проблемы повседневного человеческого быта и вопросы бытия, в едином целом добиться взаимопроникновения этих проблем, человеческое, повседневное раскрыть в общепhilosophическом контексте, а общепhilosophическое наполнить человеческим, переплавить все это в эмоционально насыщенном художественном тексте.

Особого мастерства и особой глубины требует слияние философских исканий с современной тематикой. Много интересного с этой точки зрения встречаем мы в романах «Закон вечности» и «Год активного солнца».

Вселенная, космос всегда были объектом пристального внимания человека, больше — удивления. В то же самое время солнце и луна и «маленькие-маленькие звезды» были так же привычны и близки человеку, как и члены его семьи.

Для современного человека космос — не только объект наблюдения. Тайны безбрежной Вселенной невидимыми нитями связаны с судьбой людей — в последние десятилетия космос вступил в прямой, непосредственный контакт с повседневной жизнью человека, с проблемами существования народов мира...

Открытия современной физики настолько велики, что, как говорит Торнике Гавашели («Год активного солнца»), их объяснение потребовало бы времени и пересмотра фундаментальных законов сегодняшней физики.

Возможно, это специфическая проблема физиков, но проблема взаимоотношений космоса и земли, разумеется осознанная на разном уровне, — на сегодняшний день проблема всего человечества.

По мнению отдельных критиков, привлечение этих проблем в художественное произведение не оправдано, роману нужны более земные, остrobotyтовые проблемы.

Думается, самый идеальный тип современного романа — тот, в котором осуществлено взаимопроникновение проблем быта и бытия, так как все основные глобальные проблемы современности, будь то взаимоотношения с космосом, проблемы экологии, энергетики и биосферы, оказывают

Окончание. Начало см. в № 9.

большое влияние на психику человека, его нравственность, мораль и проявляются в повседневной жизни. Может статься, на сегодняшний день мы сами этого еще не чувствуем, не осознаем полностью, когда задумываемся над моральными проблемами, и придаем этому неизмеримо меньшее значение, чем оно имеет на самом деле.

В «Законе вечности», так же как и в «Годе активного солнца», обе стороны действительности — проявление человеческого «я» в быту и стремление героя к познанию бытия — даны во взаимодействии и цельности. В романах поставлены и острые проблемы современности. Общефилософские вопросы увидены глазами конкретно-исторического человека в свете глобальных и повседневных проблем.

Первейшая забота как писателей, так и главных героев их романов — человек, земля людей. Таким образом, каждая общечеловеческая проблема гуманизирована. Земля — единственная планета, на которой существует жизнь. Хотя бы по этой причине мы ее можем считать центром мироздания. В художественном произведении философия имеет свое особое выражение. Эта философия скорее утверждает, нежели объясняет что-либо.

В «Законе вечности» в каждой строчке ощущается скрытый «спор» с Коперником. Он привнесен не случайно, а развивается как центральная идея романа.

И слова Бачаны: «Я видел удивительный сон, сон, которому позавидовал бы Коперник» — только подтверждают мнение читателя, постепенно, шаг за шагом возникшее при чтении «Закона вечности». При создании структуры Вселенной для науки не имеет существенного значения тот факт, что ни на одной из планет, кроме как на Земле, нет признаков жизни. Но это обстоятельство может иметь первостепенное значение для художника.

По логике «спор» с Коперником был обязателен, так как центром мироздания в «Законе вечности» является любовь. Но любовь пока что, насколько это известно человечеству, существует только на Земле, и только она может быть центром Вселенной, которую может создать искусство.

Существовавшая до Коперника геоцентрическая система, проповедуемая и поддерживаемая отцами церкви, опиралась на незнание, невежество. А метафоричный «геоцентризм» «Закона вечности» взял на вооружение последние научные данные. Если оснащенная новейшей техникой наука не может обнаружить признаков жизни в безбрежной Вселенной в радиусе двадцати световых лет, то для искусства тем более не имеет никакого значения, в каком собственно «меридиане» и радиусе, широте и долготе находится Земля. Или разве легко представить себе, где в мирадах рядов гелиоцентрической системы она очерчивает свой эллипс? Может быть, здесь homo Moralis и homo Sapiens и не противопоставлены друг другу, если оставить в стороне метафору.

Но мудрость романа, его философия заключена именно в этой метафоре. Если говорить более обобщенно, философия в художественной литературе, искусстве — необычная философия.

Важа Пшавела приписывал человеческие свойства земле, ее флоре и фауне, но из этого, конечно же, никак не следует, что в его лирике, эпической поэзии и прозе можно усмотреть мировоззренческий антропоморфизм. Хотя, случалось, что его объявляли то анимистом, то пантеистом.

Философия «Закона вечности» основана на любви. В романе Земля — сердце Солнца, солнечной системы. Тут художественная сверхзадача — эмоциональный заряд философии и ее реализация в сфере морали. Можно сказать, публицистическая идея выражена в самой высокой романтической форме. Люди, протянем друг другу руки и будем сообща заботиться о нашей земле — «возродите любовь на земле, если можете».

Эта же идея господствует и в «Годе активного солнца». «...Сколько-нибудь серьезных доказательств в пользу существования обжитых планет в радиусе двадцати световых лет мы не имеем. А если это так, то, чтобы преодолеть наше одиночество в этом безбрежном пространстве, мы обязаны протянуть друг другу руку помощи. Мы еще больше должны полюбить нашу голубую планету — «избранницу богов», планету разума. Духовные и культурные ценности, созданные в ее лоне, не менее удивительны, нежели непознанная и таинственная Вселенная».

Немецкий писатель Ганс Фаллада с горечью писал: «Jeder stirbt für sich allein»

Каждый писатель задумывается над этой проблемой. Авторы «Закона вечности» и «Годе активного солнца» говорят читателю о необходимости сообща заботиться о «голубой планете», помогать друг другу, и когда придет смерть, «умереть любя», чтоб «наши души придали энергии Солнцу, чтоб оно не погасло».

Того, кто читал эти романы, не надо убеждать в том, что, несмотря на такую высокую романтическую ноту, взятую романистами, они смотрят на жизнь совсем не через розовые очки. Напротив, мы не раз уже отмечали, что Бачана Рамишвили и Нодар Геловани остро переживают жизненные проблемы. Даже в идеале не подразумевается безоблачная и бесконфликтная жизнь. Именно сознание этого обуславливает призывный пафос романов.

Нодар Геловани — физик, и его ум, мышление поглощены движением частиц и античастиц. Вместе с тем в его душе находит непосредственный отклик и жизнь окружающих его людей. Путем самоанализа, анализа поведения других он стремится постичь тайну человеческого естества, неоткрытых внутренних импульсов, инстинктов, проникнуть в сферы подсознания. Он — сын конкретной исторической эпохи, определенной обществу и, исходя из моральных устоев этого общества, подвергает бескомпромиссному анализу действия окружающих, напряженно, эмоционально реагируя на них.

Столкновения противоречивых чувств в сфере морали, любви, нерешенные проблемы в науке — познание тайн Вселенной — поднимают вопрос о боге.

Тут же надо заметить, что бог в художественном произведении, во всяком случае в этих двух романах, вовсе не

«Саваоф». Непреодолимые препятствия порождают чувство «непостижимости». И именно эта «непостижимость» приравнивается к богу. Бог — синоним непостижимого, и он явится человечеству «спасением», прибежищем перед лицом неразрешимых проблем. Это касается равно как физического, так и психического мира.

В истории человечества бог как панацея проявляется и в онтологии, и в гносеологии, и в сферах морали, этики и эстетики. В онтологии бог понят как творец, так как в известном смысле решение проблемы происхождения Вселенной и сегодня не слишком-то далеко ушло от уровня мифа. Разрыв Тиамати — в шумерской, Пангу — в китайской, современные теории возникновения мироздания в результате разрыва атома и грандиозного взрыва, сжатия и расширения Вселенной... Везде, где проявляют себя непреодолимые проблемы, может возникнуть и проблема бога, решающего или снимающего нерешенные дилеммы («непостижимы дела твои»).

В гносеологии проблема разрешается очень примитивно и категорично — бог не нуждается в познании, нужно только верить в него.

В этике происходит взаимопроникновение нравственности, морали и права — бог прародитель и высший судья, мечта угнетенных, надежда убогих, надежда на «правый суд» у порога потустороннего мира и... подтверждение бессилия человека.

С точки зрения эстетики прекрасное — божественно, что снимает проблему познания его сути. Объяснить прекрасное невозможно и не нужно, им надо наслаждаться.

Марксизм потому и был истинной революцией в человеческом мышлении, что отверг всякие панацеи, прозрев истинную арену возможного решения всех проблем человеческого бытия в сфере деятельности человека, в его мышлении и практике, в человеческом обществе.

Такая постановка вопроса стала возможной, лишь когда утвердилось новое понимание сущности человека, новая концепция человека — человека-созидателя, способного объяснить законы Вселенной и переделать общественную жизнь.

На протяжении всей своей истории человек шаг за шагом оттеснял бога и становился в центре всех явлений. Но это вовсе не значит, что облегчилась задача объяснения макро- и микромира. Миллионы лет прошли от homo fructus до homo Sapiens, множество ранее неразрешимых проблем стали сегодня банальнейшими истинами. Разве не удивительны космические баллистические вычисления или перелет на скоростном лайнере через хребет Кавказии? Сегодня это для нас обычные явления. Современная физика идет вперед гигантскими шагами. Двадцатый век в последующие века будут называть веком гениальных открытий. Но чем больше тайн природы раскрыто, тем больше невидимых до сих пор нераспознанных граней раскрывается перед человеком. По мнению академика А. А. Логунова, физика элементарных частиц сегодня стоит на пороге таких же новых значительных открытий, какие последовали за раскрытием структуры ато-

ма в атомной физике, а также после познания строения ядра в ядерной физике.

В результате экспериментов советских ученых получены данные, дающие возможность предположительно вычислить «массу неподвижности» нейтрона, самой неподдающейся частицы. Это проливает новый свет на представления о строении Вселенной, процессах происхождения галактик, реакциях, происходящих в недрах Солнца. Сегодня науке известно несколько сотен различных частиц.

Человеческая мысль неутомима, она никогда не удовлетворяется достигнутым. Человек начертал путь невидимой частицы, но уставшему, с опухшими от бессонной ночи глазами Нодару Геловани не дает покоя мысль — «откуда явился прибывший в эту минуту космический гость (мезон или протон)? Где находится источник этих мельчайших частиц, обладающих сверхэнергией? «Где рождаются и где приобретают такую огромную энергию мельчайшие частицы материального мира, разглядеть которые невозможно даже с помощью сверхчувствительных приборов? Что находится там, в глубинах метagalaktiki, что порождает первоосновы материи, которые доходят до нас в виде вторичных частиц?»

«Может, и впрямь описание создателя, действующего во времени и пространстве, — примитивный масштаб? Может, современная теория и впрямь принуждает нас мыслить создателя, действующим вне времени и пространства?»

Необъяснимые причины движения электрона, невозможность определить его закономерность вызывает у Нодара Геловани, как и у других ученых (у Дирака, например), вопрос: «Может, движение электрона выражает желание бога?»

Но главным признаком пытливого ума Нодара Геловани является проверка, во всех сферах — анализ и проверка. Проверка действий человека, его импульсов, нравственной основы, проверка научной информации, полученных данных; проверка собственных соображений. Тут он, как и всегда, искренен и последователен, безжалостен даже к самому себе. Таков он и в беседе с Торнике Гавашели. Он честно говорит ученому: «Я не собираюсь предлагать вам новые теории. Я просто проверяю некоторые свои мысли». Его интересуют человеческие возможности и вообще, насколько глубоко может проникнуть он в тайны Вселенной.

Для Торнике Гавашели основные философские вопросы разрешены. Они являются основой для его дальнейших поисков и исследований. Он твердо верит: «То, что невозможно объяснить сегодня, наверняка можно будет объяснить завтра», даже несмотря на то, что для обобщения сегодняшних открытий, быть может, недостаточно нынешних фундаментальных законов физики. «... Наука представляется мне пещерой с очень узким лазом. Но вот ты наконец в пещере. И что же? Пещере нет ни конца ни краю — расширяется себе как воронка...» Человечество стоит перед бесконечными проблемами, и там, где наука бессильна, «религия всегда находит благодатную почву... Ведь непознанные явления, как правило, связывают с провидением, богом». Но Нодар

Геловани, который «проверяет свои взгляды», не думает уступать Торнике Гавашели: «Но Бор и Гейзенберг не были служителями церкви». Гавашели соглашается с Нодаром Геловани и в то же время напоминает, что Бор признавал причинность мира и отверг лапласовский детерминизм, «книгу судеб Вселенной». А Гейзенбергу принадлежат слова: «Физик в своей науке должен исходить из того положения, что он изучает природу, которую не он создал и которая существовала бы без значительных изменений, если бы этого физика вовсе не было». Эти слова полезны не только для физиков, но и для писателей.

Все это так, хотя мы знаем, что, только стоя на материалистических позициях, мог, например, Менделеев создать свою таблицу элементов, да еще предугадать существование элементов, в то время еще не обнаруженных. Дирак также заранее предугадал некоторые виды античастиц, которые были открыты в дальнейшем. Но, несмотря на все это, в мышлении этих великих ученых оставалось место и для бога. Может быть, потому, что бог — синоним непостижимого. Но «непостижимое» непостижимо до тех пор, пока не объяснено. А человеческий разум постепенно постигает суть непостижимых ранее явлений и таким образом вытесняет бога.

В романах «Закон вечности» и «Год активного солнца» бог — метафорический образ непостижимого, указывающий на глубокие и острые проблемы. Бог проявляется там, где напряженное исследование проблемы не дает ясного ответа, неважно, научная это или нравственная проблема.

Самые горькие, безотрадные, циничные слова Нодар Геловани услышал от своего отца, профессора Геловани: «Правда нужна человеку лишь до тех пор, пока он неимущ и угнетен. Но стоит ему встать на ноги, набраться силы, как он сам же и начинает попирать эту правду». Профессор Геловани встречает резкое сопротивление в своей же семье, в лице своего сына — Резо.

И хотя выводы, сделанные профессором, в какой-то степени неприемлемы и для него самого, но они основаны на личном горьком опыте. И Нодар Геловани также на своем опыте убеждается в том, что они не так уж редко подтверждаются и в жизни: «Кто знает, сколько убийц и предателей сойдет в могилу с репутацией порядочного человека... Кто судьи, и кто рассудит правого и виноватого, убийцу и порядочного человека? Может, бог, которого не существует, а если и существует, то безжалостно молчит?!».

Перед человеком всегда стояла проблема отрицания или спора с богом. На протяжении всей истории он убеждался в том, что может надеяться только на самого себя. Поэтому и был привлекателен как в народном творчестве, так и в литературе герой-богоборец. Поэтому Константинэ Гамсахурдиа считал примером героя «Иакова, боровшегося со своим грозным богом».

Как «Закон вечности», так и «Год активного солнца» пронизаны пафосом веры в человека, в его силы. Критическим

глазом в них увидено много человеческих недостатков, но, как говорит Торнике Гавашели: «возможности человека воистину неисчерпаемы и безграничны...»

Основой обоих романов является осознание и признание таланта человека, его разума, его гуманистической сути, его пытливого, ищущего духа. «По космическим масштабам, человек ничто, но он постепенно овладевает этими масштабами, постепенно постигает содержимое их таинственных «кладовых».

«Наша планета — всего лишь малая частица Вселенной, а жизнь — мгновение, но это мгновение мыслящего человека, и оно постигает пространства в миллиарды световых лет».

Ум человека, его психика вмещают в себя безбрежные пространства Вселенной и время. Видимо, это один из аспектов безграничной силы бессильного человека, основа бессмертия мысли. Но обязательное для этого условие — неуклонное стремление человека к истине, к постижению непознанного, к одолению бога.

Именно эти масштабы и параметры отображения мы имели в виду, когда говорили о вступлении грузинского советского романа в новую фазу развития.

Особенно следует отметить, что в данном случае обогащение и углубление образительности жанра осуществляется на базе современной действительности, без архетипов и условных мифологических образов.

ПАРАМЕТРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

Выше мы уже отмечали, что у читателя с Бачаной Рамишвили и Нодаром Геловани может возникнуть, и небезосновательно, спор по вопросам философии, религии, этики или эстетики. Но одно несомненно — эти персонажи суть люди XX века, и вместе с тем они являются национальными характерами. Само желание поспорить с ними, которое возникает у читателя, подтверждает, что они наши современники, новые люди, отображение которых требовало чего-то нового и с точки зрения формы, жанра и средств.

Мы старались и в предыдущих главах не разграничивать вопросы формы и содержания, но, думается, следует специально остановиться на некоторых вопросах.

Существует мнение, что в задачу писателя входит поиск новых жанровых или образительных средств для выражения более или менее известного содержания. Это мнение основывается на определенной предпосылке, согласно которой человек исторически не изменяется, его сущность более или менее известна, сформирована в неизменяющихся архетипах, дающих временами различные комбинации. Задача художника изыскать новые, разнообразные формы для их изображения. Тут на первый план выдвигается художественное мастерство писателя. Но нам кажется, что истинная литература — это открытие, умение заметить новое и отобразить его. Истин-

ного писателя выделяет особое, отличающее его видение. Отличающее не только от читателя, но и от другого писателя. Заметить новое и отобразить его — по сути своей неразделимый процесс. И все-таки мастерство писателя, которое имеет несомненную и важную ценность для художественного повествования — вторично, первично же — новое содержание, требующее новых форм, утверждающее новое видение. Может случиться и наоборот. Бездумная погоня за новой формой может привести к выражению и утверждению содержания и идеологии, о которых писатель имеет самое отдаленное представление. Ибо всякая форма — это форма какого-либо содержания, и сама форма содержательна.

Непреходящий закон искусства за всю его историю подтверждает, что новую форму, новый стиль, новое видение создает новое, открытое писателем, содержание. Конечно, иной раз это трудно увидеть в глубинах традиционной формы, иной раз, напротив, образно-мыслительный материал отчетливо пролегает в новых направлениях на уровне мышления и склонностей персонажей.

«Во сне я почувствовал, что кто-то стоит над головой и пристально смотрит на меня. Странное пугающее чувство овладело мной. Медленно приоткрываю веки. Сначала в глаза бросается белизна полуразрушенной церкви, а потом бесформенная серая масса, приобретающая человеческие очертания.

Я не сразу понимаю, где нахожусь. Мое рассеянное, все еще затуманенное жарой и сном сознание, как сквозь объектив фотоаппарата, видит эту церковь, огромные стволы вязов, смутную фигуру, приобретающую человеческие очертания. Этот красивый, плывущий в июльском мареве пейзаж еще не раздражает ни единой клеточки моего мозга.

Пристальный взгляд этого человека вспугнул мой сон. А может, он и не смотрел на меня — просто стоял и ждал нашего пробуждения, кто знает... Но почему именно я почувствовал жжение двух лучей, пронизавших мое тело?

...Белая церковь, окруженная огромными вязами и кленами, сияет так ослепительно, словно кто-то собрал в огромную хрустальную линзу все солнечные лучи и направил их прямо на здание».

Это строки из первой же страницы романа «Год активного солнца». Я их нарочно не выбирал.

Читателю нетрудно заметить, что рассказчик, Нодар Геловани, смотрит и воспринимает окружающее под особым углом зрения. Даже сравнения его — производные определенного мира. Особо следует отметить, что все эти еле отличительные нюансы, которые узнал в этом тексте читатель, совсем не внешние, не случайные атрибуты, а отображение глубокой внутренней жизни, определенных интересов, уровня знаний, правил и направления мышления.

Вот еще одна выдержка, характеризующая мышление Нодара Геловани:

«— Река широкая? — спрашивает Нана.

— Достаточно.

...Очевидно, мой ответ вполне удовлетворил Нану. Ее фантазия уже заработала на полную мощность, и она, конечно, пытается представить размеры реки. Какой громадной, наверное, может показаться человеку река, имеющая столь мощный голос, хотя он вовсе не соответствует ее истинной величине! Итак, какой все-таки представила себе нашу Схартулу Нана Джандиери?

Самые большие реки Грузии — Кура и Риони. Все остальные познаются лишь в сравнении с ними. Интересно, как бы оценили нашу Схартулу жители Енисея и Лены?»

То, что Нодар Геловани — физик, что теория относительности наложила свой отпечаток на его мышление, что он кровно заинтересован в преломлении проблем Вселенной сквозь призму нравственности и что это составляет смысл его жизни, мы узнаем не от рассказчика, мы это понимаем не только благодаря деятельности героя, но и всей художественной фактуре, которая представляет нам Нодара Геловани и способствует прочувствованию его психики. И решающее тут даже не то, что он физик; строй его мышления характерен также для каждого современного образованного человека. Его психика — психика человека XX века с широким кругозором, заинтересованного глубокими проблемами современности.

Напряженный ритм жизни, ее быстрый темп естественны для него. Он и не смог бы жить в другом ритме. Малейшее препятствие способно вывести его из равновесия. Мы не знаем, что будет в будущем, но ясно одно — подобный тип человека нельзя было представить себе не только в предыдущие века, но даже и двадцать лет назад. То есть этот художественный образ, характер прочно «прикован» к своей эпохе, к 70-м годам XX века. Но кто скажет, что от этого он менее общечеловеческий?! Мы уже говорили выше, что некоторые писатели и критики считают, что человеку, ограниченному параметрами современности, не под силу выразить общечеловеческое. И поэтому обязательным становится обращение к мифу или параболе.

Мне же хочется на живом литературном материале доказать, что конкретная историчность не лишает персонаж общечеловеческого, а наоборот, делает его более жизненным. Общечеловеческое не может быть выражено абстрактно, форма его проявления и содержание должны быть конкретно-историческими, национальными. Особенно ясно это проявляется в литературе, искусстве, где чувственно-конкретное является специфической формой отображения и изображения.

Художественный образ вообще, а в частности персонаж, предстает перед нами в ареале определенного времени и пространства, как отображение эпохи. Только так может писатель внести что-то свое в отображение общечеловеческого.

Это «свое», «собственное», конкретно-историческое, когда оно ново по содержанию, всегда связано с «чисто художественным» новаторством формы. Только в этом случае повторен поиск новаторской формы, так как он означает не желание новаторства, а стремление найти новую форму для нового содержания.

Для выражения в художественных образах нового, живого, возникших сегодня проблем современности готовые формы непригодны. «Мировые стандарты», «европейские стандарты», разные «модели» даже самого высокого уровня не решат вопроса, а прямое культивирование как национальных традиций, так и мировых достижений приведет к печальному чувству вторичности.

«Национальная литература начинается там, где кончается влияние иностранных писателей» (К. Гамсахурдиа).

Национальные традиции, как и достижения мировой романистики, составляют богатство «художественной эрудиции» писателя. Для своей же идеи нужно изыскать именно те формы, которые требует предмет отображения, для своего романа, своих героев писатель должен искать свой собственный, индивидуальный путь.

Другое дело, когда в литературе различных стран, без подражания моде, сами по себе возникают точки соприкосновения содержания, формы, стиля, средств и способов отображения. Это можно считать признаками стиля эпохи.

В истории человечества всегда можно выделить контуры определенной эпохи, ее отличительные черты. Это и составляет содержание истории. Одни и те же глобальные проблемы данной эпохи волнуют все народы мира; следовательно, приблизительно одинаковыми могут быть формы отображения их в искусстве. Однако, если к новому содержанию каждый идет своим путем, подражанию нет места. Кроме того, и это одна из основных проблем литературы, эпоха — единая эстетическая и художественная целостность, она — противоречивое единство. Различие идеологических и художественных позиций непременно дает о себе знать, даже если речь идет об одной какой-нибудь проблеме. Одна из таких проблем последних десятилетий нашего времени — проблема времени и пространства. Ее отображение дает много вариаций в романе и в драматургии. Осознание того факта, что в природе не существует абсолютного времени, оставило глубокий след в мышлении и психике человека. Более того, этот факт труднее осознать психологически, чем логически. И в литературе, чаще в романе, время предстает как чисто художественный феномен, так как подразумевается, что его не существует вовсе, или, если говорить иначе, время представлено как единое мифологическое время (неомифология). Это безрезультатная попытка выйти из времени, к которой часто прибегали модернисты, при этом нередко забывая, что человек, живущий в относительном временном измерении, в параметрах Земли, воспринимает его нормально, как реальное историческое время.

В «Законе вечности» и «Годе активного солнца» не соблюдена хронологическая последовательность времени. Структура романного времени обусловлена тематическим принципом — определенный эпизод жизни появляется в романе тогда, когда его тематически требует ассоциативное течение мысли. Условное время здесь можно назвать мыслительным временем.

Если физические действия героев пассивны, то настолько же активно их мышление. С этой точки зрения Нодар Геловани и Бачана Рамишвили почти не отличаются друг от друга. Стремительные перемещения Нодара Геловани отображены со сказочной лаконичностью, а иногда, вообще опускаются, скажем, перелетии его перелета с континента на континент, из Москвы в Австралию; информация о нем находится «внутри глав». Лишенное интенсивности, это время составляет наименьшую часть романного времени. Акцент как в одном, так и в другом романе делается на мышление, на оценки действия людей, явлений, на возможных выводах.

Но стремительные перемещения Нодара Геловани все же несут определенную нагрузку. Они поднимают проблему пространства реально, физически. Очевидно, по сравнению с пространством, возникающим в сознании, расстояния эти ничтожны, но они физически ощутимы и реальны. Человеческая психика получает возможность непосредственно пережить, преодолеть гигантские расстояния.

Пересечение континентов на сверхскоростных воздушных лайнерах — ближайший и, быть может, примитивный пример относительности времени и пространства. Время, пространство и скорость устанавливают взаимообуславливающий контакт.

Сокращение времени вызывает относительное сокращение пространства, и в воображении людей Земля как бы сжимается, уменьшается.

Сверхзвуковые скорости воздушных лайнеров, растущая интенсификация средств информации, в особенности же оперативность телевидения путем сокращения временно-пространственных границ способствуют как бы концентрации мира и человечества как в переносном, так и в прямом смысле.

В «Законе вечности» мы встречаем такие строки: «Перемещение в пространстве и времени мы сравнили с желанием. Достаточно пожелать, и вы в той галактике и на той планете, которую пожелали».

Что это — шутка? Плод больной фантазии или сказка? Но здесь масштабы сказкигодились бы лишь в микромире. Пространство мысли безгранично. Структура бесконечного мира вмещается в самую малую емкость.

Однако, несмотря на такие масштабы, историческое, реальное время в обоих романах соблюдено, и в них легко можно воссоздать последовательность явлений. Может, с этой точки зрения, в «Годе активного солнца» преждевременное описание эпизода знакомства с Наной Джандиери несколько

не оправдано. Возможности творческой фантазии писателя художника неисчерпаемы. Но если произведение искусства рассмотреть в целом, как определенную художественную систему, а рассмотрение его только так и возможно, выяснится, что оно всегда имеет свои точки отсчета и правила, которые воплощаются писателем, а в конце концов формируются в объективную закономерность реализованной художественной вещи.

Такой закономерностью в «Годе активного солнца», с точки зрения презентации художественного образа, следует считать форму презенса. Ich form преимущественно требует настоящего времени, а в романе Гурама Панджикидзе и откровенно вымышленные «возможные вариации» входят в художественную ткань в форме презенса. Но обрисовка в этой же форме знакомства с Наной Джандиери «в будущем» выпадает из общего правила презентации материала в романе. При этом до мельчайших деталей точное «знание» будущей встречи, что все это именно так случится через сорок семь дней, что «все решено наперед», хотя герой-рассказчик в момент рассказа ровным счетом ничего не знает о существовании Наны Джандиери, отдает именно детерминистской окраской лапласовской «книги судеб».

Если мы верим рассказчику, писателю, когда он вводит в роман «возможные варианты», то только потому, что он, а с ним и мы, хорошо знаем характеры Зураба Гомартели, Реваза Геловани, Эки и других и все «вымышленные» перипетии их жизни вытекают из природы этих характеров.

Можно с ясностью представить себе, как будет вести себя в определенной ситуации тот или иной персонаж, которого хорошо знаешь, но как предугадать поведение незнакомого человека?

Может, мы проявляем излишнюю строгость и не хотим считаться с условностью в художественном произведении? Но писатель должен твердо следовать правилам и законам, которые сам определил для себя, хотя бы в масштабе одного произведения, поскольку мы глубоко убеждены в том, что и условность имеет свои закономерности.

Между писателем и читателем устанавливается связь на базе того языка, с помощью которого писатель воплощает свою художественную задачу. Такая коммуникация осуществляется преимущественно без конвенции, так как основой художественных образов, воплощенных в чувственно-конкретные формы, является обобщение, сопряженное с субстанциональным и представляющее собой отображение объективного реального. Гете писал: «Художник должен действовать согласно законам и правилам, которые узаконила сама природа и которые ей не противоречат». Это в том случае, когда дело касается типичных художественных и вариантных образов реального мира, когда отображено «явление в форме самого явления» (Гегель).

Но в художественных произведениях, мы встречаем и такую условность, которая требует конвенции. Правила игры диктует писатель, а читатель верит ему и следует за ним.

Но когда правила игры становятся системой, писатель сам должен следовать им, чтобы читатель до конца шел за ним. «Как это ни удивительно, художество требует большей точности, Precision, чем наука», — писал Лев Толстой.

Условность, присутствующая в сценах встречи Бачаны и Мариам (их встреча в снегу) — конвективна. Тут необходима согласованность между писателем и читателем. Не когда вмешиваются третьи лица (возвращавшиеся из Коджори пионеры увидели, как горел снег на Самадло — на месте встречи Бачаны и Мариам), тогда конвенция — двустороннее соглашение — нарушается, и условный образ подается как «всамделишный».

До сих пор мы мало что сказали о женских персонажах этих романов. Мне кажется, что им повезло меньше, чем мужчинам. Эка («Год активного солнца») — очаровательная женщина, но она полностью лишена своего «я» (хотя не теряет при этом чувства собственного достоинства). Она любит безгранично и самозабвенно. Не спорю, может это и есть настоящая любовь. Но ее абсолютная зависимость вызывает во мне чувство недовольства — оставшись в одиночестве, она немедленно ищет новую гавань, будто не может существовать одна, словно непременно должна дополнять кого-то, даже если и не лежит к нему душа.

В этом отношении более выгодные позиции у Наны Джандиери («Год активного солнца»), Тамары и Мариам («Закон вечности»). Образ Мариам изображен поэтическими средствами, характерными для лирики деталями, с помощью которых рисуется в романе история жизни героини (письмо Мариам к Бачане, ее тост-монолог).

Должен признаться, что теория относительности, видимо, повлияла и на меня, как на читателя. Некоторая неудовлетворенность женскими персонажами вызвана, наверное, тем, что масштабность образов, благодаря которой эти романы явились значительным достижением грузинской романистики семидесятых годов, получила яркое выражение преимущественно в образах Бачаны Рамишвили и Нодара Геловани.

Естественно возникает вопрос — какова связь в аспекте нашей проблемы этих персонажей с персонажами предыдущих романов Нодара Думбадзе и Гурама Панджикидзе?

Сосоя Вашаломидзе, Темур Барамидзе, Автандил Джакели, Леван Хидашели, Тамаз Иашвили, Отар Нижарадзе, которых мы считаем главными ориентирами творчества этих писателей, так же как и все остальные герои их романов — наши современники, и сферы их интересов — в полной зависимости от современной действительности. Таким образом, эти два последних романа — продолжение пути писателей. Новаторство, которое мы особо отмечали, заключается в богатстве художественных образов, в новых аспектах, новых параметрах, новых глубинах.

Тут же надо отметить, что масштабность художественного образа и художественные его достоинства сами по себе — не одно и то же. В данном случае задачей этой

статьи не являлось сопоставление главных героев двух последних романов Нодара Думбадзе и Гурама Панджикидзе героями их ранних романов. Читатель, наверное, заметил, что мы акцентировали внимание на современности и масштабности художественных образов, и должны отметить, что художественное воплощение современной тематики **качественно** изменилось.

Чувственно-конкретный художественный образ всегда больше идей, функции художественного образа, и поэтому в нем всегда можно выявить скрытые глубины. Но в этих романах в глобальных концепциях проявилась глубина философского осознания жизни, действительности.

Главнейшей задачей романистов являлась обрисовка живых, жизненных характеров. И если они получились, вместе с ними должны были возникнуть острейшие жизненные и философские проблемы, которые волнуют наших современников. Ясно, что наряду с художественной задачей здесь многое зависит от таланта и художественной силы писателя. Притом, если Бачана Рамишвили и Нодар Геловани наши современники, то это не значит, что только они и воссоздают облик эпохи. Действительность всегда выявляет множество человеческих характеров.

Бачана Рамишвили и Нодар Геловани отображают природу определенного типа человека XX столетия, существенные его жизненные проблемы, неутомимые поиски путей решения этих проблем, их гуманистические идеалы. Эта аналитическая позиция, стремление добираться до самых корней всяких причин, поиски острейших общечеловеческих проблем в реальной современной жизни — стихия романного жанра. На этом пути его ждут несомненные достижения.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТЕБЕ, ДОРОГАЯ¹

НАМ неоднократно приходилось спрашивать себя, может ли вообще поэзия сказать что-нибудь новое в эпоху, когда все пути кажутся пройденными, все средства испытанными. Ясно, что самая элементарная осторожность советует не ручаться за будущее; может быть, среди нас живет «гений», неузнанный и осмеленный; или же, напротив, через какую-нибудь сотню лет история составит антологию нашей духовной скудости. Но верно то, что мы почти не верим в поэзию душевного порыва, продиктованную внезапным вдохновением, всей мощью юношеского варварства. Низводим ли мы искания к вопросам морального порядка, либо к работе над стилем, или же стремимся к более высокому или чисто интеллектуальному уровню стиха и лирики в целом, нам все труднее достается вдохновение, поэтическая истина, преодоление той зыбкой границы, которая отделяет об-

ласть «частного» от области «коллективного» или «общего». Нам ясно, что интересующий нас процесс «объективизации» является единственным результатом, столь необходимым писателю, поэту, художнику.

Сегодня многие стыдятся объявить себя **поэтами**; тем более, что общественное положение поэта — одно из самых жалких, «отчужденных», ибо он вынужден существовать на заработок за труд, далекий от его настоящих интересов, сливаясь с толпой служащих крупных предприятий, или полумертвым от голода учительствовать в государственных или частных школах. В этих условиях, общественных и психологических, нетрудно понять положение писателя, раздавленного мелочными экономическими заботами и серийным производством. К этому следует прибавить ту жизненную необходимость, которую имеет вера в свой поэтический талант, в свое творчество, в его значимость для этого мира, который, по-видимому, спокойно обходится без поэзии.

Сегодня наметилась типичная картина культурной жизни Запада, картина, в которой единственными живыми силами являются антиколониалисты, демократы, защищающие общее буду-

¹ Михаил Квливидзе, Милан, изд. Avanti, 1961 г.

щие (защитники будущего, следовательно, революционеры). «Реализм», бывший ранее немногим больше, чем стремление, в послевоенный период углубился и обогатился новым опытом (неокапитализмом), качественно новыми общественными ферментами Азии, Африки, Южной Америки, Кубы и, напуганный страшными атомными призраками, осознал свою неспособность изменить ход событий.

Если после всего этого — причем эта картина могла бы быть картиной из итальянской, французской или немецкой литературной жизни — мы перешагнем через восточную границу этой упадочнической «Римской империи», в которой мы живем, то нам придется вести речь по-иному. Роль писателя в России признана и оценена; его деятельность пользуется защитой и помощью; в новом обществе, главная задача которого заключается не в классовой борьбе или в истреблении, а в стремлении к обратному, сама жизнь писателя максимально облегчена. Здесь понятие «частного» не имеет характера пренебрежения общими целями, как у нас. Потому и оказалось возможным такое явление, как поэзия Квливидзе, грузина, связанного с территорией, географически (и только географически) небольшой, но признанного советским писателем и с любовью переводимого на русский язык. Михаил Квливидзе — поэт интимных переживаний. Эпически звучащим строфам, шедшим «лестницей» у Маяков-

ского, лирическим и образным у Есенина, он противопоставляет только свое обнаженное человеческое сердце, свою любовь, нежную и страстную, свою тоску, зеленую листву или снег.

Допуская подобные сближения (которые, впрочем, следует принимать с осторожностью), мы уже подвергаемся опасности рассматривать Квливидзе как поэта русского, а не грузинского, каким на самом деле он является. Разница заключается в следующем: учитывая влияние, какое могли иметь на его поэтическое дарование — крупное, но в себе уверенное, крупные русские поэты 900-х годов, начиная с Блока, ясно, что более непосредственными предками поэта являются Т. Табидзе и П. Яшвили, Г. Леонидзе и С. Чиковани, лирики страны, расположенной на берегах Черного моря, знаменитой красотой своих гор, яркими красками своей природы, охраняемой с одной стороны европейским Востоком, а с другой — азиатским, но уже в значительной мере воспринявшим культуру Запада. Природа этой страны служит точным мерилom поэзии Квливидзе, определяя ее пределы и возможности, краски и образы.

Лучшим качеством поэзии Квливидзе является ее свежесть, непосредственная простота образов, которые почти всегда передают владеющие им впечатления и чувства. Четкий ритм, не отягощенный музыкальным сенсуализмом, образует основу его стиха.

Эта поэзия может показаться слишком простой западному уху, привыкшему к школе высшей эквилибристики, в то время как обнаженные душа и сердце свидетельствуют о певческом даре музы кроткой и миролюбивой. Квливидзе может поведать нам нечто, говоря о себе, делясь своими мыслями, не усложненными возвышенной философией, своими чувствами, затаенными и сокровенными, своими воспоминаниями, столь нежно отзывающимися на призыв родной земли. Ибо за ним стоит грузинская традиция, страна древней культуры, обновленной соприкосновением с великими русскими поэтами 900-х годов и советским реализмом, страна с собственными нравами и обычаями, где даже приветствие звучит по-иному: это пожелание одновременно и дружественное и боевое; оно, как все живое, связано с климатом, зелеными пастбищами и людьми.

Перед началом и в конце
беседы
грузин приучен с детства
к двум словам:
встречаясь, он желает вам
Победы,
прощаясь, Мира он желает
вам.

В любом письме, в тепле
рукопожатья —
два пожеланья, слитые
в одно.
Они неразделимы,
словно братья,
стремленье наше —
в них заключено.

(Перевод А. Межирова).

Земля, родная страна часто являются контрапунктом неясных отступлений, детских фантазий, рожденных чаще всего под знаком меланхолии. В четырех разделах или частях, из которых состоит томик стихов в русском переводе, мы находим стихи, посвященные родной стране, близким людям, любимой женщине. Промежуточен — и показателен даже по названию — раздел «Акварели», в котором отчетливо проявляется элегическое настроение поэта.

Щебет ласточки —
чист и далек —
в синем небе звенит
поутру...
Рдеет лист, как сухой
огонек,
разгораясь на ноябрьском
ветру.

(Перевод М. Петровых).

В стихах М. Квливидзе затрагивается и тема города и деревни с последующим «панегириком деревенской жизни»; с деревней связаны воспоминания детства, сожаление о прошлом — одновременно осознание настоящего: поэту и в Москве слышится дыхание моря.

Проходит жизнь моя,
но с чудесами
я, как ребенок, никогда
не спорю.
Вокруг не видно гор,
и за домами
мне слышится рокошущее
море.

Мне снится ночью вздох
его упругий,
меня он властно будит на
рассвете...

Я и в Москве как у себя
на юге,
в Махинджаури или
в Кобулету.

(Перевод М. Петровых).

У Квливидзе свой, индивидуальный тембр звучания стиха. Его постановка голоса безупречна, тон искренен. Везде — говорит ли он о любимой или об отце, или оплакивает покойную мать — присутствует описание природы, пейзаж грустный, но не внушающий отчаяния, причиняющий боль, но без больших страданий. Своего рода вариации на одной струне, натянутой на лук легкого сожаления и тоски, без терзаний совести, без глубокой горечи.

Порой, когда рассеиваются слова, неясным отсветом иронии остается сострадание к себе или воспеваемым вещам; поэт словно размышляет, стоит ли заниматься поэзией, когда небо бороздят спутники. И космические корабли. И настолько тонко переданы эти размышления, что порой итальянский язык и несовершенство переводов не в состоянии передать всю образность оригинала.

Вот, например, образ луны — как «щит из умершей меди» («Прощание с юностью»), или крепость, которая на вершине горы кажется «последним зубом старика», чудом оставшимся в его беззубом рту — символ несколько непочтительный и несоответствующий истории и прошлому, но в устах юноши, который восстает против предполагаемого опыта стариков, может

быть, и уместный. Но еще больше иронии можно найти в ложно эпическом финале этого стихотворения, который звучит почти героико-комически:

Чертят ласточки крыльями
линии длинные.
Тихо течет под горой река.
Крепость торчит на горе
старинная,
как единственный зуб
старика.

Словно картина от времени
блеклая,
Тонут в тумане хребты...
Славой покрытая древность
далекая,
Мать нашей юности — ты!

(Перевод И. Снеговой).

Откуда она, эта ирония? Является ли она своеобразной точкой зрения поэта или же наследием грузинских традиций — сказать нелегко. Ироническая окраска, которую принимают некоторые стихи, порой представляется неожиданным конечным выводом, порой лишь подчеркивает какую-то мысль. Она кроется в отдельном образе, несет с собой подтекст, подчеркивает светотени (слишком яркие краски, сильные страсти — не в характере Квливидзе) и таким образом способствует смягчению маленькой психологической драмы, дает выход напряжению.

Так, например, в лирическом стихотворении «Мне снилось» дается лукавое изображение двух влюбленных, отныне неспособных понять друг друга, а отправной точкой для подобной картины послужил разрыв отношений чувство горе-

чи и печали, рожденное в результате этого.

Мне снилось, что ты
возвратилась ко мне...

От счастья я даже заплакал
во сне,

Но тотчас меня разбудил
телефон:

Твой голос недобрый узнал
я сквозь сон, —

Он что-то просил, и чем-то
грозил,

Плохими словами меня
поносил...

Со всем я согласен и ныне
и впредь...

Мне б только прилечь,
чтобы сон досмотреть.

(Перевод Е. Николаевской).

И ирония, столь легкая, что становится неотъемлемым качеством поэзии, проникает в описание пейзажа, вещей, воспоминания детства, при этом стихи освобождаются от некоторой напыщенности, звучат просто и задушевно.

Я ищу тебя и, знаешь,
мама,

Ты мне всюду видишься
живою.

Осень... Ты идешь легко и
прямо

За летящей по ветру
листвою.

(Перевод М. Петровых).

Поэту не всегда удается подобная легкость; краски его чаще более глубоки и насыщенные, особенно в стихах, посвященных матери.

Описание и ироническое или ностальгическое трансконирование картин природы остается наиболее частой темой поэзии Квливи-

дзе, наряду с несколько женственной печалью, с неясным и немотивированным стремлением к господствующей надо всем мысли. Богатство деталей, обилие предметов, редко становящихся символами (символом, весьма, впрочем, наивным, являются часы в стихотворении «Детство»), недостаточно для того, чтобы характеризовать поэзию Квливидзе как реалистическую, если под этим словом понимать более полное слияние со своей исторической эпохой. В то время как Грузия является константой его лирики, поэт только как бы прикасается к темам, типичным для реализма — войне, обществу, настоящему и будущему. Все это дано им в виде неясных образов и перенесено в атмосферу туманной мечты. Так же как «Расстрел», не представляет собой гражданской лирики, так и стихотворение «Ленинградской девушке» не может полностью быть причислено к ней, ибо, желая прославить женщину, участвовавших в обороне Ленинграда во время блокады его немцами в период последней войны, поэт кончает образами живописно-сентиментального характера (прекрасна, например, концовка), значительно разрезающими атмосферу драмы и эпоса, созданную предшествующими строчками.

Символична и почти образцова по тону и поэтической окраске лирика стихотворения «Ручеек», в котором радость, ирония и печаль сливаются в прелестное целое:

Золотое отраженьё месяца
в ручейке дробится и
дрожит...

Ручеек по камешкам бежит,
как шалунья девчка
по лестнице.

Холодок струится
от камней, —

Он-то и напомнил мне
о ней...

(Перевод Е. Елисеева).

В поэзии Квливидзе превалируют мотивы идиллического и ностальгического характера. Темы детства, любви, родной земли обретают в его стихах свежесть и вкус того, что передумано, пережито и затем оплакано. Поэтому было бы легко говорить о реализме, если бы под этим словом не подразумевалась сознательная позиция по отношению к действительности. На самом деле аспекты природы и вещей, описанные самым реалистическим методом, в поэзии Квливидзе сливаются с иными их аспектами, обусловленными иногда великими традициями русской лирики, и, в меньшей степени, европейской, но чаще всего порожденными личной склонностью поэта к элегическому или иронически-идиллическому стиху.

Элегия, идиллия, печаль — вот автобиографический ключ к поэзии Квливидзе. Но, главным образом, повторяем, редкая свежесть чувств, которой соответствует такая же чистота и простота образов и стиля.

Таким образом, даже интимной поэзии мы обязаны ответом — положительным — на первоначальный вопрос о возможности существования поэзии и поэта в современном обществе. Что касается функции поэзии, то если она и не окажется такой, какой, возможно, представляется грузинскому поэту, тем не менее, ставя себе цели воспитательные и дидактические, она несет в себе несомненную «содержательную» ценность.

Это и побудило нас перевести стихи Михаила Квливидзе как противовоиде против некоторой нашей формалистической тупости и как красноречивое доказательство того, что даже тихий голос, если он искренен, может найти себе дорогу в поэзии там, где она не имеет, как в других странах, гражданской обязанности быть прежде всего протестом во имя человека и общества...

Джилберто ФИНЦИ

ПОВЕСТЬ О ПЕРВОПРОХОДЦЕ КОСМОНАВТИКИ

СОВЕТСКИЙ Союз по праву считается родиной космонавтики. Он подарил миру отца звездоплавания, выдающегося ученого и теоретика ракетостроения К. Э. Циолковского. Главным конструктором космических кораблей был великий советский ученый и инженер академик С. П. Королев. Наша Родина первой запустила искусственный спутник Земли, доставила на поверхность Луны автоматическую станцию, первой отправила в космос человека. Гражданин СССР Ю. А. Гагарин проложил первый звездный маршрут. В текущем 1981 году, 12 апреля исполнилось 20 лет со дня его космического полета. Советский космонавт А. А. Леонов был первым человеком, шагнувшим в открытый космос из космического корабля.

Сейчас, когда в космосе побывали свыше 100 космонавтов и астронавтов нашей планеты, наш моральный долг вспомнить добрым словом первопроходцев космонавтики, к которым с полным правом относится и Юрий Васильевич Кондратюк.

В № 6 журнала «Кубань» за 1980 год опубликована повесть Александра Галаганова «Какого цвета звезды?», посвященная страницам его жизни. Эпиграфом к повести предпосланы слова К. Э.

Циолковского: «Вероятно, что Кондратюк работал, не зная моих трудов. Это — очень энергичный молодой человек». В предисловии к повести академик, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий В. П. Глушко отмечает: «На мой взгляд, мы в большом долгу перед Юрием Васильевичем Кондратюком. Его вклад в космонавтику еще не нашел достойного отражения в печати. Независимо от Циолковского, не зная его работ, Кондратюк совершенно новым, оригинальным методом вывел основные уравнения полета ракеты, внесшие неопределимый вклад в сокровищницу мировой науки».

В конце повести приведены слова инженера вашингтонского управления по космосу Джона Хуболта, разработавшего проект посадки людей на Луну: «Когда ранним мартовским утром 1968 года с взволнованно бьющимся сердцем я следил на мысе Кеннеди за стартом ракеты, уносившей корабль «Аполлон-9» по направлению к Луне, я думал в этот момент о русском — Юрии Кондратюке, разработавшем ту самую трассу, по которой предстояло лететь трем нашим астронавтам...»

Главное внимание автором повести уделено раскрытию глубокого духовного мира изобретателя, самобытного ученого-самоучки, его цельной благородной природы, исключительно щедрой души.

На Кубани днем он работал на элеваторе; творчески освоив технику, обогатил ее изобретениями. Ночью же

трудился над проблемами космонавтики. Ю. Кондратюк говорил: «Русь богата талантами, Подтянется промышленность, и человек шагнет к звездам. Я верю: первым таким человеком будет наш, советский гражданин».

Это была на редкость целеустремленная натура. Так, например, он очень переживал, как увязать любовь к девушке и цель жизни — окончание книги о завоевании межпланетных пространств? Однако раз полюбив, после гибели любимой остался ей верен навсегда.

Деньги, заработанные изобретениями на элеваторе, он использовал для издания своей книги о завоевании межпланетных пространств. В 1929 году в Новосибирске она вышла с предисловием профессора В. П. Ветчинкина тиражом в 2000 экземпляров и имела огромный резонанс не только в нашей стране, но и во всем мире. Автомобильный король Германии Франц фон Оппель и американский ученый профессор Роберт Годдард обратились к нему с просьбой выслать им эту книгу. Затем пришло письмо из Америки, в котором его приглашали на конгресс астронавтов, причем с такой оговоркой: «Если Вы материально в затруднительном положении, мы готовы вам выслать нужное количество долларов не только на проезд, но и на ознакомление с промышленностью страны». Кондратюк на это письмо не ответил и в Америку, конечно, не поехал. Он с возмущением говорил:

«Хотят закупить с патронами, не выйдет! У нас наша страна! Поедешь и откуда не вернешься, если они поняли, что на этом можно хорошо заработать».

Как только началась Великая Отечественная война, пламенный патриот Родины Ю. Кондратюк пошел добровольцем в ополченцы. Был зачислен рядовым телефонистом в полковую роту связи. При восстановлении линии связи под Москвой был сражен вражеской пулей. Так оборвалась жизнь замечательного ученого-самоучки, одного из первопроходцев космонавтики. Но Юрий Васильевич Кондратюк не забыт советским народом. Труды его издаются, о нем много пишут. На полной карте Луны имя Ю. Кондратюка увековечено в названии одного из ее кратеров.

Дело его живет. И правильно сказано в повести, что у чертежных досок конструкторов космических кораблей, у пультов управления дальних космических станций незримо стоит и Ю. В. Кондратюк, идеи и планы которого сбылись.

Читается повесть с неослабевающим интересом, и я настоятельно рекомендую ее прочесть всем, интересующимся историей космонавтики, особенно молодежи, для которой образ Ю. В. Кондратюка — изобретателя, ученого, гражданина, человека — может служить прекрасным примером.

Арчил БЕТАНЕЛИ

Грузинскому лингвисту и писателю, академику Академии наук ГССР, доктору филологических наук, профессору Шота Дзидзигури исполнилось 70 лет, сорок пять из которых отданы научно-педагогической деятельности.

В связи с этой знаменательной датой Правление Союза писателей Грузии направило в адрес юбиляра приветствие, которое мы предлагаем вниманию читателя.

Шота Дзидзигури — выдающийся языковед и достойный член нашей писательской семьи. Тематика его научной деятельности непосредственно связана с грузинской литературой. Всю свою сознательную жизнь он посвятил изучению и исследованию грузинского языка и как ученый и писатель внес большой вклад в дело развития грузинского литературного языка. В этом смысле неопределимы его языковедческие труды. Шота Дзидзигури — достойный ученик и продолжатель дела выдающихся грузинских ученых, чьи имена являются гордостью нашей культуры.

Велика сфера научных интересов Ш. Дзидзигури. В своих трудах он поднимает вопросы истории грузинского языка, диалектологии, лексикологии, топонимики, фольклористики. Особое внимание уделяет он проблеме языка и стиля писателя.

Труды Ш. Дзидзигури, посвященные вопросам языка писателя, собраны в книге «Языковое наследие грузинских классиков». В ней рассмотрены вопросы языкового наследия Шота Руставели, Давида Гурамишвили, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Якоба Гогешвили, Важа Пшавела, Александра Казбеги и других.

Ученый исследует языковое наследие именно тех писателей, которые определили магистральную линию развития грузинского литературного языка с XII по XX век. Эта книга, естественно, с большим вниманием была принята нашей литературной общественностью.

Особый интерес представляют наблюдения автора над языком Ш. Руставели, Д. Гурамишвили и Важа Пшавела. Исследователь сумел на языковом материале обосновать факт слияния восточных и западных языковых форм и лексических единиц с грузинскими в творчестве этих писателей.

Рассматривая проблему языка Важа Пшавела, Ш. Дзидзури отверг распространенную в грузинском литературоведении мысль о том, что Важа Пшавела писал свои стихи и поэмы на пшавском диалекте грузинского языка и пытался утвердить его в литературе вместо литературного языка.

Он же обнаружил и изучил фрагменты словарного материала, собранного Ильей Чавчавадзе, установил его источники и определил значение в истории грузинской лексикологии.

Заслуги Ш. Дзидзури перед грузинской культурой по достоинству оценены партией и правительством. Он награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями; а совсем недавно Указом Президиума Верховного Совета СССР — орденом Октябрьской Революции.

Правление Союза грузинских писателей от имени всех грузинских писателей с любовью приветствует юбиляра, желает ему здоровья, долгой жизни и новых творческих побед.

ДОЛГИЕ 55...

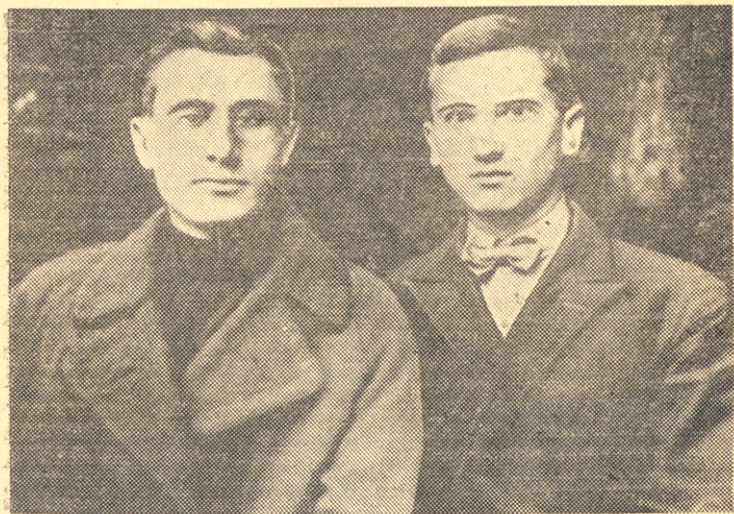
55 лет...

Я пишу это число цифрами, мне кажется, так будет лучше. Стоящие рядом эти две пятерки столь же красивы, как и то, что они символизируют собой, — наше пятидесятипятнадцатилетнее братство, ни на один день не прерываемое, ни один день не тяготившее нас, ни одним днем не омраченное, которое, слава богу, длится по сей день.

На исходе этих пятидесяти пяти лет я от всей души поздравляю тебя, дорогой мой брат, с твоим славным семидесятилетним юбилеем. К счастью, не только в моей памяти, которая в последнее время, как я замечаю, немного изменяет мне, но и в моем архиве сохранились живые свидетельства этого долгого братства и, что главное, фотодокументы (наряду с твоими письмами периода твоей учебы в Ленинграде...). Среди самых ранних фото это, пожалуй, выглядит лучше всех... На фотографии дата — 12 августа 1928 года.

Она снята на даче в Тба, возле Цагвери, где я после перенесенной тяжелой болезни заново возвращался к жизни. (12 августа в зимнем пальто, помнишь? Как писал поэт: «Пальто зимнее со старыми пуговицами купил я однажды на «дезиртирке»...). С тех пор прошло более полувека. Наши с тобой жизни в течение этого долгого пути — словно открытые книги; все, кому было интересно, читали их — да будет впрок им это.

Я имею в виду не только наши творческие судьбы, но и личную жизнь. Тем более ничто в жизни каждого из нас не ускользало от внимания другого — ни один шаг, ни одна строка, ни один замысел. И несмотря на это сегодня, в день твоего юбилея, окинув взглядом все твои труды, я не могу удержаться от восторженного возгласа: слава твоему уму и энергии! Ты воистину внес огромный вклад в науку картвелологии, в дело фундаментального изучения грузинского языка, грузинской диалектологии, грузинского фольклора, грузино-баскских языковых взаимосвязей, проблемы исследования языкового мира грузинских классиков и современных грузинских писателей. Твои труды о языковом наследии Шота Руставели. Саба-Сулхана Орбелиани, Ильи Чавчавадзе, Акакия Це-

ретели, Якоба Гогешашвили, Важа Пшавела и мно-
гих других стали настольной книгой не только специа-
листов в этой области, но и почитателей грузинского
языка и литературы.

Я знаю, что только безграничная любовь к грузин-
ской поэзии, к грузинской литературе привела тебя к
научному изучению языка писателей. Ты и одного дня
своей сознательной жизни не прожил вне грузинской
литературы, вне нашей поэзии. Эта любовь с юности
связала тебя крепкими узами с грузинскими писателя-
ми, которые всегда безгранично любили тебя.

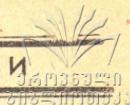
Но сегодня я хочу во всеуслышание выразить тебе
особенную благодарность, благодарность, которую ис-
пытывают все твои соотечественники, за книгу «Гру-
зинский язык», известную уже во многих странах. Ес-
ли бы существовало выражение «научный патриотизм»,
то его можно было бы употребить применительно к
этой книге; в лице ее картвелологическая наука на
сегодняшний день выполнила свой долг перед нашей
Родиной, нашим народом и, что особенно важно, —
перед самой наукой. Грузинский язык несомненно
представляет интерес для всего культурного мира, и
культурный мир незамедлительно заинтересовался им.
На сколько языков мира переведена сегодня твоя кни-
га? Это воистину великое дело.

Мы стремимся донести до мира нашу культуру,
нашу древнюю и богатую литературу, а для этого куль-
турный мир должен знать, на каком языке мы говорим,
на каком языке писали и продолжаем писать наши
книги за пятнадцативековую историю нашей литера-
туры. Мне кажется, это следовало сделать гораздо
раньше.

Язык — знамя всей жизни нации, ее прошлого, на-
стоящего и будущего.

Тут же, пользуясь случаем, выражаю благодарность
тебе, брат мой, за твою работу над языком Грузинской
Советской Энциклопедии. Прими, дорогой Шота, это
мое открытое письмо к тебе.

Ираклий АБАШИДЗЕ

Анджей ХОДУБСКИ

О ПОЛЬСКО-ГРУЗИНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

СВЯЗИ грузинского и польского народов имеют многовековую историю. Известно, что уже в XII — XIII веках существовали тесные торговые отношения между Грузией и Польшей. Из Грузии в Польшу вывозились фрукты, вино, позже — лошади, кожа, ковры, восточные украшения. Из Польши доставлялись янтарь, оружие, украшения. Развитие торговли между обоими народами обусловило возникновение двух важных торговых путей — Черноморской и Татарской дорог. Первая вела из Львова и Каменец-Подольска к портам Черного моря — Килии, Аккерману (Белогороду), Очакову и далее, по морю, к портам Западной Грузии. Вторая — направлялась из Каменец-Подольска и Львова через причерноморские степи в Грузию и уже отсюда — в Армению или Азербайджан.

Наиболее оживленный характер грузино-польские торговые связи приобретают в XVII — XVIII веках.

Дипломатические отношения между обоими народами также сформировались рано — еще в XV веке послы грузинских царей ездили в Польшу.

С XVII века правящие круги грузинских царств и княжеств, выражая стремление прогрессивных сил, установили постоянные дипломатические контакты с Польским государством.

Польская дипломатия также проявляла большой интерес к Грузии, видя в ней надежного соратника в антитурецкой коалиции.

В начале XVIII столетия на Кавказе, в том числе в Грузии, появились польские католические миссии иезуитов и кармелитов. Большую известность среди находившихся здесь польских миссионеров получил Тадеуш Крусиньски, аккредитованный при дворе грузинского царя Вахтанга VI и занимав-

щийся изучением истории, географии, традиций и обычаев местного населения. В его книгах содержатся интересные сведения по истории и культуре Грузии. Но, к сожалению, эти источники по сию пору не использованы в научном обиходе.

Интересно, что в ту пору наблюдалось влияние грузинской моды на польскую. В XVII — XVIII веках в польское искусство проникали восточные элементы. Особенно сильно грузинское влияние сказывалось в изготовлении ювелирных изделий и одежды. Польский король Ян Собески одевался обычно в кавказский костюм. О том, какой была мода на Кавказе, и в частности в Грузии, он узнавал от специальных посланцев. Седла и конская сбруя в Польше также часто делались по грузинским образцам.

Новый этап польско-грузинских связей относится к началу XIX века. С присоединением Грузии к России в грузинских городах появились царские гарнизоны, в которых служило немало поляков, довольно быстро адаптировавшихся и акклиматизировавшихся в местных условиях. Одни из польских военнoслужащих были сюда сосланы, другие — вступали в ряды находившейся на Кавказе армии добровольно, так как здесь легче было продвинуться по службе, чем в других частях России.

Надо также отметить, что немало грузин в тот период служило в частях царской армии, стоявших в Польше. Особенно много их побывало в Варшаве после 1831 года.

В XIX столетии в Грузии жило довольно большое количество поляков. По данным переписи 1897 года только в Тифлисской губернии их насчитывалось 5096 человек. В основном это были военные, но находились здесь также политические ссыльные и выпускники вузов России, главным образом Петербургского университета, направленные сюда на работу. Среди них доброй славой пользовались врачи, инженеры, учителя.

Примечательно, что высланные в Грузию поляки в силу своих политических убеждений сближались с местными прогрессивными деятелями и принимали самое живое участие во всех сферах жизни грузинского общества.

Жившие в Грузии поляки активно включались и в местную культурную жизнь. Многие из них именно здесь проявили свои творческие дарования. Немало литературных страниц посвятили Грузии, красоте ее природы, истории, традициям, обычаям такие польские поэты и писатели, как Тадеуш Лада-Заблоцки, Владислав Стжельницки, Матеуш Гралевски, Генрик Дzierжка, Казимеж Лапчински, Винценты Давид, Кароль Калиновски и многие другие. Их произведения убедительно свидетельствуют о взаимопонимании, дружбе и солидарности обоих народов. Некоторые из них даже стремились доказать, что грузины и поляки имели общих предков. Ныне эта гипотеза признана романтической легендой. В ряду произведений о Грузии той поры особого внимания заслуживает работа М. Гралевского «Кавказ. Воспоминания о 12-летнем плене. Описание страны. Население. Обычай и традиции». В этой своего рода географическо-исторической и этнографиче-

ской монографии, изданной в 1877 году во Львове, автор описывает столицу Грузии — Тбилиси, его быт, обычаи, развлечения, литературу.

Тесно был связан с Грузией и К. Лапчински, изучивший в Тбилиси грузинский язык и литературу. Он является переводчиком многих произведений грузинской литературы на польский язык. Особое место в его переводах занимало творчество Шота Руставели.

Добрую славу на Кавказе, в том числе и в Грузии,нискал также картограф Юзеф Ходзько (1800 — 1881). Будучи первым создателем геологической карты этого региона, он вел обширные исследования в области географии и геологии Кавказа, был одним из основателей Кавказского отделения Русского географического общества и первым его председателем. В этом обществе деятельно трудились и другие поляки, такие, например, как Героним Стебницки, Леонард Загурски, Антонин Рехман и другие. После смерти Юзефа Ходзько его дело продолжил Героним Стебницки.

Большую работу в Грузии вели биологи Людвиг Млокосевич и Владислав Баграновски. Основатель первого в Российской империи заповедника в Лагодехи, Л. Млокосевич лично посадил там немало редких деревьев, открыл и описал около 60 видов растений, носящих его имя, акклиматизировал в Грузии самые лучшие сорта чая и табака. Ныне в Лагодехи находится небольшой музей его имени.

Владислав Баграновски основал в Сухуми широко известный и поныне ботанический сад.

Необходимо сказать, кроме того, о вкладе поляков в строительство в Грузии железных дорог. Вспомним в связи с этим Кароля Бохдановича и Стефана Черноцкого.

Во второй половине XIX века в Грузии начали создаваться польские организации типа общества «Дом Польский», призванного способствовать культурному развитию широких слоев польского населения Грузии. В Тбилиси существовали также «Польское общество взаимопомощи», «Польское благотворительное общество» и другие, служившие своего рода образцом для других аналогичных организаций Кавказа.

Среди польских деятелей, обосновавшихся тогда в Грузии, назову, к примеру, Бронислава Мельхарского, Алекса Аслановича, Стефана Хржановского, Юзефа Жултовского...

Известностью пользовался практиковавший в Тифлисе врач И. Цехановский, являвшийся внуком высланного из Польши революционера Иосифа (Фортуната) Цехановского.

Тогда же в Польше побывали грузины. Это, например, грузинский писатель, князь Георгий Эристави, изучавший в Варшаве польский язык и литературу, большой поклонник творчества Адама Мицкевича, переведший на грузинский язык его «Крымские сонеты» и часть третьей главы «Дядов».

Свой вклад внесли поляки и в борьбу за победу в Грузии Советской власти, в строительство здесь нового социального уклада жизни. Уже в начале революционного движения тут выделялись такие поляки-революционеры, как ор-

ганизаторы социал-демократических кружков И. Франчески, В. Курнатовский и другие, широко пропагандировавшие марксистское учение.

Как известно, командармом XI Красной Армии, освободившей Грузию и Закавказье от иностранных интервентов и буржуазных правительств, был М. Левандовский (1890 — 1938).

С победой Октября поляки в Грузии стали активными организаторами и строителями новой жизни. По данным переписи 1926 года их было в Грузии 3322 человека.

До Великой Отечественной войны в Тбилиси существовали и польские школы, среди которых большой известностью пользовалась Польская средняя школа — единственная в Закавказье. При ЦК КП Грузии была организована Польская секция, которая участвовала в осуществлении общих задач Компартии Грузии.

Значительную часть поляков, живших в это время в Грузии, составляли военные, чиновники, врачи, аптекари; все они навсегда избрали Грузию своей второй родиной. Им несомненно принадлежит большая заслуга в ее социалистическом строительстве.

Новый характер получили связи Польши и Советской Грузии после Второй мировой войны. В соответствии с общей линией развития международных отношений они основаны на принципах интернационализма, дружбы, взаимопомощи и сотрудничества во всех областях общественной и культурной жизни. Поэтому сегодня для нас и в Народной Польше и в Социалистической Грузии интересна каждая страница летописи нашей дружбы.

Георгий СТУРУА

Национально-освободительные революции в Центральной Америке и вмешательство империализма США

Последние годы международной жизни отмечены значительным нарастанием национально-освободительных движений во многих районах мира. Такое развитие событий вызвано стремлением все большего числа государств идти по пути независимого развития, желанием освободиться от экономического, политического и идеологического влияния империализма. Вместе с тем нарастает классовая борьба трудящихся против гнета монополий.

Перемены, вызванные изменением в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма, ограничивают возможности международного империализма. В отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, с которым выступил тов. Л. И. Брежнев, отмечалось: «Сузилась сфера империалистического господства в мире, обострились внутренние противоречия в странах капитала и соперничество между ними. Резко возросла агрессивность политики империализма — и прежде всего американского»¹. Правящие круги Соединенных Штатов предпринимают попытки всеми средствами задушить национально-демократические движения в разных странах мира, выступая в роли международного жандарма.

Наглядным примером тому служит политика США в Центральной Америке.

На рубеже 70-х и 80-х годов этот район стал ареной важных перемен, имеющих огромное значение для судеб всего латиноамериканского региона: победила никарагуанская революция, положившая конец 40-летней деспотии семейства Сомосы,

¹ Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. «Коммунист» № 4, 1981 г. с. 4.

усиливаются демократические и революционные движения в Гватемале и Гондурасе, новых решающих побед добиваются сальвадорские патриоты в кровопролитной борьбе против проамериканской правящей хунты, одерживает заметные победы народное движение в Коста-Рике.

Подобное развитие событий в стратегически важном для США субрегионе вызывает серьезную озабоченность у правящих кругов Вашингтона. По мере нарастания освободительных процессов в этом районе увеличивается возможность «потери» Центральной Америки, издревле считавшейся «задворками» североамериканского империализма. «...Соединенные Штаты теряют почву под ногами в Центральной Америке, стабильность и дружбу которой Вашингтон на протяжении долгих лет воспринимал как должное»¹ — пишет в этой связи газета «Нью-Йорк Таймс», а Альфред Степан, известный политолог из Йельского университета, отмечает, что «...эра гегемонии США де-факто кончилась»². Такая обеспокоенность потерей былой мощи и влияния США особенно резко возросла после победы никарагуанской революции в июле 1979 года. Подлинно народная, антиимпериалистическая и демократическая революция в этой многострадальной стране сотрясла не только Центральную Америку, но и все западное полушарие. В свою очередь, правящие круги США предпринимают усилия с целью не допустить повторения никарагуанских событий в других странах субрегиона, воспрепятствовать приходу к власти в этих государствах прогрессивных правительств. Вашингтон идет на любые авантюры вопреки риторике о своей приверженности принципам невмешательства и демократии. Традиционно сочетая «дипломатию доллара» с «политикой канонерок», реакционные круги Соединенных Штатов стремятся предотвратить радикализацию внутриполитической обстановки в относительно спокойных в 70-х годах центральноамериканских республиках. С этой целью Вашингтон навязывает всякого рода «косметические» мероприятия в странах с правыми военными диктатурами для придания им видимости некоей формальной демократии. «Соединенные Штаты хотят перемен в Центральной Америке, — констатирует американский еженедельник «Ю. С. Ньюс Уорлд Репорт», — но они выступают за постепенный процесс, в ходе которого военные диктатуры преобразуются мирным путем в умеренные, немарксистские режимы, выступающие за социальную справедливость»³. Ему вторит и бывший помощник госсекретаря США по межамериканским делам Вайрон Вейки, который, выступая 11 сентября 1979 года в подкомиссии по межамериканским делам американского конгресса, подчеркивал, что «главным моментом, характеризующим Центральную Америку сегодня ... является требование перемен. Главный вопрос, — продолжал он, — заключается не в том, будут перемены или нет, а в том, каков будет их характер — разрушительный и радикальный, или мир-

¹ «The New York Times», July 9, 1980.

² «Foreign Affairs», 1979, Vol. 58, No 3, p. 660.

³ «U. S. News and World Report», May 19, 1980, p. 23.

ный и эволюционный, в направлении уважения прав человека и демократических идеалов»¹.

Таким образом, совокупность вышеуказанных факторов вынудила правящие круги Вашингтона произвести переоценку ценностей, выработать «новый» подход в политических и экономических отношениях со странами субрегиона, повысить их роль в системе стратегических интересов США.

Обратившись к истории взаимоотношений Соединенных Штатов со странами, расположенными в центральной части американского континента, необходимо отметить, что именно военная интервенция традиционно была важным средством политики Вашингтона в странах Центральной Америки и Карибского бассейна. Гватемала и Гондурас, Сальвадор и Никарагуа на протяжении не одного десятилетия являлись фактически колониями Соединенных Штатов, которые открыто вмешивались в их внутренние дела, посылая морских пехотинцев и наемников в эти страны под предлогом «защиты» американских граждан. Так, в 1912 году корпус морской пехоты США оккупировал Никарагуа. Военная оккупация длилась двадцать один год и завершилась воцарением семейства Сомосы, которое «верой и правдой» служило интересам американских монополий на протяжении более 4-х десятилетий. Не «простили» США и прогрессивного президента Гватемалы — полковника Хакобо Арбенса, осмелившегося «замахнуться» на могущество американской банановой монополии «Юнайтед Фрут Компани», филиалы которой опутали все центральноамериканские республики. Организовав переворот с помощью ЦРУ, они свергли прогрессивное правительство и насадили проамериканский режим, который держался у власти лишь благодаря экономической и военной помощи США. Не избежал такой участи и Гондурас, на территорию которого в разные годы (1903 — 1925) неоднократно вторгались американские солдаты. В этой связи вспоминается красноречивое высказывание госсекретаря США в администрации Д. Эйзенхауэра Джона Фостера Даллеса, который отмечал, что «есть два способа завоевать какую-либо страну. Один из них — навязать свою волю ее народу силой оружия, второй — поставить под контроль ее экономику с помощью финансов». В случае со странами Центральной Америки Вашингтоном использовались в прошлом и используются сегодня оба рецепта. Это еще раз подтверждает нынешняя политика Соединенных Штатов в отношении государств этого района.

Каковы реальности сегодняшних дней, как развиваются события в этом районе на рубеже 70-х и 80-х годов? Какие новые элементы привнесли США в свою политику в Центральной Америке, которую многие наблюдатели характеризуют как «пороховую бочку»?

Дело в том, что победа 17 июля 1979 года никарагуанской революции ознаменовала начало нового этапа в революционном движении не только в Центральной Америке, но и во всем латиноамериканском регионе. Этому не отрицают даже буржуаз-

¹ «The Department of State Bulletin», January, 1980, Vol. 80, No 2034, p. 58.

ные исследователи. Так, Томас Уокер — известный американский политолог, профессор университета Огайо, охарактеризовал победу сандинистов как событие «огромной важности не только для Никарагуа, но и возможно для всей Латинской Америки»¹. Пришедшее к власти правительство национального возрождения провозгласило курс на проведение социально-экономических преобразований внутри страны и независимую политику на международной арене². В этой связи представляют интерес характер и тактика противодействия США развитию прогрессивных преобразований в Никарагуа.

Основные задачи американской дипломатии на всем протяжении вооруженной борьбы в этой стратегически важной для Соединенных Штатов центральноамериканской стране заключались: во-первых, в недопущении вооруженной победы СФНО «Сандинистский фронт национального освобождения»; во-вторых, в достижении «мирного урегулирования» с передачей реальной власти представителям буржуазных группировок; в-третьих, в оказании международного воздействия в целях гарантирования развития этой страны по «умеренному», т. е. буржуазно-реформистскому пути³. Достижению этих целей был посвящен план, разработанный Соединенными Штатами и предложенный на 17-м консультативном совещании министров иностранных дел стран—членов ОАГ (июнь 1979 г.). Главное место в плане отводилось созданию совместных «межамериканских сил мира» с целью послышки их в Никарагуа. Это означало не что иное, как вооруженное вторжение под флагом ОАГ с целью подавления революции. Однако, как известно, латиноамериканские государства отвергли это предложение и потребовали замены режима Сомосы и создания демократического правительства. Не прекратились попытки американской дипломатии задушить народную революцию и в ходе IX сессии Генеральной Ассамблеи Организации американских государств, проходившей в столице Боливии — Ла-Пасе в конце октября 1979 года. 26 государств Латинской Америки и здесь решительно выступили против попыток США осуществить интервенцию в Никарагуа под флагом ОАГ, чтобы остановить революцию.

Победа никарагуанской революции оказала сильное влияние на другие страны Центральной Америки и Карибского бассейна. Резко обострилась внутривнутриполитическая обстановка в соседнем Сальвадоре, где правящая военно-гражданская хунта развязала настоящую гражданскую войну и осуществляет политику откровенного геноцида в отношении своего народа. Только за 1980 год в стране было убито почти 9 тысяч человек⁴, а всего по данным сальвадорской церкви за период с 1979 по фев-

¹ «Current History», February, 1980, p. 57.

² См. подробнее «Латинская Америка», № 1, 1980, с. 21—39.

³ «Латинская Америка», № 7, 1980, с. 58.

⁴ Country Reports on Human Rights Practices. Report submitted to the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate and Committee on Foreign Affairs. U. S. House of Representatives by the Department of State. February 2, 1981. U. S. Gov. Print. Off., Wash., 1981, p. 428.

раль 1981 года в результате насилия и террора, осуществляемого правительственными силами безопасности и правыми фашистскими группировками, погибло более 16 тысяч сальвадорцев. В свою очередь, как Гватемала, так и Гондурас испытывают на себе революционизирующее воздействие гражданской войны в Сальвадоре. В Гватемале разворачивается широкое движение за свержение военно-фашистской диктатуры Ромео Лукаса Гарсии, возведшего насилие и террор в отношении своего народа в ранг государственной политики. Согласно данным, содержащимся в докладе госдепартамента США, каждый месяц по политическим мотивам в стране убивают в среднем от 75 до 100 человек¹. Жесточайшему истреблению подвергаются оппозиционные силы, в первую очередь прогрессивные организации. Было уничтожено руководство социал-демократической и христианско-демократической партий. Однако, несмотря на террор, развязанный правыми экстремистскими формированиями и военизированными фашистскими группировками, борьба в Гватемале нарастает, основные оппозиционные силы объединяют свои ряды, создают вооруженные отряды, которые уже осуществляют контроль над многими районами страны. Обстановка в стране осложняется еще и тем, что Вашингтон делает основную ставку на Гватемалу в качестве «главного союзника» США в Центральной Америке. Резко критикуя политику администрации Картера в отношении Гватемалы в конце 70-х годов (как известно, в результате политики «защиты прав человека» Белый дом сократил объем военной и экономической помощи Гватемале — Г. С.), пришедшая на смену администрация республиканцев резко увеличила поставки вооружений гватемальской армии, являющейся самой многочисленной и сильной в Центральной Америке. (По данным, опубликованным еженедельником «Ньюсуик» 16 марта 1981 года, гватемальская армия насчитывает от 15 до 20 тысяч человек — Г. С.). Вооружение антинародной диктатуры Р. Лукаса Гарсии правящие круги Соединенных Штатов пытаются прикрыть разглаживанием об опасности Гватемале, якобы исходящей извне. Американская печать изобилует статьями о «советском вмешательстве» в Гватемале, о «кубинской агрессии», о «коммунистическом заговоре» и т. д. Нетрудно понять такую реакцию Вашингтона на события в Гватемале и в других странах Центральной Америки, рассмотрев экономические интересы США в субрегионе. Достаточно сказать, что лишь частные американские инвестиции в этих странах составляли в 1979 году 1,025 млн. долларов, из которых на долю Гватемалы приходилось 260 млн. долларов, Гондураса — 250 млн., Коста-Рики — 210 млн. долларов, Никарагуа — 160 млн. и Сальвадора — 145 млн. долларов².

К концу 1980 года самой острой проблемой в отношениях между Соединенными Штатами и Латинской Америкой стал вопрос о Сальвадоре, в котором к концу 70-х годов резко обострилось внутривнутриполитическое положение. В обстановке резкой

¹ Ibidem, p. 442.

² «The New York Times», July 9, 1980.

поляризации сил в октябре 1979 года был свергнут диктатор Карлос Умберто Ромеро и к власти пришла группа офицеров вооруженных сил страны. Была образована военно-гражданская хунта в составе пяти членов (два представителя вооруженных сил Сальвадора, трое — представители гражданских сил, среди них представитель частного сектора, представитель левацкой политической партии (Националистическое революционное движение), представитель, имеющий тесные связи с католической церковью. После безуспешных попыток правящей хунты разрешить серьезный социально-экономический кризис в стране она была распущена и был создан новый «директорат» в составе двух представителей вооруженных сил, двух членов христианско-демократической партии и одного — независимого, причем представители ХДП обусловили свое участие в правительстве полным отстранением частного сектора от участия и активной роли в руководстве страной. Новым составом военно-гражданской хунты были предприняты попытки осуществить некоторые неотложные социально-экономические реформы с целью не допустить радикализации внутриполитической обстановки и воспрепятствовать приходу к власти подлинно демократических и прогрессивных сил, объединенных в Революционно-демократический фронт (РДФ) — ведущую силу страны, находящуюся в оппозиции правящему режиму. Именно на поддержку правящей военно-гражданской хунты, развязавшей в стране патологическое насилие и террор, была направлена политика прежней демократической администрации США. В. Вейки — бывший помощник госсекретаря США по межамериканским делам, а ныне декан дипломатической школы Джорджаунского университета писал в статье, опубликованной в журнале «Форин Аффферз», что «политика администрации Картера была направлена на оказание помощи «центристской» хунте Сальвадора, ввиду отсутствия реальной альтернативы последней»¹.

Пришедшая в январе 1981 года к власти новая американская администрация, провозгласив провокационный пропагандистский прием — борьбу против «международного терроризма», под коим Белый дом подразумевает борьбу против национально-освободительного движения, делает Центральную Америку своего рода пробным камнем своей борьбы с коммунизмом, причем центральная роль отводится наиболее «горячей точке» субрегиона — Сальвадору.

В первые же недели своего пребывания у власти администрация Рейгана сосредоточила внимание на проблемах вмешательства в Сальвадор. Была резко увеличена американская военная и экономическая помощь хунте — до 225 млн. долларов. В Сальвадор были отправлены большие группы американских «советников» из числа военнослужащих США, принимающих непосредственное участие в боевых действиях против патриотов. Вашингтон, в целях избежать критики и приглушить протесты против «вовлечения» США в гражданскую войну в Сальвадоре, умышленно занижает численность своего персонала в Сальвадоре, который, по данным Координационного совета Революци-

¹ «Foreign Affairs», 1981, Vol. 59, No 3, p. 623.

онно-демократического фронта и Фронта национального освобождения им. Фарабундо Марти (РДФ--ФНОФМ), превысил 1.000 человек. Следует также отметить, что в Сальвадоре есть и другие наемники, например, бывшие солдаты сомалистской национальной гвардии, каратели из соседних Гондураса и Гватемалы. Поэтому очевидно, что распространяя ложь о внутреннем положении в Сальвадоре, о якобы имеющем место вмешательстве «извне» во внутренние дела страны, правящие круги Соединенных Штатов преследуют вполне определенную цель. США хотели бы дискредитировать сальвадорских патриотов и лишить их международной поддержки, кроме того, администрация Рейгана, не исключая возможности вооруженной интервенции, хочет добиться всесторонней поддержки своей «новой» политики в отношении Центральной Америки со стороны своих западноевропейских союзников и своих латиноамериканских «друзей».

Для рекламы своей политики в Сальвадоре вашингтонской администрацией были направлены две миссии в феврале 1981 года. Одна — во главе с помощником госсекретаря США по европейским делам Иглбергером в Западную Европу, другая под руководством бывшего заместителя директора ЦРУ генерала Уолтерса — в Латинскую Америку.

Однако как в Бонне, так и в Париже разглашательства эмиссара Белого дома относительно «коммунистической опасности» Сальвадору не возымели успеха. По словам журнала «Лэтин Америка, Уикли Рипорт», европейцы нашли «утверждения» Иглбергера о массовой помощи коммунистической помощи сальвадорским партизанам неубедительными, а позицию США в высшей степени упрощенной¹. Европейские лидеры выразили мнение, что единственный ключ к решению кризиса в Центральной Америке — политическое урегулирование.

Подобная участь постигла и генерала Уолтерса, посетившего ряд латиноамериканских столиц, в том числе Мехико, Бразилия и Каракас. Попытки известного специалиста по организации переворотов в странах Латинской Америки привести «доказательства» вмешательства СССР в гражданскую войну в Сальвадоре и осуществления поставок вооружений партизанам из Кубы, Вьетнама, Эфиопии и даже Организацией Освобождения Палестины также не увенчались успехом. После встречи с Уолтерсом президент Мексики Лопес Портильо демонстративно тепло принял кубинскую торгово-экономическую делегацию, прибывшую в Мехико, а бразильские руководители недвусмысленно дали понять, что «Бразилия не примет участия в вооруженной интервенции в Центральную Америку»². Аналогичную позицию заняли Перу, Венесуэла и Коста-Рика, заявив, что они «выступают против военного вмешательства, за политическое урегулирование в Сальвадоре»³.

Важное место обсуждению положения в Сальвадоре было отведено и в ходе встречи между Р. Рейганом и главой мекси-

¹ «Latim America. Weekly report», 27 February 1981, p. 9.

² Ibidem, p. 9.

³ «Time», March 2, 1981, p. 38.

канского государства, состоявшейся в начале 1981 г. в Сью-дад-Хуаресе (Мексика). Президент Мексики высказался за решение социальных проблем самими сальвадорцами, без вмешательства извне¹.

Таким образом, налицо провал попыток правящих кругов США обеспечить себе поддержку латиноамериканских стран в вопросах политики как в Сальвадоре, так и в Центральной Америке в целом. Подавляющее число стран Западного полушария решительно осуждает интервенционистский политический курс администрации республиканцев. Руководители ряда государств региона подвергают резкой критике Белый дом за бесцеремонное вмешательство во внутренние дела стран субрегиона, за стремление любой ценой воспрепятствовать победе подлинно прогрессивных, патриотических сил. В результате этого возрастает степень изоляции США.

В свое время администрация Никсона с беспокойством констатировала, что «растущее во всем Западном полушарии отчаяние, порожденное нищетой и политической нестабильностью, привело к тому, что возрастающее число людей избирает Соединенные Штаты предметом нападок и ищет марксистских путей решения своих социально-политических проблем». Кроме того, отмечалось, что «если сохранятся существующие антиамериканские настроения, то можно предвидеть время, когда Соединенные Штаты окажутся в политической и моральной изоляции от некоторых или даже большинства стран Западного полушария»².

Тем не менее реакционные круги американского империализма, пытаясь повернуть вспять колесо истории, переходят в контрнаступление, стремятся подавить национально-освободительные движения в Центральной Америке.

Попытки нынешней администрации задушить никарагуанскую революцию, подавить пламя народной войны против военно-гражданской хунты в Сальвадоре, разгромить партизанское движение, которое нарастает в других странах региона, подтверждают правильность и актуальность слов В. И. Ленина, который предупреждал, что «сила революции, сила натиска, энергия, решимость и творчество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в решающее наступление»³.

В своей борьбе против империализма США страны Центральной Америки опираются на поддержку и солидарность стран Азии, Африки и Латинской Америки, всех прогрессивных сил мира. На стороне справедливого дела центральноамериканских народов стоят страны социалистического содружества во главе с Советским Союзом.

¹ См.: «The New Republic», February 7, 1981, p. 15.

² «The Department of State Bulletin», December 8, 1969, p. 507.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 40, с. 244.

Константин ВАНШЕНКИН

«...С НАТУРАЛЬНЫМ ВКУСОМ К ЖИЗНИ»

ПОЖАЛУЙ, это самая большая похвала, когда-либо полученная мною. И прежде, и потом (да и в том письме тоже) были оценки и похлеще, причем сугубо литературные, но со временем я понял, что и они как бы вытекают из нее.

...«Живете с натуральным вкусом к жизни».*

Но что это означает — в применении к писателю? Другой великий поэт сформулировал: «...быть живым, живым и только. Живым и только до конца».

Как-то недавно я сидел у нас в садике. Стояли дни чистой осени, листопад. Не его «глухая пора», а, наоборот, звонкая. Крепко закручиваясь, ввинчивались в синий воздух листки липы, планировали, выписывая восьмерки, бронзовые листья клена, отчеканенные молоточками осени.

Мне захотелось занести что-то в записную книжку, я расстегнул плащ, достал книжку и ручку, записал и убрал все обратно в карман. И тут я ощутил совсем слабый звук падения. Среди шуршания листопада я даже не расслышал, а угадал его. Посмотрел под ноги — ничего, проверил — все на месте, часы — на руке. Но неприятное чувство пропажи не отпускало. Я заглянул под скамейку, опять ничего не обнаружил, однако же встал и обошел скамью со стороны спинки. И тут я был вознагражден: я увидел свое серебряное колечко-перстенок. Оно упало с пальца, когда я вытаскивал записную книжку, и вот куда откатилось.

«Потеряла я колечко», — вспомнилось мне, и я водворил его на место. Потом, спустя время, появились стихи о молодой женщине возле моря: «С утончившегося пальца сваливается кольцо».

А тогда, поглубже надев его на палец, я подумал: «Все оттого, что не мое это дело—кольца да перстни носить. Как

* Строчки из письма А. Твардовского К. Ваншенкину, опубликованного в свое время в нашей прессе (ред.).

говорят режиссеры, «не в образе». Может, пора уже его снимать?»

Впрочем — по порядку.

Почти за два года до этого я побывал в Греции. Из московского морозного и снежного утра мы с Борисом Полевым с ходу окунулись в афинскую двадцатиградусную голубизну, ехали с аэродрома по людным, пестрым улицам, мимо строя отягченных бесчисленными золотыми плодами апельсиновых деревьев.

Времени было мало, дел — уйма, и прежде всего встречи с местными, радушно отнесшимися к нам, писателями, обсуждение путей и вопросов дальнейшего сотрудничества. Так что если бы следующий день не попал на воскресенье, неизвестно, удалось ли бы нам выбраться на Акрополь. Повезла нас на своей крохотной машине милая моложавая женщина, литературный секретарь Яниса Рицоса. Впрочем, добровольный, — оплачивать секретаря знаменитому поэту было бы не по средствам. Через несколько дней мы сидели у него в гостях, в малюсенькой двухкомнатной квартирке, увешанной картинами, заваленной книгами и рукописями, — как у всех нас. Очаровательный, высокий и стройный, хозяин открыл нам свою вторую страсть — по кабинету, на столиках и полках были расставлены его миниатюрные рисунки, сделанные на плоских камнях и даже папиросных коробках во время недавней фашистской диктатуры, в заключении, на одном из островков Эгейского моря.

Теперь же мы карабкались на крохотной машине, по крутой спирали, вверх, к Акрополю. Перед ветровым стеклом качались голубые четки хозяйки с одной, более крупной, густо-синей бусиной — от глаза.

Мы то и дело тормозили, чтобы разъехаться со спускающимися лимузинами и автобусами. А по сторонам тянулся беспрепятственный поток пеших туристов. Мраморными гранями слепил Акрополь. И тут я вспомнил Мандельштама:

Чтоб мрамор сахарный толочь,
Влезает белкой на Акрополь.

Очень точно.

— Спросите, пожалуйста, знают здесь эти строки? — сказал я нашей переводчице Софье Ильинской.

Оказалось, что секретарь крупнейшего греческого поэта, женщина разносторонне образованная и вполне интеллигентная, имени Мандельштама не слыхала. А Ахматову? Результат тот же. Твардовский? Не знает. Пастернак? Слышала, конечно, в связи с присуждением Нобелевской премии. Вот Маяковского и Есенина знает хорошо. Больше я не спрашивал. Но на всякий случай (простительно мое недоверие!) я интересовался теперь этим, выпытывал у всех греческих поэтов и критиков, с кем общался, — между делом, к слову, — может быть, чье-то ухо сохранило эти имена, может быть, чей-то глаз касался их строчек? Напрасная затея. И это при огромном и жадном желании все знать о нашей жизни и литературе.

Потом были доверительные беседы в тавернах (в Греции реально сохранилось это пиратское слово) на берегу моря, с шумом волны за окном, с высушенными диковинными рыбами и осьминогами по стенам. Потом Салоники с их пыльными античными раскопками и современной скульптурой возле университета. И, наконец, хмурый суровый Крит с его поразительным Кносским дворцом, с людьми чрезвычайно нам расположенными. Остров Крит, где почему-то до нас из советских писателей бывал только Илья Эренбург. А сперва ночной путь туда на громадном корабле с незапирающимися снаружи дверьми кают. Я проснулся среди ночи от качки. Полевой спал. Качка была совершенно вертикальная. Теплоход вздымался в высоту, а затем ухал вниз, — белая пена закрывала иллюминатор. Словно мячик от чьей-то ладони — вверх-вниз. Поступательное движение не ощущалось. Море выглядело глухим и черным, ни одного огонька. Затем слабо начало сереть, светать.

В Афины мы возвратились «Каравеллой». И тут хозяева нам сообщили, что планируются наши лекции — Полевого о прозе и моя о поэзии, — по инициативе греческих писателей и Общества дружбы.

— Мой вам совет, — сказал Борис Николаевич, — постарайтесь обойтись без шпаргалки.

Я так и сделал. Народу собралось множество. То есть, что значит множество. — для них. Зал, мест на триста, был набит. Человек, открывший вечер, вышел на минуту и уже не смог попасть на сцену, чтобы его закрыть. Борис Николаевич, то и дело роняя на лоб прядь несседеющих волос, живо и с юмором рассказал о журнале «Юность», о редколлегии, о своих авторах — прозаиках. Переводил, как нам с гордостью сообщили, лучший в Греции переводчик с русского. Полевому долго аплодировали.

Затем поднялся я. — Только, пожалуйста, покороче. — шепнул мне переводчик. — То есть как? — чуть не обиделся я, но тут же понял, что он имеет в виду как можно более частые мои паузы. Фраза-две, остановка, и точнейший, так называемый парламентский перевод. Конечно, при таком методе перевода говорящий должен завершать каждый период с той или иной долей изящества, афористичности, во всяком случае законченности, — иначе слушать будет неинтересно. Я старался изо всех сил. Я говорил о русской поэзии, о том, как много она значит для России, я объяснял, почему не прижился у нас верлибр, как ценится у нас изощренность стиха, возможность запоминать его наизусть. Я говорил о свободе нашего стиха, его многообразии и естественности. Я назвал несколько наиболее блистательных имен, — может быть, они вызовут у кого-нибудь смутные ассоциации или воспоминания. Я привел лишь одну цитату — из «Медного всадника». Я сказал: — Послушайте, как звучит русский стих:

И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —

Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

Здесь переводчик вынужден был остановиться, чтобы не дожидаться настоящей оvasию. Должен заметить, что в зале находилось всего лишь пять или шесть человек, знающих русский язык.

Потом нас с Полевым окружили, задавали вопросы и принятой там традиции делали нам маленькие подарки, вручали специально принесенные из дому сувениры. Я получил бело-голубой греческий флаг величиной чуть более ладони, коллекционный набор современных монет, составленную из полированных деревянных чешуек, скрепленных ниткой, изгибающуюся рыбку — тюремное изделие политических заключенных недавних тяжелых времен. И еще пожилая женщина подарила мне лежащий в картонной коробочке серебряный перстенок с рельефным изображением типично греческого лица — воина или поэта.

Дома, в Москве, я разложил все это по своим книжным полкам, рядом с другими памятными вещичками, столь уже привычными взгляду.

В конце лета я встретил на Рижском взморье Елизара Мальцева. Я знал, что недавно он перенес сложную глазную операцию, которую делал сам профессор Федоров. На средних пальцах каждой руки Мальцева были повязаны толстые гарусные нитки красного и зеленого цвета.

— Что это, Елизарий? — поинтересовался я.

Он объяснил, что теперь, в связи с возможным отслоением сетчатки, ему нельзя делать резких движений, и, чтобы он не забывал об этом, его старушка-мать и дала ему нитки: глянул и вспомнил.

Мы с ним поговорили, вздыхая, о материнской любви и заботливости.

Через полгода я тяжело заболел, лежал в больнице на спине, подключенный к контрольной аппаратуре, а за широким окном сквозил из тумана верхушками стволов густой березняк. Потом я стал поправляться, садиться, даже вставать и подходить к окну, откуда, с восьмого этажа, был уже виден парк, мощеные дорожки, прогулки выздоравливающих. Потом меня перевели в палату с более свободным режимом, и мой врач Виталий Никитич объяснил мне, что я должен стараться избегать не только явных стрессов, но и, по возможности, пустяковых волнений, что я постоянно должен быть начеку, ни на минуту не забывать и об этом.

И тут я вспомнил Елизара Мальцева с его цветными гарусными нитками на пальцах, и неожиданно — Грецию, тесный зал, окруживших нас людей, их трогательные подарки.

Я попросил принести из дому тот серебряный перстенок. Для безымянного пальца он оказался великоват, пришлось в пору на средний. Странно он выглядел на моей руке.

— Не стыдно? — спросил я у жены.

— Просто немного непривычно, — улыбнулась она.

Он должен был то и дело напоминать мне, что не следует раздражаться — в особенности из-за ерунды.

Все, являвшиеся меня проведать, сразу обращали на него внимание. Он и вправду бросался в глаза. Приходилось объяснять — каждому с самого начала. Потом к перстню привыкли. Привык к нему и я. Он перестал служить сигналом, предупреждающим об опасности. Я уже не замечал его и даже не сразу обнаружил его пропажу.

«Все, — подумал я. — Пора совсем снимать. Носить его уже не нужно. Это для меня ненатурально...»

Давно когда-то я жил в Воскресенске, в доме моего тещи, врача, которого все в городе знали и уважали. Однажды, в конце длинного летнего дня, я сидел на крылечке и читал, когда меня позвали

На улице, у калитки, стояли тещи, один из соседей мсложавый. незнакомый мне человек в белой рубашке. Оказалось, что это секретарь горкома.

— Здравствуйте, — сказал он мне, протягивая руку. — Как живется у нас?

— Хорошо у нас, — ответил я. — Спасибо.

— Константин Яковлевич, — обратился он ко мне доверительно. — Вот вы живете рядом, а у нас послезавтра актив, а потом слет ударников во Дворце культуры. А?

Я понял. Он просил, чтобы я выступил. Конечно, он пришел не специально по этому делу, он был у кого-то рядом и вот заглянул.

— Посмотрите, как я одет, — взмолился я. На мне были тапочки и залатанные джинсы. — Конечно, я найду надеть что-нибудь другое, но это носить я уже не смогу. Люди будут смотреть и думать: «Поэт», и это будет мне мешать, лишит раскованности. А она для меня главное. Я, живя здесь, немало написал, в том числе «Я люблю тебя, жизнь» и «Алешу» — я назвал наиболее известное, — я здесь живу с чувством внутренней свободы и ценю это. «С натуральным вкусом к жизни». А выступать нужно в другом месте: приехал, выступил и уехал.

— Я вас понял, — сказал он просто.

Я благодарен ему за это. Я запомнил вечеряющий летний воздух, тень от домов, заливающую уже пол-улицы; его белую рубашку.

Все это, вправду, было естественно, жизненно, натурально.

„ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЗЕМНОГО ШАРА“

В ТИФЛИСЕ 90 лет назад, 23 февраля 1891 года, родился русский поэт и переводчик грузинских и осетинских поэтов Рюрик Ивнев.

Вероятно, среди живых я старейший по стажу с ним знакомства, отсчитавшего шесть десятилетий.

Летом 1920 года мы оба оказались участниками диспута о пролетарском искусстве. Это было во Владикавказе, куда я приехал из Москвы, а Ивнев из Тифлиса, высланный в РСФСР Ноем Жордания.

Так как меньшевистское правительство Грузии имело дипломатические сношения с московским, оно не могло запретить Ивневу читать лекции о Ленине. Одна из них состоялась 4 января в зале консерватории. Но ее большой зал смог вместить лишь одну пятидесятую часть желавших слушать рассказ о вожде социалистической революции. Толпа заполнила всю тогдашнюю Крузенштерновскую улицу, один конец которой упирается в консерваторию, а другой в Головинский проспект (проспект Руставели). По нему стала растекаться толпа, превратив лекцию Ивнева в большевистскую демонстрацию. Рюрик Александрович скрылся в первую же после лекции ночь, затем полгода скитался по Закавказью и, поиманный наконец, был отправлен за другую сторону Кавказского хребта.

Для меня лично это обернулось удачей, положившей начало дружбе с интереснейшим человеком, длившейся 61 год, о котором я впоследствии написал целый ряд статей, опубликованных в «Неделе», «Огоньке», «Вечернем Тбилиси», «Литературном Азербайджане» и других.

Парадокс его биографии заключался в том, что, будучи беспартийным, а в царское время даже посещая приемы будущих эмигрантов (Зинаиды Гипшиус и ее мужа Дмитрия Мережковского), он оказался первым, кто пришел в Смольный по призыву Луначарского и стал его секретарем. Вместе с Ивневым тогда пришли лишь 4 человека: Александр Блок, худож-

ник Н. Альтман, Мейерхольд и В. Маяковский. В. Перлов свой очерк об Ивнeve назвал «Один из пяти».

Союз советских писателей в приветствии к 70-летию Ивнева назвал его и одним из создателей Красной Армии. Действительно, поэт еще до 23 февраля 1918 года участвовал в комиссии по организации Советской Армии. Это тоже парадокс на жизненном пути поэта, лишь несколько месяцев носившего военную форму.

Муза Ивнева лирическая, порою интимная, редко включающая политические строки (первый его сборник «Самосожжение» вышел в Петербурге в 1913 году, а первая публикация в большевистской прессе — до создания «Правды»), не дает оснований видеть в авторе революционного борца. Да он им и не был, но с какой-то глубинной интуицией поддержал родную Советскую власть уже с первых ее дней. Первый положительный отклик на Брестский мир принадлежит опять-таки Ивнeve в «Известиях». В той же газете той же поры он резко выступил против враждебной Советской власти позиции новоизбранного (впервые с эпохи Петра Первого) патриарха Тихона.

А чисто поэтическая деятельность Ивнева с ее начала — все 70 лет — это стихи преимущественно камерные. Не помню, вошло ли в какой-либо из двадцати его поэтических сборников стихотворение, которое Рюрик Александрович мне однажды подарил, но хочу сослаться на него, поскольку оно очень характерно для его манеры.

ОТВЕТ ПОЭТУ ГЕОРГИЮ КУЧИШВИЛИ

Я, как и ты, люблю родной Тбилиси,
Его балконы, крыши и сады,
И головокружительные выси,
И шум Куры, и «Темные ряды».

Я, как и ты, пленен его величьем
И новым блеском улиц и домов,
Мне кажется, что даже в пенье птичьем
Звучит о нем хвалебный гимн без слов.

Ты говоришь: «Страны любимой сердце,
Свинцовый дождь тебя не пепелит,
Под солнцем Грузии не раз пытались греться
Враги твои, их прах теперь забыть».

И многое во тьме веков исчезло,
Ушли и Тамерлан, и шах Аббас,
Кривым кинжалом грудь страны изрезав,
Враги убить не в силах были нас.

Тбилиси наш, как сон благоуханный,
Не раз сожженный, — зацветает вновь,
Особенный, пленительный, желанный
И радостный, как первая любовь.

На оригинале, с которого стихи перепечатаны, — собственноручная пометка Ивнева:

«1941

Тбилиси»

Я остановился на этой малоизвестной публикации, свидетельствующей о связи автора с Грузией и характерной для его общего политического настроения.

Ивнев -- автор четырех романов, среди которых последним опубликован «У подножия Мтацминды» (1973). Он в немалой степени автобиографичен. В то же издание были включены и мемуарные очерки Ивнева о Луначарском, Маяковском, Мейерхольде и Есенине, с которым его связывала принадлежность к общей литературной группе имажинистов. Ивнев, как и Есенин, постепенно отрекся от имажинизма, точнее перерос это сужавшее его творческие возможности течение.

Из друзей Ивнева, умерших еще ранее Есенина, заметит Велемир Хлебников, который общим с Ивневым манифестом, расклеенным в 1919 году по Петрограду, провозгласил, что они оба — Председатели Земного Шара. Как видите, Ивнев умел и шутить.

Первым после победы Советской власти Председателем Всероссийского Союза поэтов был Рюрик Ивнев, вторым Валерий Брюсов. Впоследствии эта организация самоликвидировалась, влившись в новосозданный Союз советских писателей (ССП), членом которого Рюрик Ивнев был со дня его основания.

Этери ШАВГУЛИДЗЕ

ИСКУССТВО

ДОБРА И

КРАСОТЫ

ГАЯНЭ Хачатурян относится к числу художников-самоучек, но ее удивительное, неповторимое искусство не следует определять понятием столь узкого значения. Более точно и целесообразно назвать ее самобытным художником, мастером индивидуальной манеры письма. Основание для такой оценки, бесспорно, дает хотя бы еще и не долгая, но с художественной точки зрения уже богатая и значительная ее творческая биография.

«Все мое творчество хочу посвятить Тбилиси, здесь я родилась, здесь прошло мое детство. А я ведь почти всегда остаюсь в детстве», — говорит Гаянэ, и действительно, ее искусство — это художественно-философское обобщение наивных детских восприятий на ассоциативной основе.

Впервые в Тбилиси Гаянэ открыла для себя существование красного мака — ее любимого цветка; увидела, как в мартовские ветра церковные купола летят в воздухе, звонят в колокола, пробуждая людей от зимней спячки; что Кура — это зримая скорлупа Тбилиси и что в августовский зной небо — этот огромный цветок фиалки — опускается на крыши, вступает в удивительную связь с городом, а пышущие жаром улицы суживаются и льнут ажурными балкончиками друг к другу. В Тбилиси у Гаянэ есть «собственные» улицы: улица Печали, улица Радости, улица Восторга... И у каждой из них — свой облик, свой характер, свой цвет, свои люди.

Именно беспредельная любовь к Тбилиси сблизила Гаянэ с большим искусством Елены Ахвледяни. Под влиянием ее цикла «Белая зима» молодая художница в белом колорите создала свой первый тбилисский пейзаж, но от этой работы веет зимним холодом, — она как бы согрета солнечными лучами — как видно, Гаянэ близок пламенный, знойный колорит Сарьяна. Это чувствуется и в другом пейзаже — «Старый Тбилиси» (масло, 1965). Здесь гамма локальных, звучных красок осязаемо передает пустынную городскую улицу в жаркий летний день, но сам рисунок, структурный строй картины опять-таки навеяны творческой манерой Ахвледяни. В переулках, где полновластно царят солнечные лучи, бродит единственное живое существо — собака. Поразительна тень этой фигуры — нечто прозрачное и в то же время более сильное, чем сама форма. Именно эта тень восхитила Бажбеук-Меликяна, когда в 1964 году он увидел первый натюрморт Гаянэ. Композиция была обычной — окно на фоне гор, на подоконнике — очень большой коричневый горшок с единственным цветком, рядом с ним — маленький белый чайник, — но необычны были тени, отбрасываемые предметами. Подобное ощущение отражения форм в полотнах Гаянэ больше не повторялось, ее художественное мышление было занято другими проблемами. Это безошибочно свидетельствовало о рождении самобытной талантливой живописи, что не укрылось от зоркого глаза мастера и пробудило в нем интерес к творчеству молодой художницы.

В этот период Гаянэ работает как бы лишь для того, чтобы показывать свои полотна Елене Ахвледяни, которая очень строго, но точно оценивала каждую новую работу. Замечая свое влияние, Елена Ахвледяни, непревзойденный мастер пейзажа, не скрывала своего недовольства. Но совершенно неожиданно Гаянэ принесла ей пять полотен, выполненных маслом: «Черная пантера», «Луна. Камень», «Рыжеволосые сололацкие женщины», «Красные кони», «Белые танцовщицы». И всегда сдержанная Елена Ахвледяни не сумела скрыть восхищения: «Вот теперь вы — художник!»

Г. Хачатурян стихийно, движимая внутренней интуицией, пришла к первым чертам собственного стиля. Искусство — ведь это всегда открытие нового, в нем нет раз навсегда данных истин. Каждый художник самостоятельно приходит к своей истине, ибо каждый художник — это яркая индивидуальность, со своим мировоззрением, характером и привычками. Собственное «я» у Гаянэ выражается не только в своеобразии формообразования, неповторимости живописных средств, — его характеризует прежде всего способность передачи психологически сложного эмоционального состояния человека средствами фактуры. Ощущения, вызванные ее полотнами, чаще всего возникают произвольно и существуют у зрителя подсознательно, но всегда точно соответствуют художественной задаче и создают соответствующее настроение.

Что бы и кого бы ни рисовала Гаянэ, она всегда старается передать чувство своей духовной близости к модели.

Исходя из этого, художница понимает искусство живописи как процесс создания зрительно воспринимаемого художественного образа, обусловленный прежде всего уровнем образного мышления и познавательно-оценочной способностью человека. Это хорошо видно в использовании художницей таких изобразительных средств, которые нацелены на комплексное восприятие сложной полифонии картины.

Неукротимая тяга ко всему новому в искусстве, динамика, аллегория, романтизм присущи творчеству Гаянэ. Мы не беремся утверждать, что ее искания всегда плодотворны, хотя бесспорны ее большие находки в области живописи. Это уже своего рода программа. Что же в ней реального, созвучного современной ситуации, а что — от мечты?

Человеческая жизнь немыслима без фантазии, без мечты. Тем более жизнь художника, у которого эта потребность выражена еще острее. Однако творчество Г. Хачатурян — отнюдь не плод чистой фантазии, не сказка, не вымысел. Не содержит оно и элементов повествовательности, — это собственный мир художника, возникший на вполне реальной основе, маленькое царство, где прошлое и современность незаметно переплетены между собой, сосуществуют, служат одной благородной цели — утверждению добра и красоты.

Гаянэ Хачатурян опирается на принципы великих мастеров раннего Возрождения. Искусство Фра Анжелико, Паоло Учелло, Джотто, Мазаччо — это гимн человеческому благородству, глубокий душевным переживаниям. Творчество Гаянэ также целиком посвящено Человеку. Это подлинное торжество жизни, увековеченное в фейерверке красок. Художница пытается увести человека от повседневных проблем и, первым делом, утвердить в нем идею гармонической целостности мира. На полотнах Гаянэ всегда мирно уживаются между собой люди, животные, природа. Это видно уже в ранних работах: «Белая обезьяна» (масло, 1966 г.), «Жонглеры» (масло, 1966 г.), «Танцовщица с пантерой» (масло, 1968 г.), «Красная жонглесса. Скрипка, альт» (масло, 1969 г.) и др. Особенный интерес представляет полотно из серии львов «Желтые гранаты» (масло, 1968 г.) — на балконе преспокойно разгуливает огненный лев с массивной челюстью и ушами, напоминающими морские раковины, что в воображении автора ассоциируется с тбилиским солнцем. По обе стороны от льва на балконе сидят фигуры. И вдруг на холсте появляется лицо, которое мы как будто когда-то, где-то видели... Художница с помощью качественно новых сочетаний различных компонентов изобразительного искусства воздействует не только на сознание и чувства, но и на способность ассоциативного восприятия зрителя. С этой точки зрения искусство Гаянэ Хачатурян можно назвать даже зрительно-ассоциативной живописью.

В творчестве Гаянэ привлекает внимание целеустремленность художественных исканий, идейная последовательность и принципиальность. В вопросах масштабов, форм, цвета она избегает какого бы то ни было насилия, нарочитости, и если до 70-х годов достигала этого стихийно, то уже позднее в

ней проснулся художник-романтик, мыслящий творец, личность, которую волнуют сложные проблемы современности. Ее интересует не конкретный человек, а идея человечности вообще, ее неразрывная связь с окружающим миром. В работах художницы не ощущается никакой грани, никакого противопоставления между явлениями природы — человек у нее похож на птицу, а птица на человека; дерево и камень — так же одушевлены, как и любое другое живое существо. Подобное философское осмысление мира, подобное понимание взаимоотношений между художником-человеком и природой характерно для китайских пейзажных жанров. Эти сложные поэтические реминисценции, своеобразно отраженные в творчестве Гаянэ Хачатурян, носят интернациональный характер. Ее «Органистка и летящая ночь» (масло, 1970 г.), «Вино. Красная пшеница» (масло, 1970 г.), «Натюрморт. Груша — глаз» (масло, 1970 г.), «Авлабар. Красная ночь» (масло, 1972 г.), «Реквием. Кровавая луна» (масло, 1972 г.) и другие работы — это стихия жизни, любви и свободы.

Система художественного мышления Гаянэ Хачатурян — это невидимый внутренний процесс, и вместе с тем в ней со всей откровенностью проявляется человеческий облик автора. Каждое ее полотно — это своего рода духовный автопортрет. Сложные образы, насыщенные всем богатством чувств и настроений, заключены в оболочку романтического мироощущения. Это обусловлено пластическим языком художника, четкостью композиционного построения произведений, сложным ритмом изображаемого, контрастностью цветовых пятен, что, в конечном счете, создает гармоническую цельность и заставляет зрителя подолгу стоять перед картинами, во всей полноте ощущать величие Человека.

Вообще мышление символами в искусстве присуще не одному художнику, но двусмысленные формы в творчестве Гаянэ являются скорее плодом ассоциативного видения, нежели переводом некоей идеи на язык символов. Красное пятно, которое так часто возникает на ее полотнах, — это внезапное, подсознательное проявление любви к маку; форма груши вызывает у художницы ассоциации неразрывности связи земли и неба; изображение помпезных головных уборов способствует выявлению внутренней природы людей, показу их личных достоинств — перед зрителем как бы разворачивается действие удивительного спектакля. Таковы, например, работы «Белая карусель» (масло, 1977 г.), «Ночные актеры «Скерцо шепота» (масло, 1976 г.), «Порхание бабочки» (масло, 1978 г.) и др. Такой будет и новая серия художницы «Муштайд. Сад детства», которая непременно пробудит в зрителе воспоминания детства, напомнит, что жизнь — это праздник, только надо суметь его увидеть и почувствовать.

В жизни истинного художника никогда не наступает момент, когда все уже сказано, а в мастерской нет новых эскизов, и хотя трудно говорить о том, что находится еще в процессе создания, над чем автор продолжает напряженно думать, но без этих, порой очень сложных, творческих поисков нельзя себе представить настоящего художника. Ра-

бочая комната Гаянэ Хачатурян полна холстов, и, как обычно, она работает одновременно над несколькими произведениями. Работает напряженно, увлеченно, ибо разделяет мнение Делакура, что живопись ревнива как женщина: ревность ты должен видеть в ней одной, и тогда она откроет тебе свою тайну.

Интересна еще не оконченная картина, посвященная памяти Елены Ахведиани. По фактуре и колориту, формам предметов и их композиционному расположению, парадоксальному и четкому противопоставлению фигур, их отношениям между собой и со зрителем, динамичности пластического монтажа это живописное полотно очень типично для творчества Гаянэ Хачатурян, но в нем вызывает интерес интерпретация идеи вечности искусства: белые кони мчат художника в мир иной, но остается его скрипка, которая продолжает играть. Настроение праздничности не покидает нас, а ведь только настоящее искусство способно вызывать такие эмоции.

Гаянэ Хачатурян часто возвращается к прежним композициям, но при этом всегда ищет более точную пластическую формулу передачи художественного замысла. Она старается вложить в любую форму свое собственное содержание, придать свой цвет, чтобы даже по небольшому фрагменту картины можно было узнать авторский стиль. Так создает художница новую серию жонглересс и жонглеров, в которой нет определенного сюжетного действия. Ее фигуры больше похожи на птиц, ходящих по земле с воздушными шарами и танцующими куклами в руках. Эти элементы, придающие работам оттенок праздничности, призваны прежде всего служить выявлению конструктивного построения картины, раскрытию ее смысла. Композиция строится на ритмических контрастах — острых столкновениях групп и отдельных фигур. Автор активно использует напряженное звучание красного и синего цветов, однако надо сказать, что живописное мышление этого мастера — феномен совершенно самобытный, неповторимый, который стоит отметить особо. В создании художественного образа у нее цвет играет ведущую роль. Virtuозными, легкими, динамичными мазками, то быстрыми и сильными, то широкими и длинными, то зернистыми, то богатой гаммой сплетающихся между собою красок художница создает колоритное единство поразительной звучности, в котором читается несчетная градация зеленых, синих, красных, желтых тонов. Формы изображений решительно подчиняются автором силе живописи и разворачиваются плавными, пластичными линиями. Этот артистизм, эта динамичная, нервная вибрация формы придает полотнам Гаянэ Хачатурян особую прелесть и неповторимость. Картина как бы оживает, форма преобразается, развивается в мелодическом движении, и произведение наполняется волнующими, вдохновенными, страстными чувствами. Полотна Гаянэ дышат необузданной, спонтанной силой живописного темперамента, который порой обнажается перед нами до конца, а иногда предстает под маской сдержанности и спокойствия.

Поэтическое видение мира чувствуется даже в названиях произведений: «Голубой миндаль», «Слон. Альпий смычок», «Вино. Вуаль», «Голубой локоп айвы» и многих других. Завершенная работа сама подсказывает автору свое название. Полученные впечатления, ощущения рождают в сознании живописца художественную идею, а затем в виде названия выливаются в поэтизированную художественную форму. Так, например, после поездки в Гурию, когда художница попробовала перенести свои впечатления на холст, оказалось, что склоны гор Гурии покрыты ночной росой, подобно рассыпанным повсюду крупным рисовым зернышкам. Так возникла картина с необычным названием — «Ночной рис» (масло, 1976 г.)

Гаянэ Хачатурян ставит перед собой большие задачи: создать чистую, словно народная музыка, свободную от каких бы то ни было влияний живопись, которая будет пленять людей стихийностью полета, вдохновения.

Труден и в то же время радостен путь художника ищущего, стремящегося к подлинным открытиям в искусстве, художника, творчество которого проникнуто патриотическим чувством служения народу, проповедует благородную идею утверждения Добра и Красоты.

Встречу с этой интересной художницей хочется закончить словами Мартироса Сарьяна: «Искусство — зов природы, доносящийся до нас через людей. Чем большую верность сохраняет человек своей природе, тем более убедительным и волнующим будет его искусство. Именно благодаря этим особым качествам пленяют зрителя произведения Гаянэ Хачатурян, которые приобщают нас к ее самобытному, волнующему и поэтическому миру».

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

С 1 января 1982 года розничная цена за один экземпляр журнала «Литературная Грузия» устанавливается в размере 65 коп., а стоимость годовой подписки — 7 руб. 80 коп.

Это связано с увеличением стоимости бумаги для печати, затрат на полиграфическое исполнение и доставку изданий подписчикам.

«НЕ ЗАРАСТЕТ НАРОДНАЯ ТРОПА»

ТОРЖЕСТВЕННО отметил грузинский народ 100-летие со дня рождения выдающегося грузинского советского писателя Михаила Джавахишвили.

В эти дни вся республика чествовала своего любимого писателя. Тысячи людей собрались на главной площади райцентра Марнеули, где состоялся митинг, посвященный открытию памятника писателю.

Среди гостей, прибывших на юбилейные торжества, литераторы со всех уголков нашей страны — Украинны и Киргизии, Армении и Азербайджана, Абхазии и Юго-Осетии...

Митинг вступительным словом открыл первый секретарь Марнеульского райкома партии Р. Мемарнишвили.

Под бурные аплодисменты собравшихся писатели-академики И. Абашидзе и Г. Абашидзе снимают с памятника покрывало, и взорам присутствующих предстает отлитый в бронзе вдохновенный образ Михаила Джавахишвили.

Авторы памятника — заслуженный художник Грузинской ССР Г. Мизандари, архитектор — лауреат премии Совета Министров СССР А. Маргвешвили.

Затем участники юбилейных торжеств направляются в Церакви, небольшое грузинское село, где 100 лет назад родился писатель. Здесь и происходил народный праздник.

В театрализованном представлении ожили герои произведения М. Джавахишвили — «Арсен из Марабды», «Свадьба Курки», «Квачи Квачантирадзе», «Приговор» и других.

В празднике, позволившем вновь соприкоснуться с творчеством М. Джавахишвили, участвовали художественные коллективы Тбилиси, Марнеульского района, односельчане писателя.

В тот же день состоялось открытие Дома-музея М. Джавахишвили. Его экспозицию составили книги и рукописи писателя, фотографии и документы.

В юбилейных торжествах в Марнеули и Церакви приняли участие товарищи Г. Н. Еивкидзе, Т. Н. Ментешашвили, Т. В. Ростиашвили, О. Е. Черкезия, И. Н. Орджوليкидзе, заведующие отделами ЦК КП Грузии Н. Ш. Джанберидзе, О. Ш. Каджая, управляющий делами ЦК КП Грузии Т. И. Хелашвили, второй секретарь ТК КП Грузии Н. В. Гургенидзе, секретарь правления Союза писателей СССР, лауреат Ленинской премии Ч. Айтматов, председатель Совета по грузинской литературе при ЦК СССР Е. Евтушенко.

* * *

В ТБИЛИСИ, в сквере на углу проспекта Мира и улицы Бахтрионской в торжественной обстановке состоялась закладка памятника выдающемуся мастеру грузинско-

го слова, писателю Михаилу Джавахишвили.

Митинг вступительным словом открыл председатель исполкома Тбилгорсовета Г. Д. Габуния.

На митинге также выступили главный редактор газеты «Литератури Сакартвело» В. Челидзе, председатель правления Союза художников Грузии, лауреат премии имени Руставели Э. Амашукели, секретарь правления Союза писателей Украины Ю. Мушкетик, бригадир электромонтажников ТЭВЗа имени В. И. Ленина Г. Метонидзе и другие.

На закладке памятника писателю присутствовали Г. Н. Енукидзе, Т. Н. Ментешашвили, второй секретарь Тбилисского горкома партии Н. В. Гургенидзе, заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Ш. Джанберидзе, видные грузинские писатели и ученые, многочисленные гости из братских республик страны.

* * *

В ЛИТЕРАТУРНОМ музее имени Г. Леонидзе была открыта книжная иллюстративная выставка, посвященная жизни и творчеству Михаила Джавахишвили. Около 300 редких фотографий, издания произведений писателя разных лет, кино- и театральные афиши наглядно раскрыли удивительный мир большого художника и гражданина, подлинного патриота и интернационалиста.

* * *

В ТБИЛИССКОМ государственном академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили состоялся юбилейный вечер, посвященный 100-летию выдающегося грузин-

ского советского писателя Михаила Джавахишвили.

Торжественный вечер открыл вступительной речью поэт-академик, Герой Социалистического Труда, председатель республиканской юбилейной комиссии по ознаменованию столетия со дня рождения писателя И. Абашидзе.

На юбилейном вечере присутствовали товарищи Э. Шеварднадзе, П. Гиладшвили, Г. Енукидзе, Т. Ментешашвили, Д. Патиашвили, С. Хабишвили, О. Черкезия, Т. Мосашвили, И. Орджоникидзе.

«Я в сердце моего народа, в сердце моем — мой народ» — оброненная в ранней юности поэтическая фраза писателя стала впоследствии как бы эпитафией ко всему его творчеству. Так начал свой доклад о жизни и творческом пути М. Джавахишвили секретарь правления Союза писателей Грузии, профессор Г. Цицишвили. В своем докладе он подчеркнул, что М. Джавахишвили был одним из отважнейших среди тех бесстрашных сынов Грузии, кто в эпоху царизма возвысил голос против несправедливости, боролся словом и делом за свободу своего народа. С подлинным самоотвержением помогал он делу обновления, возрождения и прогресса Родины. Свое творчество, овеянное светом высокого таланта, он всецело поставил на службу Советской Грузии.

Перед собравшимися также выступили выдающийся киргизский писатель, лауреат Ленинской и Государственной премий, секретарь правления Союза писателей СССР Ч. Айтматов, видный советский поэт, председатель Совета по гру-

зинской литературе при Союзе писателей СССР Е. Евтушенко, секретарь правления Союза писателей Украины Ю. Мушкетик, секретарь правления Союза писателей Азербайджана Эльчин, секретарь правле-

ния Союза писателей Армении М. Саркисян. Поэт М. Илизашвили прочитал свое новое стихотворение, посвященное М. Джавахишвили.

В заключение состоялся большой концерт.

«ЖЕМЧУЖИНЫ СТИХОВ, НАНИЗАННЫЕ НА ОЖЕ- РЕЛЬЕ НАРОДНОГО СКА- ЗАНИЯ»

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «Рюттен унд Ленинг» (Берлин, 1980) третьим изданием вышла поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Газета «Нойес Дойчланд» опубликовала рецензию доктора Хельмута Волле под вышеприведенным заголовком. Ее содержание несомненно заинтересует наших читателей.

«Параллельно с тем, как Вольфганг фон Эшенбах творил своего «Парсифаля» и «Песнь о нибелунгах» была записана неизвестным поэтом, в далекой Грузии родилось эпическое произведение «Витязь в тигровой шкуре». О его создателе известно не больше того, что он в 1671 четырехстрочной строфе сам о себе сообщает, и этого явно недостаточно.

По поэме видно, что ее автор был высокообразованным человеком, хорошо знал как греческую философию, так и христианскую теологию и восточный мир сказки. Руста-

вели свободен от религиозной узости, в центре его внимания — человек, поэтому многие историки литературы определили поэму как явление ренессанса.

Основным содержанием «Витязя» является прославление дружбы и любви. С пламенной страстью воспевает Шота Руставели любовь. «Я, Руставели, одержимый...» — говорит он о себе. Достойны внимания женские образы поэмы, прежде всего Нестан и Тинатин. Героини Ш. Руставели активно формируют свою судьбу в политике и в любви. Высказывается предположение, что поэма — дань благоговения перед царицей Тамар...»

Вместе с вышедшим в 1976 году в издательстве «Киндербухферлаг» прозаическим пересказом «Витязя в тигровой шкуре» Виктории Руика-Франц с полными фантазии иллюстрациями Норберта Поля, новое издание известного перевода австрийского поэта Хуго Хуперта с иллюстрациями Левана Цуцкиридзе явилось истинным подарком читателю.

А. ГЕРШТЕНБЛИТ

СИГУА Сосо Ильич. Род. в 1949 г. Окончил Тбилисский государственный университет. Кандидат филологических наук. Печатается с 1971 года. Автор трех книг литературоведческого характера — «Литературные прелюдии» (1974), «Эпоха и проблема стиля» (1976), «Структура прозы Константи́не Гамсахурдиа» (1980) и романа «Двенадцатая параллель» (1981).

СТУРУА Георгий Дэвович. Род. в 1955 г. Окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. Аспирант кафедры Истории международных отношений и внешней политики СССР МГИМО МИД. Специализируется в области внешнеполитических проблем.

ХОДУБСКИ Анджей. Доцент Гданьского университета. Работает над темой «Культурная

революция в Закавказье». В связи с этим находился в долгосрочной творческой командировке в Баку. Параллельно исследует грузино-польские культурные связи.

ЦУЛЕЙСКИРИ Нодар Александрович. Род. в 1932 г. Закончил факультет востоковедения Тбилисского государственного университета. Начал печататься с 1956 г. Автор повестей, романов, рассказов. В разное время издавались его книги — «Белая гора», «Тутарчела», «Камень Давида Строителя».

ШАВГУЛИДЗЕ Этери Нодаровна. Искусствовед. Окончила Тбилисский государственный университет и там же аспирантуру. Автор ряда статей, посвященных проблемам теории грузинского искусства керамики, а также современной грузинской живописи.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ, Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения — 93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.

На первой странице обложки: Грифон. Рельеф тимпана (XI век).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

„ლიტერატურული მხატვრობის“

— უკველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივი პოლიტიკური შურნალი (რუსულ ენაზე)

ბათუმის 1957 წლის ივნისიდან. №10, ოქტომბერი, 1981 წ.

Сдано в набор 8.IX.1981 г. Подписано к печати 22.X.1981 г. УЭ 01590. Формат 84×108¹/₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0— усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 7.700 экз. Заказ № 2328. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЛОМИА К. «Мои корабли». Стихотворения. Пер. с абхаз. Вступит. статья Е. Долматовского. Москва, 1981. 234 с. 10.000 экз. 80 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

ГЕГЕЧКОРИ Г. «Пробуждение птиц». Стихи. Пер. с груз. Ю. Мориц. Москва, 1981. 80 с. 20.000 экз. 40 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ДЖОХАДЗЕ М. «Человек из маленького двора». Рассказы и повесть. Авториз. пер. с груз. А. Абуа-швили. Предисл. Т. Чиладзе. Москва, 1981. 159 с. 75.000 экз. 45 к.

«МЕРАНИ»

ХАРАИДЗЕ Г. «Мемуары счастливого человека». Повести. Пер. с груз. Тбилиси, 1981. 296 с. 10.000 экз. 75 к.

КАРСКИЙ Ю. «Песня летит сквозь годы». Стихи. Тбилиси, 1981. 39 с. 1.000 экз. 15 к.

60 к

ИНДЕКС 76117

16080000

0000000000